50 ЛЕТ ПЛАНА ГОЭЛРО

ОГОНЁК
№ 51 ДЕКАБРЬ 1970
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

В. И. ЛЕНИН:
«Коммунизм — это есть Советская власть плюс электрификация всей страны».

Машинный зал Братской ГЭС.

Фото А. Гостева.

ОГОНЁК

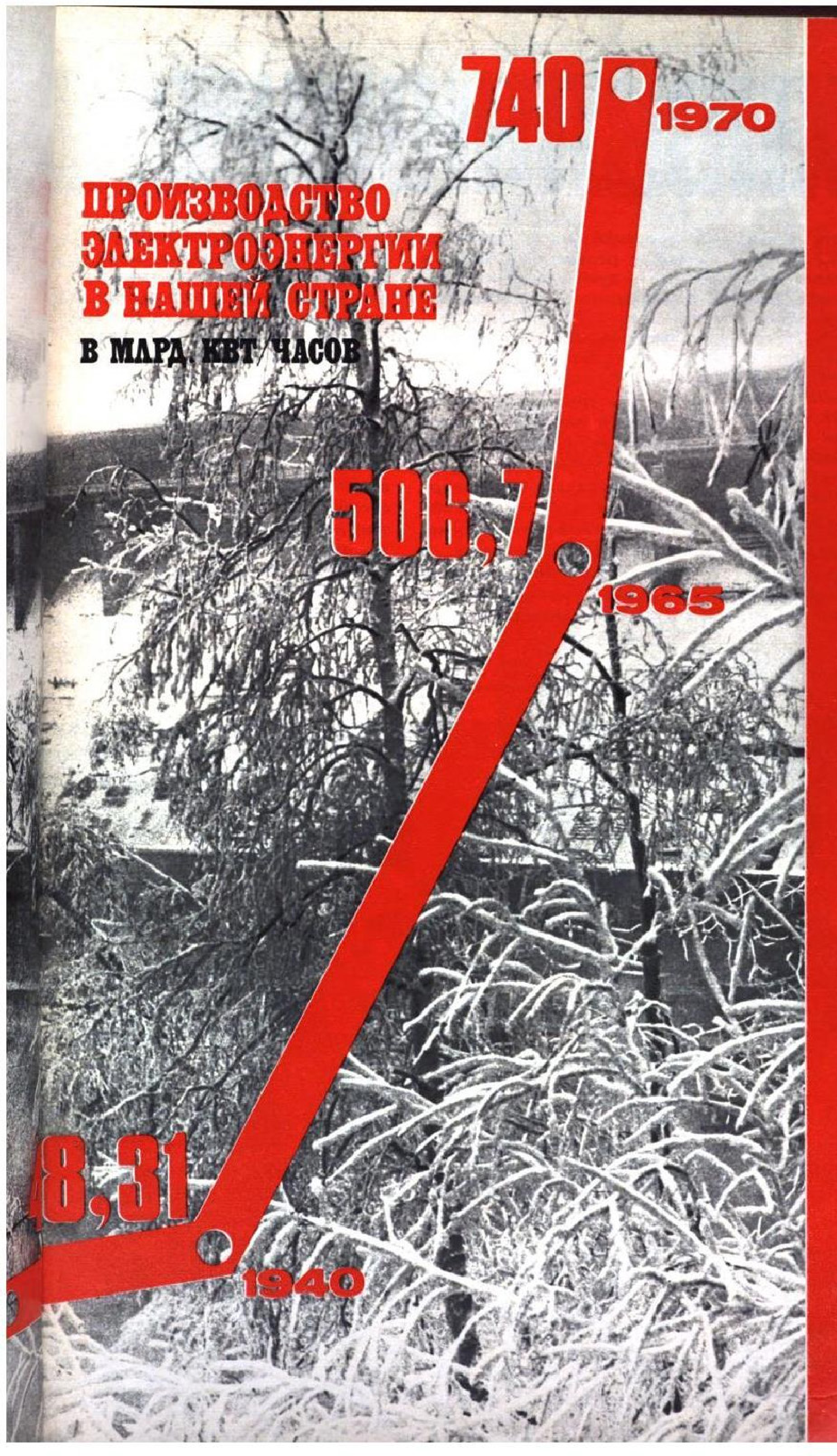
Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

№ 51 (2268)

Основан 1 апреля 1923 года

19 ДЕКАБРЯ 1970



По плану ГОЭЛРО предполагалось построить 30 электростанций общей рабочей мощностью 1425 тысяч квт. Сегодня в стране работают сотни электростанций общей мощностью 166 млн. квт.

ЕСТЬ СТО ЛЕНИНСКИХ ПЛАНОВ!

Продолжение см. на стр. 10—14

ВДОХНОВЛЯЮЩИЕ П

Закончила свою работу сессия Верховного Совета СССР. Депутаты единодушно приняли Государственный план и бюджет страны на 1971 год, одобренные в основном на Пленуме ЦК КПСС, состоявшемся 7 декабря. Кроме того, Верховный Совет СССР утвердил Основы водного законодательства Союза ССР и союзных республик, а также принял другие законы и постановления.

Народнохозяйственным планом на 1971 год предусмотрено увеличить объем промышленного производства СССР в будущем году на 6,9 процента, сельскохозяйственного производства — на 5,5 процента. Национальный доход страны возрастет на 6,1 процента. На 4,7 процента возрастут реальные доходы в расчете на душу населения. Объем капитального строительства увеличится на 7,2 процента. Значительно возрастают затраты государства на развитие народного образования, науки, здравоохранения и культуры. Планом предусматривается дальнейший подъем экономики и культуры всех союзных республик.

Газета «Правда» 12 декабря 1970 года в передовой статье «Во главе с ленинской партией—к новым свершениям» отмечает:

«Ярким выражением всенародной поддержки ленинского курса КПСС, ее Центрального Комитета явилась сессия Верховного Совета СССР, проходившая 8—10 декабря. Сессия Верховного Совета СССР вновь продемонстрировала величие материальных и духовных сил нашей Родины, непоколебимую сплоченность всех трудящихся вокруг Коммунистической партии, выразила волю советских людей добиться претворения в жизнь вдохновляющих планов партии. Выступления избранников народа, документы сессии дают впечатляющую картину гигантского размаха созидательного труда советских людей, строящих материально-техническую базу коммунизма...

Народнохозяйственный план

Москва, Кремль. Вторая сессия Верховного Совета СССР восьмого созыва. На снимке: товарищи Л. И. Брежнев и Н. В. Подгорный среди депутатов в перерыве между заседаниями.

Фото А. Устинова и М. Скурихиной.

ЛАНЫ

СССР на 1971 год является составной частью разрабатываемого в настоящее время девятого пятилетнего плана на 1971—1975 годы. Главными задачами плана на предстоящий 1971 год являются повышение эффективности общественного производства, дальнейшее укрепление материально-технической базы сельского хозяйства в соответствии с решениями июльского (1970 г.) Пленума ЦК КПСС, ускорение научно-технического прогресса, совершенствование управления и обеспечение на этой основе высоких темпов развития всех отраслей народного хозяйства и роста благосостояния советского народа...»

На снимке: Москва. Избирательный участок № 23 Сокольнического района. Избиратели голосуют за народного судью Г. Н. Воробьеву.

Фото В. Чередницева (ТАСС).

ДРУЖНО И ОРГАНИЗОВАННО

В ВОСКРЕСЕНЬЕ, 13 ДЕКАБРЯ, ПО ВСЕЙ НАШЕЙ СТРАНЕ, ВО ВСЕХ СОЮЗНЫХ РЕСПУБЛИКАХ, ПРОШЛИ ВЫБОРЫ НАРОДНЫХ СУДЕЙ. СОВЕТСКИЕ ЛЮДИ ДРУЖНО И ОРГАНИЗОВАННО ГОЛОСОВАЛИ ЗА ДОСТОЙНЫХ СЫНОВЕЙ И ДОЧЕРЕЙ НАРОДА, КОТОРЫМ ОКАЗАНО ВЫСОКОЕ ДОВЕРИЕ СТОЯТЬ НА СТРАЖЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ЗАКОННОСТИ.

СНОВА РАБОТАЕТ РАДИОМОСТ ЛУНА — ЗЕМЛЯ. СНОВА «ЛУНОХОД-1» ДВИГАЕТСЯ ПО ПОВЕРХНОСТИ НАШЕГО ЕСТЕСТВЕННОГО СПУТНИКА, ПРЕОДОЛЕВАЕТ ПРЕПЯТСТВИЯ. ЕГО КОНСТРУКЦИЯ ЗАМЕЧАТЕЛЬНО ВЫДЕРЖАЛА И ЛУННЫЙ ДЕНЬ И ЛУННУЮ НОЧЬ.

Мы просим ВЕДУЩЕГО СПЕЦИАЛИСТА ПО БОРТОВЫМ СИСТЕМАМ рассказать, как в условиях суровых лунных контрастов удается сохранить нормальную температуру в приборном отсеке «Лунохода-1».

ДЕНЬ ВТОРОЙ...

— Да, луноходу приходится работать поистине в контрастных условиях. Перепад температур между днем и ночью на Луне — почти 300 градусов. Вот здесь-то нормальный «климат» внутри лунохода создает его система терморегулирования.

Весь корпус лунохода — приборный отсек — покрыт шубой из многослойной экранно-вакуумной теплоизоляции. Представьте себе тончайшую пленку, на которую нанесен слой металла. Она, как зеркало, отражает свет, а сама тоньше самой тонкой металлической фольги. У нее маленькая теплоемкость — то есть и сама она почти не поглощает тепла, а все падающие тепловые лучи отражает. И вот из нескольких десятков слоев такой пленки и сшито одеяло для лунохода. Передача тепла между слоями отсутствует. А зеркальная поверхность теплоизоляции надежно защищает от лучистого теплообмена. Таким образом, одеяло, или, если хотите, многослойная зеркальная шуба, как экран, отражает все тепловые лучи.

Однако незначительная утечка тепла все же есть. Ведь к корпусу лунохода прикреплены различные кронштейны, приводы, рама шасси, то есть все те элементы конструкции, которые невозможно укутать изоляцией. Через них-то часть тепла и уходит из корпуса лунохода. Для компенсации тепловых потерь в приборном отсеке стоит специальное подогревательное устройство.

Система терморегулирования работает автоматически. Вот, например, в одном из закоулков отсека температура стала ниже заданной. За показаниями термодатчиков следит целая система реле. Подается команда, и включается вентилятор. Теплый газ прогоняется по воздуховодам, обдувая переохлажденные агрегаты. Как только температура вошла в норму, вентилятор и подогреватель выключаются.

В жаркий лунный день система терморегулирования решает обратную задачу — отводит из приборного отсека избыток тепла. Ведь в это время освещенные Солнцем поверхности лунохода нагреваются до 130 градусов. Кроме этого, на лунный день приходится работа всех бортовых систем, а среди них много таких, которые при работе сами выделяют тепло. Здесь уже вентилятор гонит теплый газ к тем поверхностям корпуса, которые находятся в тени и имеют низкую температуру. Если этого недостаточно, то по команде автоматики открываются заслонки воздуховодов и нагретый газ направляется в радиатор охлаждения, так же как вода в обычном земном автомобиле. Охладившийся газ обдувает нагретые приборные блоки, забирая избыток тепла.

Если и этой меры недостаточно, то для увеличения переноса тепла принимается самая «крайняя» мера. Нагретый газ направляется по лабиринтам, где находится вода. Она, испаряясь, отнимает значительное количество тепла. Да и сам водяной пар, обладая высокой собственной теплоемкостью, является лучшим теплоносителем. На этом режиме работы температура внутри приборного отсека быстро входит в норму.

А. НЕЧАЕВ, инженер

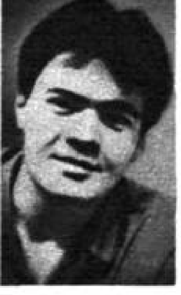
Фрагмент из панорамного снимка, выполненного вечером 9 декабря правой камерой телефотометра «Лунохода-1». На снимке отчетливо виден след колес лунохода.

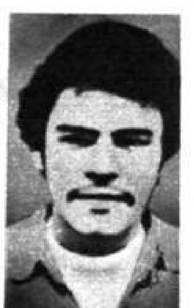
Фотохроника ТАСС.

КРИЗИС МАДРИДСКОГО РЕЖИМА * ВЕСЬ МИР ПРОТЕСТУЕТ ПРОТИВ РАСПРАВЫ * СОВЕТСКИЕ ЛЮДИ ГНЕВНО КЛЕЙМЯТ ОРГАНИЗАТОРОВ БУРГОССКОГО НАСИЛИЯ

Забастовки, манифестации, митинги протеста против произвола властей проходят в эти дни по всей Испании.

Фото из журнала «Ви увриер».





Хавьер Иско, Эдуардо Уриарте, Марио Онаиндиа, Хоакин Гаростиди, Хосе Дорронсоро, Франсиско Ларена. Для этих шести баскских патриотов бургосские палачи требуют смертной казни.

Фото из газеты «Паэзе сера».

БУРГОС — ВЫЗОВ ЧЕЛОВЕЧЕСТВУ

Борис ГУРНОВ

2 августа 1968 года в Ируне на пороге своего дома был убит Мелитон Мансанас, начальник секретной полиции Гипускоа, одной из провинций Страны Басков на севере Испании. Шестнадцать баскских патриотов предстали перед судом военного трибунала в городе Бургосе. Суду не удалось доказать ничего, кроме того, что эти люди — члены патриотической организации ЭТА, выступающей за свободу и автономию Страны Басков. Прокурор потребовал шесть смертных приговоров и 754 года тюремного заключения для остальных обвиняемых в убийстве полицейского шефа.

Подсудимые не признавали этот суд и не просили о снисхождении. «Скажите лучше, какой трибунал будет судить тех, кто ответствен за смерть и кровь расстрелянных полицией участников демонстрации протеста против этого незаконного процесса?»—воскликнул Марио Онаиндиа, один из обвиняемых.

...Страна Басков — благодатнейший край Пиренейского полуострова. Как жемчужина в перламутровой раковине, покоится Сан-Себастьян в золоте пляжа знаменитой Кончи, что в переводе с испанского означает «раковина». И так же, как морскую раковину нужно плотно прижать к уху, чтобы услышать скрытый в ней шум морской стихии, так и к Сан-Себастьяну, ко всей этой стране нужно тесно прильнуть душой, чтобы почувствовать пульс ее жизни. И тогда вам откроется трагедия этой страны, ее народа. Вы услышите раскаты грома часто неведомой внешнему миру суровой битвы, потрясающей города и селения этого края. Нужно прийти в рыбный порт старого города рано-рано утром, когда рыбаки собираются выйти в море. Или лучше поздно вечером, когда хозяева харчевен на пристани скоблят ножами многопудовые деревянные столы, продают по дешевке остатки жареной рыбы в прокопченных железных противнях и щедро подают нищим. Тогда здесь собираются свои.

Вот там-то мне и рассказали, как вся округа потихоньку праздновала день, когда был убит начальник секретной полиции Мансанас. Его прислали сюда, чтобы «навести порядок» и «окончательно решить баскский вопрос». А вопрос этот в том, что, помимо недовольства существующим режимом, которое давно зреет во всем испанском народе, баски постоянно испытывают еще и чувство уязвленной национальной гордости. И именно поэтому баскские патриоты создали организацию ЭТА, которой власти объявили беспощадную войну. В 1969 году три баска были убиты в стычках с полицией. Около двух тысяч человек арестованы, 250 насильственно высланы из Страны Басков. 93 баска осуждены обычными судами, 62 — военными трибуналами на сроки тюремного заключения общей сложностью в тысячу лет.

Вот как «решали баскский вопрос» Мансанас и те, чью волю он выполнял. Убийство полицейского начальника власти использовали для очередной атаки против ЭТА. Так был задуман процесс над патриотами в Бургосе. Только по подозрению в убийстве Мансанаса через полицейские участки и тюрьмы прошло свыше 600 человек.

В день убийства Мансанаса его жена выбежала из дома на шум выстрелов и видела убийцу, внешность которого она описала в полиции. Позже она опознала его на одной из двухсот предъявленных ей фотографий. Однако того человека по имени Трефоль полиция не смогла найти. Говорят, что он уехал куда-то в Латинскую Америку. Главного обвиняемого нет. Но процесс властям необходим.

И вот год спустя жена убитого и его дочь, которая в день убийства заявила, что ничего не видела, вдруг обе разом «опознали» убийцу в типографском рабочем Иско. Он был схвачен при попытке освободить из тюрьмы в Памплоне невесту своего товарища, арестованную за распространение листовок. Тех самых листовок с подписью ЭТА, которые я видел в порту Бильбао и в толпе, спешащей на бой быков в Памплоне на знаменитом празднике Сан-Фермин.

Как же так? Ведь Иско совершенно не подходит под то первое описание внешности убийцы ни по росту, ни по одежде? И почему «свидетельницы» не подписали протокола опознания? Почему они категорически отказались явиться на заседание трибунала, чтобы повторить свои показания? Да и почему вообще обвиняемых судит военный трибунал, а не обычный суд? Эти и множество других вопросов, вызванных вопиющими нарушениями судебно-процессуальных норм, задавали председателю военного трибунала адвокаты обвиняемых, которых власти решили сделать жертвами показательной судебной расправы в Бургосе. Именно расправы, ибо судом то, что происходило в здании командования 6-го военного округа Бургоса, назвать трудно. Начиная с первой минуты объявления состава трибунала и кончая последними мгновениями, когда подсудимые были вынуждены демонстративно отказаться от адвокатов, которым не дали их защищать. Из пяти членов трибунала четверо — обычные армейские офицеры. Председатель трибунала — кавалерийский полковник, командир кирасирского полка.

Поначалу кавалерийский полковник пытался выглядеть гуманным и демократичным. В воскресенье солдаты, плотным кольцом окружившие здание трибунала и перекрывшие соседние улицы, даже надели белые перчатки. Был праздник пречистой девы, считающейся покровительницей испанской пехоты. Но именно в этот день, пробившись через град председательских окриков, подсудимые рассказали о зверских пытках, которым подвергали их во время следствия и допросов, чтобы вырвать признания в «бандитизме и террористической деятельности». Обвиняемые стали обвинителями своих судей. На следующий день заседание трибунала было отменено. Председатель сослался на болезнь одного из своих коллег. Было ясно, что, испугавшись неожиданных разоблачений, председатель ждет инструкций — как быть с процессом, который грозил выйти из-под контроля его организаторов.

Инструкции, видимо, пришли весьма решительные. Это было видно хотя бы по председателю, который решительно отбросил игру в гуманность и демократию и явно стремился соблюсти минимальные формальности и срочно завершить процесс. Заключенные были отделены от зала плотной стеной* вооруженных охранников и в течение всего процесса оставались в наручниках, дополнительно скованные цепями попарно. На просьбу одного из адвокатов отменить эту меру пресечения, которой «не видели ни в каком суде, ни в одной стране мира по крайней мере со времен инквизиции», председатель ответил отказом. Адвокатам приходили письма с «советами» «заказывать себе похороны». В суде им не давали говорить, грозили, что в любой момент их могут заменить защитниками из военных или же «за неповиновение трибуналу» по статье 315-й военного кодекса они могут угодить в тюрьму на шесть лет.

После получения инструкций кавалерийский полковник практически исключил защиту из процесса. Допрос обвиняемых свелся к формальному установлению личностей и ответу на вопрос: признаете ли себя виновным? Все шестнадцать ответили «нет» и с гордостью сказали: «Да, мы являемся членами организации ЭТА, борющейся за свободу и независимость своей родины».

Подняв кулаки скованных цепями рук, они кричали в лицо своим судьям: «Убийцы!», «Да здравствует Страна Басков! Да здравствует свобода!», а затем, подхваченный публикой, в зале грянул гимн ЭТА — песня, которую пели баски, сражавшиеся в рядах республиканцев во время гражданской войны в Испании.

Полицейские силой заставили обвиняемых замолчать, удалили из зала публику, и процесс продолжался при закрытых дверях.

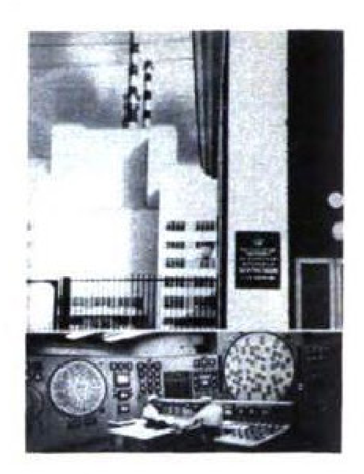
Судебный процесс над шестнадцатью басками стал серьезным, пожалуй, самым серьезным за последние 30 лет политическим испытанием для официального Мадрида.

Процесс в Бургосе, как и расстрел летом этого года забастовщиков в Гранаде, является явной уступкой сторонникам жесткого курса и крайних мер. Как и расстрел в Гранаде, процесс в Бургосе лишь вновь подтвердил крах политики реакционных кругов.

Этот процесс, как и летний расстрел, вызвал новую, на этот раз невиданную в Испании волну массовых забастовок и политических манифестаций протеста против существующего режима. Он вызвал гнев и возмущение во всем мире.

Сан-Себастьян — Бургос — Париж.

ШИРОКИЙ ШАГ ДОБРОГО АТОМА



Лауреат Ленинской премии,
доктор технических наук, профессор
Н. М. СИНЕВ

Самым выдающимся событием в области энергетики во второй половине XX века явилось научное открытие и практическое получение внутриядерной энергии при делении нейтронами ядер урана и плутония. В распоряжении человека появился новый, изумительный по своей удельной концентрации источник энергии, источник, превосходящий по своим ресурсам в несколько раз все разведанные запасы органического топлива.

Ныне атомная энергетика выступает как один из основных и самых перспективных высокоэкономичных источников удовлетворения растущих потребностей в энергии.

Ни одна отрасль техники в мире так быстро не развивается, как атомная энергетика. В самом деле, только в 1954 году в СССР была сдана в эксплуатацию первая в мире атомная электростанция мощностью 5 тысяч киловатт, а уже к концу 1970 года в разных странах введено в строй около 80 АЭС установленной мощностью около 20 миллионов киловатт. Обычным электростанциям понадобилось почти 100 лет, чтобы пройти такой путь и достичь такого высокого уровня выработки электроэнергии, какого достигла к 1970 году атомная энергетика.

Согласно последним оценкам Международного Атомного Агентства (МАГАТЭ) при ООН через 10 лет, то есть к 1980 году, около одной пятой части всех генерирующих электроэнергию мощностей мировой энергетики будут атомными. Это свыше 300 миллионов киловатт.

Ныне уже невозможно представить дальнейший научно-технический и экономический прогресс и планирование народного хозяйства без атомной энергетики.

* * *

Почему атомной энергетике предназначается такая большая роль и столь стремителен темп ее развития?

Может, угроза топливного голода? Нет, до этого еще очень далеко. Запасы органического топлива в мире весьма велики, хотя и не безграничны. Однако географически распределены они очень неравномерно. Например, в Европейской части СССР, где проживает свыше 75 процентов населения, находится не более 15—17 процентов всех топливных ресурсов страны, и покрытие дефицита топлива уже теперь заставляет прибегать к дорогостоящей транспортировке его из Сибири и Средней Азии, к созданию мощных высоковольтных дорогих линий огромной протяженности.

В этих условиях в европейской части нашей страны уже теперь экономически выгодно строить атомные электростанции, на которых можно получать достаточно дешевую электроэнергию и тепло.

Суммарные капитальные затраты на строительство АЭС и предприятий по производству топлива (урана), отнесенные на 1 киловатт установленной мощности, в атомной энергетике ниже (или не выше), чем для электростанций, работающих на угле.

Но атомная энергетика обладает особыми, ей свойственными несравненными достоинствами.

Технически это прежде всего связано с самой главной и поразительной особенностью ядерного топлива — колоссальной концентрацией в нем тепловой энергии. Известно, что при делении ядер всех атомов, содержащихся в одном килограмме урана или плутония, освобождается энергия, которая в пересчете на калории равна теплу, выделяющемуся при сжигании около 2 500 тонн антрацита или 1 800 тонн нефти. Один килограмм ядерного топлива равен двум с лишним миллионам килограммов угля!

Это имеет решающее значение для совершенно нового подхода к географическому размещению производительных сил — оно больше не связано с близостью топливной базы или дешевизной транспортировки огромных масс топлива. К тому же готовое к употреблению ядерное топливо может накапливаться и храниться любое количество лет, требуя ничтожно малые складские помещения. Достаточно сказать, что современная атомная электростанция (АЭС) электрической мощностью 1 миллион киловатт с реактором воронежского типа требует на один год ее работы, то есть для выработки 7 миллиардов киловатт-часов, всего около 30 тонн слабообогащенного урана, из которого подвергнется делению («сгорит») лишь около одной тонны урана. Обычная тепловая электростанция на выработку того же количества электроэнергии потребовала бы за год около 2,5 миллиона тонн высококачественного угля или 5 миллионов тонн подмосковного высокозольного, низкокалорийного угля, для добычи которого нужно построить 2—3 крупных шахты с большим транспортным хозяйством, рабочими поселками... А ведь нам в СССР нужно в ближайшие десятилетия ежегодно вводить в эксплуатацию электростанции мощностью 20 и более миллионов киловатт. Сложно справиться с добычей и транспортировкой столь быстрорастущих огромных потоков органического топлива.

АЭС практически независимы от месторасположения источника ядерного топлива, и их работа не связана с решением тяжелых транспортных проблем, с сезонными погодными и климатическими условиями. Добыча и производство ядерного топлива в высокой степени механизированы и автоматизированы.

* * *

Огромное значение имеет тот факт, что атомные электростанции не загрязняют воздушный бассейн и полностью решают острую и все более усложняющуюся проблему его очистки от загрязнений продуктами сгорания, вредными сернистыми газами и золой.

Однако у атомных электростанций имеются свои жидкие и газообразные отходы. Они очень невелики по объему, но радиоактивны. Как показал многолетний опыт эксплуатации АЭС во всем мире и в нашей стране, задача обезвреживания и захоронения этих отходов решена радикально. Разработанные и практически хорошо проверенные технические средства полностью исключают эту опасность. По-

В ГОСТЯХ У «ОГОНЬКА»

20 декабря — 53-я годовщина со дня образования органов государственной безопасности. 20 декабря (по новому стилю) 1917 года по предложению В. И. Ленина Совнарком принял решение о создании Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем (ВЧК).

Чекисты всегда были на самых опасных и трудных участках борьбы с врагами нашей Родины. И в суровые годы гражданской войны, и в час тяжелейших испытаний Великой Отечественной, и ныне, когда идет напряженнейшая борьба с происками иностранных разведок, пытающихся забросить в нашу страну своих агентов.

14 декабря в гостях у огоньковцев побывала группа работников Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР: чекист-ветеран Я. Я. Буйкис, генерал-майор юстиции А. Ф. Волков, полковник В. Ф. Кравченко, полковник В. М. Иванов, полковник юстиции А. А. Иванов, подполковники юстиции К. Г. Константинов и Ю. Б. Смирнов.

Репортаж об этой встрече будет опубликован в одном из ближайших номеров журнала.

На снимке (слева направо): ветеран-чекист Я. Я. Буйкис, генерал-майор юстиции А. Ф. Волков, полковник В. М. Иванов, полковник В. Ф. Кравченко, полковник юстиции А. А. Иванов, подполковник юстиции Ю. Б. Смирнов.

этому можно ожидать в ближайшем будущем, по мере накопления опыта, что атомная энергия будет использоваться не только для выработки электричества, но и для теплоснабжения городов и поселков горячей водой, а также для выработки технологического пара. Ведь в нашей стране почти одна треть всех добываемых топливных ресурсов тратится на отопление и коммунальные нужды.

Вслед за атомными электростанциями появятся атомные ТЭЦ и, возможно, просто атомные котельные, расположенные в городах. Чистые, светлые котельные, без привычного дыма. Такой опыт уже накапливается. Строящийся в городе Шевченко реактор будет весь пар, отработанный в 3 теплофикационных турбинах, передавать на мощные опреснительные установки расположенного рядом завода производства дистиллята. Сооружаемая на Чукотке заполярная Билибинская АЭС явится первой атомной ТЭЦ: половина вырабатываемой ею энергии будет передаваться на бойлеры для отопления жилого поселка.

Однако это не значит, что органическому топливу будет дана отставка. Потребности в энергии растут непрерывно и высокими темпами. Поэтому будет расти и атомная энергетика и обычная тепловая.

Возникает своего рода мирное сосуществование на основе экономической конкуренции всех видов энергетики. Но тенденция развития непреложна: в грядущем XXI веке атомная энергетика будет главной опорой экономического и научно-технического развития.

* * *

В настоящее время в СССР работает несколько АЭС. Новая пятилетка (1971—1975 годы) будет ознаменована пуском и освоением новых атомных электростанций.

С двумя реакторами водо-водяного типа, мощностью 440 мвт каждый, строится АЭС на Кольском полуострове. Ведется сооружение 3-го и 4-го блоков такой же мощности на Нововоронежской АЭС. Начато строительство АЭС с двумя подобными реакторами в Армении. Советским Союзом заключены соглашения о техническом содействии в сооружении АЭС в ГДР, Болгарии, Чехословакии, Румынии, Венгрии, а также в Финляндии.

К большому наступательному старту атомная энергетика в настоящее время подготовлена и в смысле масштабности своих «шагов», то есть величины единичных мощностей блоков.

Под Ленинградом строится АЭС мощностью 2 миллиона киловатт, что превышает суммарную мощность плана ГОЭЛРО. Здесь будут установлены два водо-графитовых кипящих реактора канального типа электрической мощностью 1 миллион киловатт каждый. Сооружение второй АЭС такого же типа начато недалеко от Курска. Разрабатываются проекты и на большие единичные мощности, превышающие 1 миллион киловатт в блоке.

Ведется монтаж Шевченковской АЭС с реактором на быстрых нейтронах. Продолжается строительство третьего блока Белоярской АЭС мощностью 600 тысяч киловатт с реактором на быстрых нейтронах. В этих реакторах-размножителях ядерного топлива из неделящегося изотопа урана 238 (этого изотопа содержится в природном уране 99,3 процента) будет рождаться новое топливо — плутоний, причем в большем количестве, чем его будет «сгорать». Эти реакторы откроют дорогу самой дешевой энергии от делений атомов и в 40—50 раз увеличат ресурсы ядерного топлива для энергетики. Реакторы на быстрых нейтронах — генеральная перспективная линия развития ядерной энергетики, ее главный хребет.

Таким образом, ближайшее пятилетие будет ознаменовано сооружением мощных атомных электростанций, закладывающих основу большой атомной энергетики СССР.

Говоря о масштабах и перспективах грядущей атомной энергетики, следует подчеркнуть, что базой ее развития является высокоразвитая промышленность Советского Союза с ее первоклассными научными и проектными институтами и высокопроизводительными предприятиями, в том числе заводами специального и энергетического машиностроения, металлургии и приборостроения.

БУМЕРАНГ

Олег ИГНАТЬЕВ

О провалившейся агрессии Португалии против Гвинейской Республики в нашей прессе публиковалось много материалов, и поэтому нет необходимости еще раз излагать ход минувших событий. Мне хочется остановиться лишь на одной их стороне: на попытке португальской военщины нанести удар по ПАИГК (Африканской партии независимости Гвинеи (Бисау) и островов Зеленого Мыса), возглавляющей борьбу народов Гвинеи (Бисау) против португальских колонизаторов, и на значении провала этой попытки для дальнейшего развития антиколониальной борьбы.

Здания штаб-квартиры ПАИГК расположены почти на берегу океана и находятся в пригороде Конакри. Около штаб-квартиры нет каких-либо административных и военных объектов Гвинейской Республики, однако значительное число высадившихся наемников устремилось именно сюда, ставя своей целью захватить секретариат ПАИГК и уничтожить генерального секретаря ПАИГК товарища Амилкара Кабрала, квартира которого расположена на территории секретариата. Уже один факт нападения на секретариат ПАИГК показывает, что агрессия против Гвинейской Республики готовилась и проводилась Португалией.

Во время пребывания в Конакри специальная миссия Совета Безопасности ООН заслушала показания захваченного в плен гвинейскими властями португальского лейтенанта Жоана Жанейру Лопеша. Лисабонские власти взялись «опровергнуть» доклад миссии ООН, утверждая, что Лопеш «дезертировал некоторое время назад» и «перешел на сторону ПАИГК еще до начала событий в Гвинее». Эти неуклюжие попытки выкрутиться шиты белыми нитками. Секретариат ПАИГК сразу же сообщает о всех португальских офицерах, переходящих на сторону патриотов. Никакого Жанейру Лопеша в этих списках не было, он добровольно на сторону паигковцев не переходил, а был схвачен с поличным, когда выполнял задание португальского командования.

После провала своей авантюры португальские власти поспешили заявить, что в связи с «событиями в Гвинейской Республике отдан приказ португальским военным властям закрыть границу между Гвинеей (Бисау) и Гвинеей (Конакри), а всех пытающихся переходить границу — интернировать». Но вся нелепость подобного приказа заключается в том, что португальские войска уже давно не контролируют эту границу. На всем ее протяжении со стороны Гвинеи (Бисау) территория охраняется отрядами армии Освобождения ПАИГК. Мне приходилось не раз бывать на освобожденной патриотами ПАИГК территории, и я видел, кто контролирует границу. Португальские же войска заперты в гарнизонах и практически лишены возможности передвигаться по земле Гвинеи (Бисау). Этот факт служит еще одним доказательством того, что агрессия против Гвинейской Республики была предпринята Португалией с помощью единственно возможного для Португалии способа, а именно морского десанта.

Значение разгрома наемников и провала португальской авантюры для дальнейшего развития национально-освободительной борьбы в португальских колониях Африки трудно переоценить, хотя при поверхностном взгляде может создаться впечатление некоторой локальности имевших место событий. Дело не в том, сколько наемников принимало участие в агрессии, не в том, что их было всего несколько сот человек. Суть заключается в целях, которые перед ними ставились. Направляя свой удар по руководству ПАИГК, колонизаторы хотели обезглавить национально-освободительное движение в Гвинее (Бисау), стремились парализовать силы ПАИГК, добившиеся за последние годы наибольших успехов, освободившие свыше двух третей территории страны. Если бы планы агрессоров осуществились, то делу национально-освободительной борьбы был бы нанесен жестокий удар.

Провал же вооруженной авантюры Лисабона превратился в своего рода бумеранг, нанесший чувствительный удар по Португалии.

Во-первых, подавляющее большинство африканских стран выразило готовность усилить помощь народам Анголы, Мозамбика и Гвинеи (Бисау). На созванной в Лагосе чрезвычайной сессии совета министров Организации Африканского Единства было принято решение о резком увеличении помощи всем освободительным движениям, которые ведут борьбу против португальского колониализма.

Во-вторых, колониальная политика Португалии была еще раз заклеймена в ООН. Агрессия Лисабона осуждена на заседании Совета Безопасности большинством государств, хотя и на этот раз союзники Португалии, возглавляемые Соединенными Штатами, пытались отвести удар от лисабонских властей.

В-третьих, народы португальских колоний, борющиеся за свою свободу и независимость, еще раз получили убедительное доказательство того, что социалистические страны являются их верными союзниками и друзьями. В документе, принятом на Совещании Политического консультативного комитета государств — участников Варшавского Договора, говорится: «Народы Африки в борьбе за свое освобождение могут, как и прежде, рассчитывать на помощь со стороны социалистических государств». А это является верной гарантией того, что народы Гвинеи (Бисау), Анголы и Мозамбика одержат победу над португальскими колонизаторами и что все попытки Португалии избежать поражения обречены на провал.

СОЗИДАНИЕ

Эльвира **ПОПОВА**

Дрезден... Дымящиеся развалины. Гигантская груда кирпичей, еще кое-где, будто в агонии, вздрагивающая от минных разрывов. Таким предстал город перед глазами студента-дипломника Суриковского института Николая Пономарева, прибывшего туда в составе специальной бригады. Задание бригады — разыскать, спасти от гибели сокровища расхищенной гитлеровцами Дрезденской галереи.

Май. Цвела сирень. Аромат ее смешивался с едким и горьким запахом гари. Соловьиное пение вдруг заглушал по ночам свист шальной пули или грохот взрыва. Ночные запахи и звуки хорошо запомнились молодому художнику, потому что спать, собственно, было почти некогда. Нужно было вместе с советскими бойцами разминировать завалы и входы в заброшенные шахты, залитые едкой известковой водой каменоломни, сырые подвалы крепостей-тюрем, извлекать начиненные смертью фаустпатроны и, наконец, на руках, бережно — словно по живой лестнице! — спускать с раскаленных чердаков и поднимать из дышащих сыростью штолен картины Джорджоне, Веласкеса, Вермеера Дельфтского, Кранаха, Дюрера, Тьеполо, Пуссена...

И память сохранила навсегда... Слой плесени — толще ватного одеяла! — на тициановом «Динарии кесаря». Замурованные папки, в них — рисунки, некогда набросанные рукою Боттичелли, Рембрандта, Микеланджело. Скульптуры Мирона, Родена, сваленные в штабеля. «Мадонна Сикстина», брошенная без рамы в наспех сколоченном ящике на солнцепеке, посреди захламленного двора скотобойни!

— Мы бережно, как святыню, вынули «Мадонну» Рафаэля и невольно сняли фуражки. Перед бессмертной красотой!

Командировка завершена. Можно возвращаться в Москву заканчивать диплом — серию иллюстраций к рассказам Лескова. Но, быть может, именно потому, что вот так невероятно, не в тишине музейных залов, пришлось Николаю Пономареву встретиться с величайшими шедеврами и своими глазами увидеть, что несет искусству война, как несовместимы творчество и разрушение, в сердце закипало желание работать, росла мобилизующая требовательность. Пусть каждый созданный тобою лист послужит созиданию!

1947 год. Сразу после защиты диплома в Суриковском институте была создана Пономаревым его первая графическая серия «Донбасс восстанавливается». Через год художник, желая пристальнее вглядеться в лица своих героев, показывает цикл портретов «Мастера угля». А еще год спустя создан сборник графических рассказов снова на шахтерскую тему, но уже более сложных по драматургии, лаконичных и емких по форме,— «Шахтеры Донбасса».

Здесь надо всем главенствует человек.

В 1951 году за эти листы Н. А. Пономареву была присуждена Государственная премия СССР. Но тема для художника еще не исчерпана. Он продолжает размышлять о жизни вместе со своими героями. В результате — серия «Шахтеры». Год 1959-й. Но речь уже не собственно о добытчиках черного золота — о подвиге созидания.

О созидании, о человеке-творце неизменно будет говорить художник, о чем бы ни пришлось ему рассказывать зрителям. Где бы ни случилось побывать. Из Египта он привез эпическое повествование о стране и людях, истории и современности, пережитом и грядущем. О «Дороге к Асуану». Серия "По Индии" сложилась у Николая Пономарева в драматическое раздумье о нелегкой судьбе народа этой страны.

Армения, Дагестан, Крым, республики Средней Азии, степные просторы Казахстана... А сколько поезжено по Подмосковью, средней полосе, родному Приазовью, чтобы выкристаллизовалась серия наибольшей философской глубины — «О людях Советской России. Рыбаки».

Это новая ступень мастерства художника. Внешне очень скупыми, скромными, но не достижимыми без великого труда и умения средствами добивается здесь народный художник РСФСР Николай Пономарев отточенной композиции, легкости и точности рисунка, виртуозной передачи света, состояний природы, настроений человека. Но что нас волнует, пожалуй, сильнее всего — это какая-то поразительная открытость, наглядность творческой лаборатории. Видно, как мастерство Пономарева совершенствуется. Человек и художник что-то глубже понял в жизни, открыл в ней для себя нечто новое. Это и заставило искать новые художественные средства, более отточенный язык образов, обретать новую меру условности. Так рождалась особенная, подкупающая, сдержанная и одухотворенная искренность пономаревского творчества.

Может быть, работы мастера говорят о нем самом так много потому, что в жизни для этого сдержанного и порывистого человека мука-мученическая хоть слово вымолвить о себе. Другое дело — о своих товарищах, учениках. Ведь Николай Афанасьевич Пономарев — секретарь Правления Союза художников СССР, профессор Суриковского института...

Но разве излучали бы столько света, столько нежности две эти заглядевшиеся на море девчонки, чуть более густые по тону силуэты которых будто парят в голубом мареве, если бы не пела нежность в душе глядевшего на них художника? Разве лицо «Старого рыбака» говорило бы столько о людской мудрости, если б без слов не понимали друг друга эти два хорошо знающие цену жизни человека — художник, потомок донских казаков, и позировавший ему Лукич, рыбак с Азова? Наконец, разве пережили бы мы столь полно ощущение светозарности жизни, глядя на лист «Рыбачка. Утро», если бы не редкостная способность Пономарева видеть нетленную красоту и высокую поэзию в самом простом?

Страсть ездить, видеть, ходить по земле и плыть по воде, чтобы встречать новое. Когда, где зародилась она и властно позвала в дорогу? Быть может, еще когда мальчишкой — отец был железнодорожником — бегал встречать и провожать скорый, стоявший на их станции целых... двадцать минут?! Или когда степной ветер приносил влажные запахи далекого моря?

...В ь е т н а м. Художник приехал туда в 1956 году в составе первой делегации советских деятелей культуры. Необыкновенное встречалось на каждом шагу. Но живописца привлекла не экзотика. Он захотел понять, какие силы, какие особенности духовного склада народа помогли вьетнамцам выдержать долгое порабощение, одержать победу над всеми завоевателями?!

Времени было немного. Но исподволь, от встречи к встрече — с рабочими цементного завода в Хайфоне, работницами ткацкой фабрики Нам-Диня, шахтерами Хон-Гая — раскрывался перед художником характер новых друзей, и становилась понятнее великая правда об истоках героической стойкости вьетнамцев. Главное раскрыли каждодневные, незапланированные встречи с простыми людьми.

— Особенно замечательными мне казались вечера у переправ,— рассказывает художник,— когда жители, закончив свои дневные дела, ждут лодок. Над рекой несется их говор, слышны песни. Вот, будто окутанные вечерним золотым туманом, поют три женщины, осененные парусом. Одна кормит ребенка. Последние скользящие лучи солнца озаряют все густым, теплым светом. Все становится фантастическим... А на этом фоне вдруг освещается фигура девушки-вьетнамки, с интересом смотрящей на нас. Здесь она хозяйка, за рекой ее дом. С самым последним лучом подойдет лодка с парусом, как крылья у бабочки, и увезет девушку...

Но не изобразительный репортаж стал главной задачей художника. Остался он лишь дневником, ведшимся для памяти, для себя, чтобы потом за многие часы работы в мастерской родился обобщенный о б р а з В ь е т н а м а.

...Стоит, опершись на мотыгу, крестьянин среди залитого водой рисового поля. Его словно бронзовый силуэт четко вырисовывается на перламутрово-розовом фоне листа. Потоки лучей послеполуденного солнца, осветившие небо и отразившиеся в слое воды, создали этот лучезарный фон, будто сотканный из теплого и мягкого, почти осязаемого света. Невольно изумишься мастерству, с каким передал художник свето-воздушную среду, далекую перспективу, тончайшие нюансы пленэра. Кажется, это тебя самого согревает ласковый, золотистый отблеск южного вечера. И вот уж ты забыл, что перед тобой картина: края листа, скомпонованного так, что изображение словно бы обрезано с четырех сторон, вдруг будто раздвинулись, и перед тобой панорама огромной страны, над просторами которой — Человек! Сеятель, хранитель, труженик. Герой.

— Вы думаете,— говорит художник,— крестьянин остановился и смотрит, сколько ему еще осталось сделать? Нет. Это я успел зарисовать его во время краткой передышки. А потом постарался вместить в один миг покоя то, что увидел и осознал там, на рисовых полях Вьетнама... Что это — труд, будни или подвиг? Не знаю. Но только видя это, я понимал, как и почему смогли вьетнамцы не просто выжить, уцелеть, а сохранить в целости все национальности, составляющие их народ. Добрый и сердечный, бесстрашный и несгибаемый! Такой народ нельзя сломить, нельзя поработить, нельзя победить!

...Много лет терзает военщина Пентагона землю Вьетнама. И художник, думая о разрушаемых городах, выжигаемых напалмом деревнях, о зверствах, чинимых захватчиками на вьетнамской земле, которую он, Николай Пономарев, видел цветущей, счастливой, вспоминает невольно руины Дрездена, Цвингер, превращенный в груды битого кирпича американскими «летающими крепостями». Полторы тысячи самолетов налетело на беззащитный город! Бомбили методично, квадрат за квадратом. Следом сыпался фосфорный дождь, выжигая дотла все живое. В этом аду погибло 300 тысяч мирных жителей. Но не пострадал ни один стратегический объект в окрестностях...

И эти воспоминания тоже заставляют художника снова и снова возвращаться к теме «Вьетнам».

Вот сдержанной и тонкой декоративности цветные литографии «Вьетнамская девушка», «Рыбачка», «Продавщица чая». В 1960 году по не тускнеющим в памяти живым впечатлениям о стране созданы рисунки к повести вьетнамского писателя Нгуен Нгока «Страна поднимается». Страницы книги путевых заметок Ю. Филатова «В стране долин и гор» будто ожили, когда дополнил их репортаж, перенесенный туда из вьетнамских альбомов художника.

А к 50-летию Советской власти Николай Пономарев с новой глубиной, силой обобщения, совершенством мастерства создал цветные монотипии «Партизанский край» и «Вьетнамская партизанка», воспев подвиг своих незабываемых друзей. И эти произведения советского художника стали символом нерушимой и доброй дружбы двух народов.

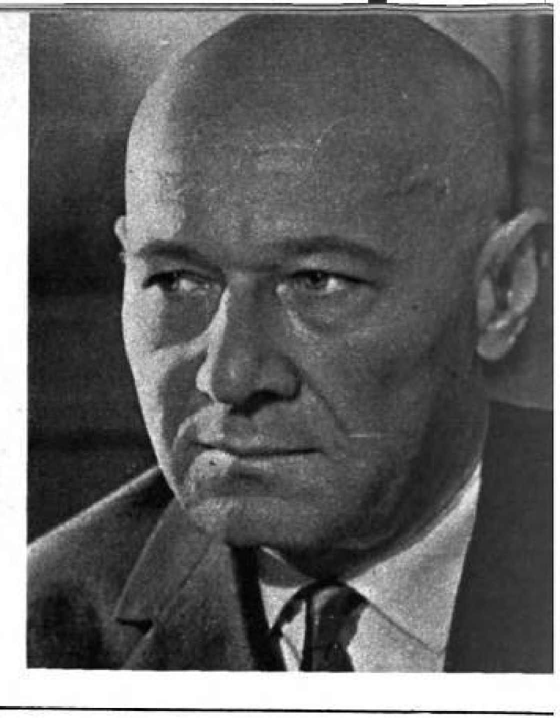
Н. Пономарев. НА ПЕРЕПРАВЕ.

Государственная Третьяковская галерея.

Н. Пономарев. ЗАЛИВ ХА-ЛОНГ. Государственная Третьяковская галерея,

К 60-летию со дня рождения Николая Грибачева

Бойцовская стать таланта



О Николае Грибачеве — поэте, прозаике, публицисте, общественном деятеле — говорят с завидным единодушием: поэт и боец. Такая краткость оценки говорит о многом, скрывает в себе глубину, подчеркивает своеобразие личности, словно сама цельность и прямота характера обязывают воздерживаться и от пышных эпитетов и от излишней помпезности в выражении чувств.

Николай Грибачев принадлежит к славному первому поколению, которое отформировано, закалено и выпестовано государством рабочих и крестьян, Советской властью, великой ленинской партией. Надо сказать о том, что Грибачев не только принадлежит к этому поколению, но и является типичнейшим представителем его. Лишь в свете этого можно со всей полнотой понять, как крестьянский паренек, ходивший в лаптях на уроки в церковноприходскую трехклассную школу, стал не только одним из крупнейших современных поэтов, не только первоклассным советским публицистом, но и крупным общественным и государственным деятелем.

С юных лет жизненный путь Николая Грибачева был определен тем маяком, который вспыхнул в Октябре 1917 года. Один из своих сборников поэт назвал «Прямой свет». Название такое не могло быть случайным. И стихи свои и жизнь свою Николай Грибачев не мыслит иначе. Прямой была дорога комсомольского активиста из села Лопушь, раскинувшегося на высоком крутом юру над красавицей Десной.

Не здесь ли нужно искать и истоки поэтической души воина, пришедшего вместе с Красной Армией освобождать братьев Западной Белоруссии? Во все тревожные минуты жизни страны Грибачев оказывался на переднем крае. Воевал на финском фронте. В годы Великой Отечественной войны наводил переправы через Дон, сражался в степях Сталинграда, под Москвой, на Висле и в Рудных горах, что в Чехии.

Именно в годы войны, когда Николай Грибачев был командиром саперного батальона, а затем военным корреспондентом, окончательно сложился характер бойца, именно тогда поэт стал коммунистом. А какая сила характера нужна, чтобы пройти все испытания военных лет, познать горечь отступлений и пьянящую радость побед, чтобы в пору любых сложностей ни мгновения не сомневаться в прямоте и правоте пути! Откуда она, эта правота, поэт написал в одном из своих лучших стихотворений:

Мой путь лежал над прорезью прицела,
В моей шинели смерть навылет пела.
И думаю я на исходе дня —
Чья нежность душу навсегда согрела
И чья любовь хранит в бою меня?
...Но есть еще одна святая сила.
Она меня любовью осенила,
Благословение дала свое —
Не женщина, не смертная — Россия,
Великое Отечество мое.

Куда б ни шел — она мне путь укажет,
Где б ни был я — она всегда со мной,
На поле боя раны перевяжет
И жажду утолит в палящий зной.

Отсюда идет и уверенность поэта в том, что Отчизна «своею выстраданной славой среди других и мой отметит путь». Здесь истоки вдохновения и жизненных сил человека. Отсюда идет безмерная солдатская преданность Грибачева стране и народу. Поэтому строчкам его стихов веришь, как клятве:

И я, покамест смерть не погасила
В моих глазах последнюю звезду,—
Я твой солдат, твоих приказов жду.
Веди меня, Советская Россия,
На труд,
на смерть,
на подвиг —
я иду!

Потомки Октября и Родины солдаты — так называл поэт свое поколение. Не меньшим подвигом для них было залечить нанесенные раны, ибо послевоенные годы были для страны нелегким испытанием. Это хорошо прочувствовал поэт, когда увидел разоренные войной села Брянщины. Вера в неизбывные силы народа, в созидательную мощь нашего государства вдохновила поэта на создание поэм «Колхоз «Большевик» и «Весна в «Победе», принесших ему всесоюзную известность. Разнообразие ритмических и интонационных оттенков, глубина лирического чувства, близость авторского языка к народной речи, одним словом, высокие художественные достоинства определили успех этих поэм. Здесь уместно привести слова Николая Грибачева, сказанные одному из друзей: «Великие русские писатели неопровержимо доказали, что художественное творчество только тогда становится замечательным или выдающимся, когда идет от народа и века и служит народу и веку. Субъективисты, эти хуторяне в области идей, паникеры, срывающиеся на визг при виде лужи на мостовой, фокусники формы неизбежно отваливаются от литературы, как ветки, неспособные выгнать лист и выкормить плод. Все, что теряет корни в жизни и народе, засыхает; все, что уходит корнями в жизнь и народ, растет и развивается, успешно противостоит любым бурям».

Н. Грибачев увидел завтрашний день социалистической деревни, когда народу еще только нужно было вернуть отнятое войной, а потери были немалые.

Все пройдет — печаль, война,
Все не бесконечно,
Только Родина одна
С нами будет вечно.

Мир велик, но оглянись —
Нет родимой краше.
В ней — и слава, в ней — и жизнь,
В ней — и счастье наше!

Эти строчки были написаны поэтом в годы войны. Но именно о нашем счастье, о славе нашей и жизни писал и продолжает писать сегодня Николай Грибачев. Откройте любой его сборник: «По дорогам войны», «Иду», «Дорогие земляки», «После грозы», «Раздумье» — везде есть у поэта стихотворения страстные, насыщенные приметами современности, дыханием времени, верой в завтрашний день.

Оптимизм стихотворений Н. Грибачева не имеет ничего общего с деланным бодрячеством. Это оптимизм созидателя, солдата, верящего в свою работу, в свою победу. Стихотворения Н. Грибачева всегда пронизаны светом и энергией, даже если в них есть элегические ноты. И еще одну особенность дарования и характера поэта хочется подчеркнуть — страстность в жизни и творчестве. В стихах, в статьях и памфлетах, в поэтической четкой прозе присутствует она. Страстность, органически слитая с мыслью, плотно одетая художественной тканью.

Не меньшей популярностью, чем поэтические произведения, пользуются сборники путевых очерков, памфлетов и фельетонов Грибачева. Его публицистика афористична, точна в анализе того или иного явления, бескомпромиссна. Она никогда не скрывает своих симпатий и антипатий. Это принцип творчества Грибачева, принцип его нравственных идеалов.

В послевоенные годы ему пришлось исколесить полмира, быть свидетелем событий исторического значения. Появляются его книги «Женевский репортаж», «Семеро в Америке», «Путешествия» и другие, получившие заслуженное признание у читателя. В каждой из них мы чувствуем характер вдумчивого, серьезного, наблюдательного человека, умеющего делать единственно верный вывод из громадного калейдоскопа фактов, наблюдений, впечатлений и встреч.

Для самого поэта все жанры и виды литературы, в которых ему приходится работать, являются одинаково важными и нужными. Быть может, оттого невозможно разделить большинство произведений Грибачева на чисто публицистические или поэтические.

В последние годы появилось несколько сборников рассказов Грибачева. Их по справедливости называют поэтическими. Но каждый, кто прочтет «Августовские звезды» или «Любовь моя шальная», без труда увидит, что наряду с лиризмом, с передачей самых тонких движений души в них есть и страстность и публицистическая заостренность.

В интересном сборнике статей Грибачева о литературе — «Полемика» есть примечательное высказывание: «Величайшая новаторская особенность русской литературы, ставшая ее блистательной традицией, состоит в том, что она неразрывно слита с жизнью народа, что она всегда была неутомимым разведчиком будущего, что она сделала художественное творчество могучим оружием гуманизма, демократизма, революции».

Идти в ногу с веком, с народом, с Родиной. Служить творчеством высоким и передовым идеалам. Чувствовать себя причастным к судьбе и делам своей страны. Не есть ли это главная задача каждой творческой личности! Да, это так! Николай Грибачев всю справедливость этого писательского идеала познал еще в ту пору, когда жизнь и смерть каждый день ходили рядом, когда так обострены были мысли и чувства.

С тех пор везде и в час любой,
В любые жизни повороты
Я слышу, вижу за собой
Солдат в века идущей роты.

И проверяю сам в себе
Решимость и готовность к бою,
И растворяюсь в их судьбе,
Чтоб вправду стать самим собою.

Для того, чтобы сделать это программой жизни, необходима глубокая вера в людей, нужна горячая любовь к человеку. Об этом писал он в годы суровых испытаний:

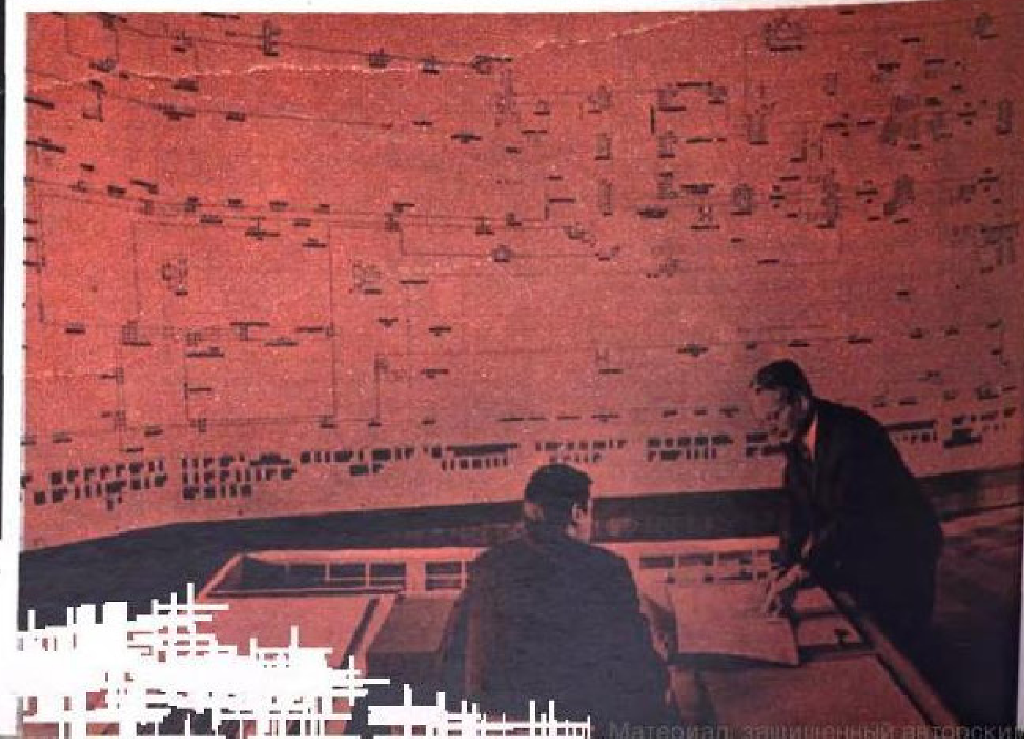
Видно, в пламени перегоревший,
Тем и станет знаменит наш век,
Что, теряя любопытство к вещи,
В человека верил человек.

И сегодня поэт остается верен святым заветам своего сердца. Стоит задуматься над его по-солдатски простыми, мудрыми словами. В них — самая суть советского гуманизма, в них — выражение новых нравственных критериев, рожденных Октябрем.

В. ДРОБЫШЕВ

УПРАВЛЯЕМАЯ

Не одну сотню опор сварил верхолаз Виктор Тимонин.



ГАЛАКТИКА

Фото А. Гостева.

«...Завершить создание единой энергетической системы европейской части СССР».

Из Директив XXIII съезда КПСС по пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1966—1970 годы.

◄ На пункте управления оперативной диспетчерской службы ЦДУ ЕЭС.
Фото А. Награльяна.

ЗАДАНИЕ ПАРТИИ ВЫПОЛНЕНО!

Галина КУЛИКОВСКАЯ

Мария Васильевна Чашникова достает из книжного шкафа синюю папку, бережно извлекает из нее толстую, большую книгу в рыжей мягкой обложке. Ту самую книгу в 650 страниц, которую Ленин, назвав «томиком», демонстрировал со сцены Большого театра.

«Я думаю,— говорил Владимир Ильич,— что мне не трудно будет убедить вас в особенном значении этого томика. На мой взгляд, это— наша вторая программа партии».

Мария Васильевна имеет к «томику» прямое отношение. На титуле черными, расплывающимися на плохой бумаге чернилами написано: «Верному и доброму сотруднику при работе над этой книгой, М. В. Чашниковой. Г. Кржижановский».

Верному и доброму сотруднику, когда она под диктовку Кржижановского печатала на стареньком «ундервуде» главы из толстой книги, было всего двадцать с небольшим лет.

Я с волнением перелистываю тонкие желтовато-серые страницы самого первого издания «Плана электрификации РСФСР». Отдельные главы набраны разными шрифтами, в разных типографиях, нумерация каждой начинается с первой страницы. На картах и таблицах мелькают давно ушедшие названия: Темир-Хан-Шура, Екатеринбург, Владикавказ... Но как бесконечно дорог этот томик нам, поколениям наследников ленинских дел! Как поражает пророческое, ставшее явью: соединение руды горы Магнитной и кузнецкого угля, каналы и гидроузлы... И в каждой главе, начиная с Введения, звучит мысль о том, что «электрические районные станции потому и приобретают решающую роль в экономике всего народного хозяйства, что они позволяют... оплодотворять все подразделения народного хозяйства, разом распространяя свои действия на громадные области страны». Та же ленинская мысль о преимуществах электрической энергии и возможности ее передачи на большие расстояния пронижет десятки ленинских документов:

«...покрыть всю Россию сетью электрических станций»,

«...современная передовая техника настоятельно требует **электрификации всей страны — и ряда соседних стран — по одному плану...»**

В те, двадцатые, да и более поздние годы первых пятилеток магическое, как пароль в будущее, словосочетание «Единая Энергетическая Система» еще не было произнесено вслух, но оно уже витало, носилось в воздухе. Реальный смысл оно приобрело после войны. О ЕЭС говорилось в Директивах по 6-й пятилетке, и тогда же ЕЭС получила права гражданства: начала создаваться.

Сподвижник и друг Владимира Ильича, ученый и коммунист, инженер «с загадом» и, как все поэты, романтик Г. М. Кржижановский был горячим и последовательным единомышленником Ленина. Глеб Максимилианович многократно варьирует, развивает идею централизации производства энергии, ее транспортировки и координации управления ею. В институте его имени, им же организованном, рассчитывались энергобалансы страны на много лет вперед, перспективы комплексного использования энергетических ресурсов, закладывались научные основы Единой Энергетической. Эти вопросы и привели меня в свое время на Большую Калужскую — так назывался раньше Ленинский проспект,— в институт. Там в 1956 году я и познакомилась с референтом академика Кржижановского, заведовавшей тогда аспирантурой, Марией Васильевной Чашниковой. Что и говорить, мне очень хотелось побывать в доме № 30 по улице Осипенко, бывшей Садовнической, возле которого не раз останавливался черный «роллс-ройс» и к которому из Кремля, прямо в кабинет Кржижановского, был проложен прямой телефонный провод. Но я знала, что Глеб Максимилианович чувствовал себя не очень хорошо, на улицу не выходил, никого не принимал. Материалы на подпись отвозила к директору домой Мария Васильевна. Она-то и замолвила за меня словечко и наконец предупредила, что можно приехать во вторник, часа в три, «но не больше, чем минут на двадцать».

Конечно, я с трепетом подходила к трехэтажному дому с венецианскими окнами, нарядным зеленым пояском по фасаду и большим балконом посредине. Заранее приготовила запасную авторучку и карандаш. И неожиданно была сражена наповал, когда Глеб Максимилианович еще при входе категорически предупредил: «Никаких блокнотов, никаких авторучек». И показал на полочку возле вешалки: оставьте, мол, все там...

Первая комната, служившая кабинетом, была большой, в несколько окон. Но мне она показалась маленькой: все стены ее были уставлены полками с книгами. Книги горками лежали на этажерках-вертушках (таких же, как в ленинском кабинете в Кремле), на столах. Стоял тусклый декабрьский день. Глеб Максимилианович включил свет, и тогда я увидела другого человека, бывавшего здесь: запечатленный в фотографиях, скульптурах, разговаривал, ходил, слушал, смотрел, улыбался Ленин. Возле камина—посмертная маска Ильича, точно такая, как и в музеях, меркуровская; слепок с ленинской руки. У окна белеет еще одна посмертная маска — Пушкина. Наверху — макет ветряной электростанции. Техника и поэзия рядом!

Когда Глеб Максимилианович подвел меня к столу, не к письменному, а к большому, «заседательскому», к тому самому, за которым сиживал, склонясь над картой ГОЭЛРО, Владимир Ильич, глаза Кржижановского засветились. На столе лежала карта — плексигласовая схема ЕЭС в пределах 6-й пятилетки. На ней уже было показано, что Волга протянула руку Центру. И это было началом рождения ЕЭС.

Глеб Максимилианович рассказывал мне о том, чего не было на карте, но что непременно, он верил, будет — о сверхдальних электромагистралях, которые встанут в Сибири и Казахстане и шагнут в Европу, о невиданной мощи электростанциях, что появятся на Енисее и Ангаре...

Все это вспомнилось мне в разговоре с Марией Васильевной. Ныне, в последнем году текущей пятилетки, создание Единой Энергетической Системы Европейской части СССР, как известно, завершено. В Москве работает ЦДУ ЕЭС— Центральное диспетчерское управление. Что же представляют собой люди, в распоряжении которых колоссальные мощности, сосредоточенные на доброй половине Европы! Не поехать ли к ним и не пригласить ли ветеранов, подумалось мне...

— Мария Васильевна,— обратилась я к Чашниковой,— не знаете ли вы, кто из тех самых «спецов», которых «примагнитил» Глеб Максимилианович для работы над составлением плана ГОЭЛРО, живет в Москве?

— Знала многих... Графтио, Классона, Круга, Александрова, Шателена... Но почти никого не осталось...— грустно вздыхает Мария Васильевна.— Вот только разве Александр Иванович Угримов. Живет в Москве, но очень стар и тяжко болен. Попробуйте связаться с профессором Заорской-Александровой и инженером Бузиновой-Дыбовской. Их телефоны у меня есть. Вера Вячеславовна была женой Ивана Гавриловича Александрова, по проекту которого строился Днепрогэс, многие годы работала с Глебом Максимилиановичем. А в двадцатом, обе сотрудничали в группе Средней Азии при разработке плана ГОЭЛРО.

Я разыскала и Заорскую и Дыбовскую, и они охотно согласились посетить ЦДУ ЕЭС. Все вместе мы едем туда. Я уже многое знаю о них. Обе почти в одно и то же время получили высшее образование в Петербурге и к двадцатому году имели немалый опыт работы. Заорская — в экспедиции по изысканию и устройству водохранилищ в верховьях Сыр-Дарьи, Дыбовская — по составлению проекта орошения и электрификации Голодной степи.

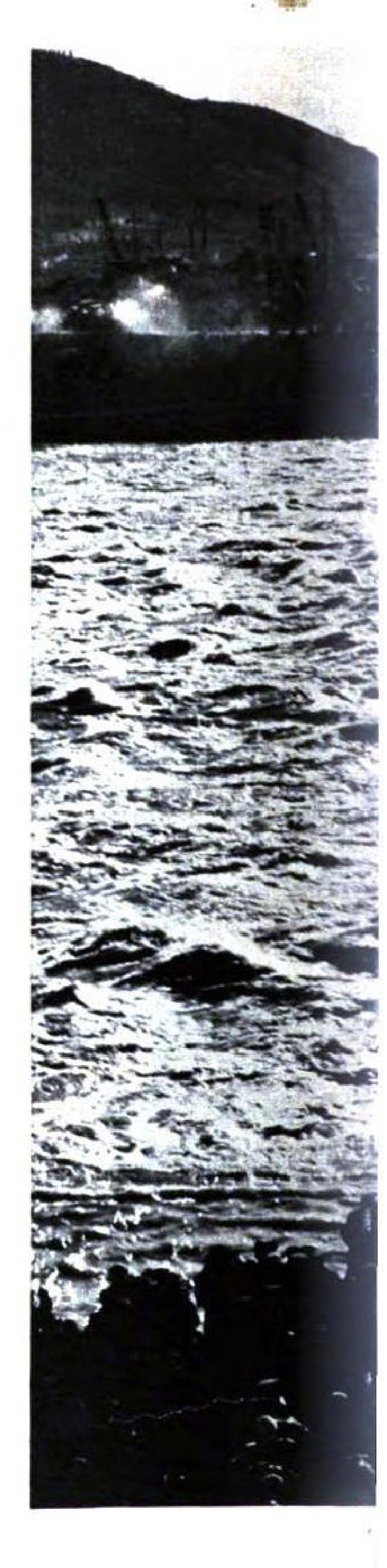
...Главный диспетчер ЦДУ ЕЭС — есть такая высокая и ответственная должность — Василий Тихонович Калита. Он седой, не по возрасту энергичен и в то же время — само спокойствие. Однако решения принимает так, будто за него срабатывает реле. Энергетике отдал тридцать пять лет. Но считает, что к ветеранам его причислять не стоит. В ЦДУ есть и постаршее, чем он, люди. Михаил Никитич Власов, например. Он с двадцать девятого тут.

— Или Гурий Сергеевич Соколов,— продолжал рассказывать Калита.— Тоже с той самой поры здесь. Итак, вас интересует ЕЭС?

Дальнейшую беседу в ЦДУ я воспроизвожу со стенографической точностью.

КАЛИТА (обведя на географической карте, что висит у него в кабинете, линию от Мурманска до Измаила). Вот где начинается ЕЭС Европейской части. Впрочем, географически это не совсем точно. «Европейская» часть врезалась, как видите, в Азию. Восточный рубеж ее идет по линии Сургут — Тюмень — Петропавловск — Кустанай — Рудный — Актюбинск. На четвертой части территории всей страны — почти две трети ее энергохозяйства. Мощности станций 100 с лишним миллионов киловатт.

ЗАОРСКАЯ-АЛЕКСАНДРОВА. Во всей царской России было немно-



Так перекрывалась Волга под Куйбышевом.

Бригада Александра Степановича Тяжева (справа) завоевала право уложить первый кубометр бетона в котлован Саяно-Шушенской ГЭС.

Здесь, недалеко от Шуши, будет море.

Фото А. Гостева.

гим более миллиона. Сто миллионов! Это же семьдесят планов ГОЭЛРО! Грандиозно! Но ведь сюда не входят Сибирь, Средняя Азия, Дальний Восток. Это еще миллионов шестьдесят.

КАЛИТА. Совершенно верно. Один только ежегодный прирост мощностей составляет несколько планов ГОЭЛРО.

БУЗИНОВА-ДЫБОВСКАЯ. Какова структура ЕЭС? Как она росла?

КАЛИТА. Как снежный ком, катящийся с горы, но только управляемый. До революции в стране не было энергосистем, ни одной. Первые две энергосистемы были образованы в двадцать первом: МОГЭС в Москве и «Электроток» в Петрограде. А еще спустя пять лет, когда на Раушской набережной заработала первая в СССР диспетчерская служба, в МОГЭС входило уже пять крупных электростанций. Подобные энергосистемы складывались и в других местах: в Донбассе, на Урале, в Поволжье. Следующей ступенью было объединение самих энергосистем. В Москве не хватало энергии, и тогда решено было соорудить вокруг нее мощное энергетическое кольцо и подключить к нему соседей: Горьковскую, Ярославскую, Смоленскую, Курскую и многие другие области. Так возникло могучее энергетическое Объединение Центра из шестнадцати систем. В Объединении Урала — десять систем, в Средней Азии — одиннадцать. Всего в СССР одиннадцать энергетических «концернов», если их так можно назвать. Исследования показали, что выгодно связывать не только электростанции и системы, но и сами объединения.

БУЗИНОВА-ДЫБОВСКАЯ. И к Центру подстыковали Куйбышевскую ГЭС, а потом Волгоградскую... Потом Юг, Северо-Запад...

КАЛИТА. Именно так и было! Наконец, когда в начале этого года вступила в строй высоковольтная линия Сочи — Бзыбь, руку братской дружбы подало Закавказье. Как видите, в основу конструкции ЕЭС легли идеи и принципы, сформулированные в ГОЭЛРО.

ЗАОРСКАЯ-АЛЕКСАНДРОВА. Каков экономический эффект ЕЭС?

КАЛИТА. Совместная работа 57 энергосистем, входящих в ЕЭС, экономит мощность в три миллиона киловатт.

БУЗИНОВА-ДЫБОВСКАЯ. Каким образом координируется бесперебойная работа множества электростанций и энергосистем?

КАЛИТА. Прошу пройти на пункт управления оперативной диспетчерской службы. Там вы отчасти получите ответ на свой вопрос. Отчасти потому, что, кроме оперативного управления, существует долгосрочное планирование режимов. Им занимается большой коллектив инженеров и экономистов нескольких служб.

Калита остановился на пороге большого тихого зала. Торцевая стена его предстает небесным пологом — так широко развернулся тут голубоватый диспетчерский щит — схема ЕЭС. Перед щитом — пульты с десятками приборов. Посредине старший диспетчер Гурий Сергеевич Соколов.

— На щите, который перед вами,— продолжает Калита,— условно представлено все энергетическое хозяйство страны. Через час максимум — «пик» потребления энергии. Как там, Гурий Сергеевич, дела у Кармановской?

СОКОЛОВ. Подключилась в четырнадцать ноль-ноль.

БУЗИНОВА-ДЫБОВСКАЯ. Какая-нибудь неприятность была?

СОКОЛОВ. Ничего особенного. Неполадки с трансформатором третьего агрегата. Триста мегаватт — солидная мощность, но ее потеря не только не отразится на работе ЕЭС, но даже и Башкирской системы, в которую входит Кармановская. На выручку пришла другая система. Мы отдали распоряжение Уралу, и на Башкирию стала работать Рефтинская ГРЭС. Вот если бы Башкирская система жила самостоятельно, тогда такая неприятность стала бы для нее крайне тягостной: некоторые районы оказались бы без тока.

КАЛИТА. Сколько показывает Куйбышевская? Миллион двести? Обратите внимание, как по мере сгущения сумерек стрелка на телеваттметре этой ГЭС будет отклоняться вправо, подбираясь к двум миллионам. Куйбышевская и Волгоградская ГЭС — главные регуляторы частоты Единой Энергетической. Управление ими ведется отсюда, с пульта. Кроме того, на Куйбышевской ГЭС работает автоматический регулятор частоты всей системы. Вообще наши системы и передачи снабжены большим количеством автоматически действующих устройств, приборов и аппаратов, предупреждающих аварии и защищающих от них. В других странах, например, в США, в системах нет подобного комплекса устройств противоаварийной автоматики.

БУЗИНОВА-ДЫБОВСКАЯ. Оттого у них и частые аварии.

ЗАОРСКАЯ-АЛЕКСАНДРОВА. Не только поэтому. Социальная система другая. Частная собственность на землю, на электростанции, линии электропередач. Электрическими сетями владеют чуть ли не три с половиной тысячи компаний.

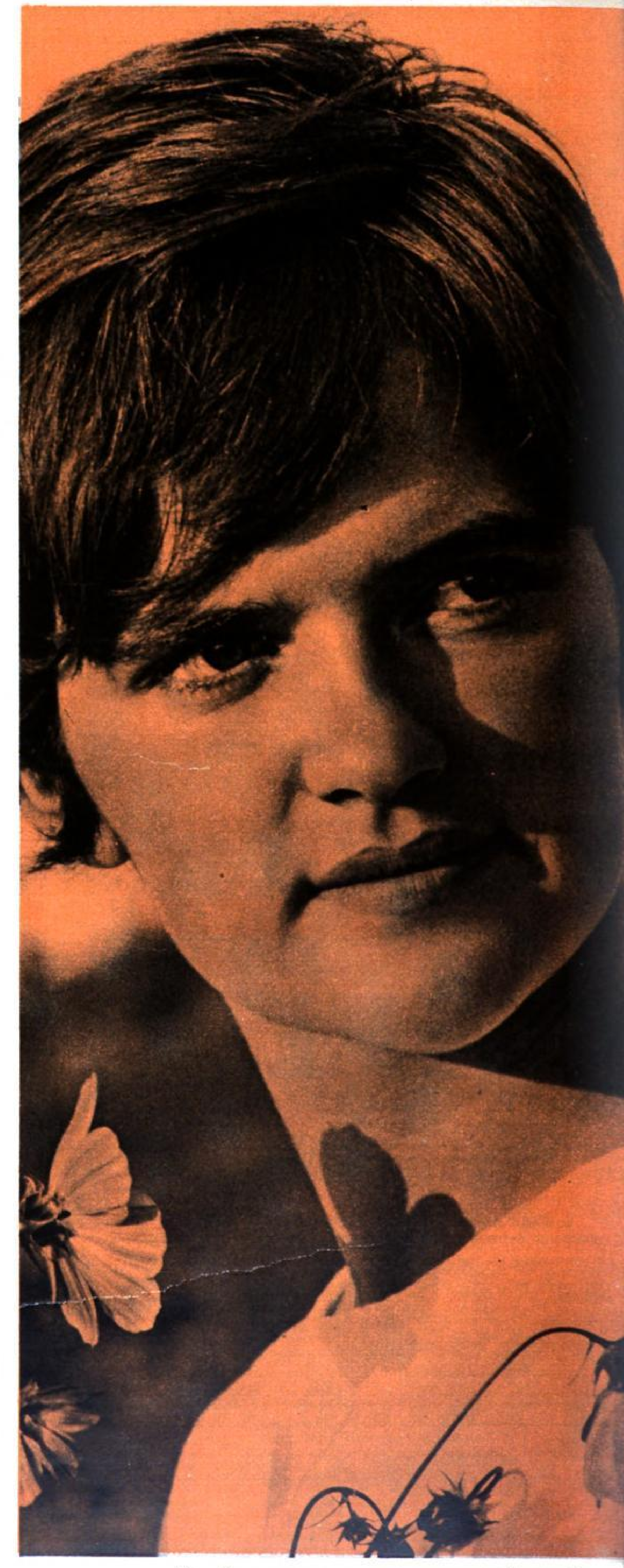
КАЛИТА. Потому и нет такой централизованной системы управления, оперативной диспетчерской дисциплины, как у нас. Мы по прямому проводу мгновенно можем соединиться с диспетчером или дежурным инженером любого объекта ЕЭС. Щит и приборы — наш экран. Посмотрите на телеприбор электропередачи «Гумрак — Цимла». Видите, стрелка показывает сто пятьдесят? Ничего опасного, но диспетчер уже настороже: если стрелка дойдет до двухсот, надо срочно принимать оградительные меры, хотя автоматика сработает при двухстах пятидесяти и без нас. Самое большое, что может произойти,— это система Юга отделится от ЕЭС и будет работать самостоятельно. Вот и все. Никакой катастрофы. А ведь именно так, если я не ошибаюсь, с перегрузки линий электропередач, идущих из Канады в США, началась в ноябре 1965 года печальной памяти авария в США. Ее назвали «аварией века». В самый час «пик» вышло из строя реле на одной из шести линий электропередач от ГЭС, что стоит на Ниагаре. Остальные пять линий, идущие на север, оказались не в состоянии пропустить увеличенную мощность и вышли из строя. Каскадно отключались системы. До тридцати миллионов человек в шести штатах оказались без света и тепла. Был парализован транспорт. Люди часами сидели в поездах метро, лифтах, не могли попасть до утра домой, спали на фабриках, заводах, в депо. Погрузился в темноту Нью-Йорк. Нельсон Рокфеллер, губернатор штата Нью-Йорк, назвал аварию «невероятным, фантастическим событием». Правда, в последнее время США предпринимают попытки слить крупные энергосистемы и объединения: многочисленные аварии вынудили их к этому. Однако межсистемные связи еще слабы, а самое главное, нет оперативного управления ими, нет полновластных диспетчерских пунктов, нет скоординированного плана развития энергетики. Капитализм есть капитализм!

ЗАОРСКАЯ-АЛЕКСАНДРОВА. Великолепная иллюстрация к словам Ленина о том, что при сохранении капитализма электрификация не будет планомерной.

СОКОЛОВ. Василий Тихонович, возьмите трубку, вас спрашивает министр. Интересуется Костромской. Костромская ГРЭС у нас молодая, но очень перспективная станция. Здесь будет установлен самый мощный в СССР энергоблок — на миллион двести тысяч киловатт. Уже сейчас мощность станции девятьсот тысяч киловатт. Есть у нас именинница — самая северная в стране ГЭС — Усть-Хантайская. В год нашего праздника она дала ток.

* * *

Главный диспетчер занялся выяснением вопросов, поставленных перед ним министром, а мы, поблагодарив его за возможность побывать в ЦДУ ЕЭС, спустились вниз, на шумную московскую улицу. Вся она переливалась огнями. В темном морозном небе «разговаривали» друг с другом далекие холодно мерцающие звезды. Миры звезд. Галактики. И я подумала: а там, на седьмом этаже, на кусочке неба, собранном из голубых ячеек, тоже своего рода галактика. Только из земных звезд, зажженных Человеком в Октябре семнадцатого. Управляемая галактика!



Катя Литвиненко — пионервожатая из села Рацево.

5 **трудовых, героических лет**

Корреспонденты «Огонька» продолжают рассказ о воплощении в жизнь Директив XXIII съезда КПСС по пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР.

«...ПРЕДУСМОТРЕТЬ МЕРОПРИЯТИЯ ПО ДАЛЬНЕЙШЕМУ СБЛИЖЕНИЮ УРОВНЕЙ ЖИЗНИ СЕЛЬСКОГО И ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ, ПРЕОДОЛЕВАЯ СОЦИАЛЬНО - ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРНО-БЫТОВЫЕ РАЗЛИЧИЯ МЕЖДУ ГОРОДОМ И ДЕРЕВНЕЙ; ЕЩЕ БОЛЕЕ УКРЕПИТЬ СОЮЗ РАБОЧЕГО КЛАССА И КРЕСТЬЯНСТВА, ЕДИНСТВО ВСЕГО СОВЕТСКОГО НАРОДА»,— ТАК ЗАПИСАНО В ДИРЕКТИВАХ.

Небывалы масштабы, небывалы темпы нашего сельского строительства. И это, пожалуй, одна из главных примет минувшего пятилетия. Осуществлены значительные работы по строительству на селе жилья, домов культуры, школ, детских садов, бытовых комбинатов, пекарен. Такой размах объясняется тем, что окрепла экономика колхозов и совхозов. **Среднегодовой валовой доход колхозов за последние четыре года составил 20 миллиардов рублей. Это больше, чем в 1962—1965 годах, на 5,8 миллиарда рублей. Растут и личные доходы селян. Среднемесячный заработок колхозников в прошлом году был на 33 процента выше, чем в 1965 году. Только в 1969 году капитальные вложения государства и колхозов в отрасль составили 16,7 миллиарда рублей.**

Неузнаваемо обновлено село, будь то Моринцы на Украине, или Верхнелишки в Белоруссии, или Дайнава в Литве. Эстонский поселок Саку был допущен к участию в конкурсе на соискание Государственной премии по разделу искусства и архитектуры. Хорошо строят в Башкирии, в Армении и в Молдавии. Немало сделали для своих крестьян архитекторы «Грузгипросельстроя».

Но с размахом сельского строительства множатся, обостряются и связанные с ним проблемы. Сейчас в стране строятся 250 экспериментально-показательных колхозных и совхозных поселков. Однако не меньшего внимания требуют и остальные деревни, станицы, аулы, кишлаки. Главная нужда — стройматериалы. Селу нужны не только современные проекты, современная строительная техника — нужны новые идеи! Ведь деревня, аул в конце XX века — это не просто поселение, а место труда и жизни строителей коммунизма. Вот почему это дело всенародное — строительство нового села.

Сегодня «Огонек» рассказывает о новостройках Черкасщины, о переменах в здешнем колхозном селе после XXIII съезда партии.

Л. И. БРЕЖНЕВ:

«Социальная политика партии, Советского государства состоит в том, чтобы на базе современной техники и науки все больше сближать характер труда крестьянина и труда рабочего, благоустраивать быт деревни, повышать культуру сельской жизни. Все это практически ведет к постепенному устранению социально-экономических и культурно-бытовых различий между городом и деревней, между рабочим классом и крестьянством».

Из доклада на торжественном заседании ЦК КПСС, Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР, посвященном столетию со дня рождения В. И. Ленина.

КРАСНЫЙ УГОЛ

Николай БЫКОВ

Фото М. САВИНА.

...Не красна изба углами, а красна пирогами! Так-то оно так, и все же...

Самый хлебосольный хозяин радуется, если может похвастать не только пирогами. В каждом доме—даже в плохоньком деревенском,— есть, блюдется красный угол с рушниками, с цветами, с телевизором, с книжным шкафом. И уж коли дом этот — полная чаша, то как тут удержаться, не взвалить на себя хлопоты и о новом доме! Нет, одними только пирогами нынче не удивишь...

И еще. Замечено, каким тесным кажется нам родной дом после долгой разлуки, это особенно заметно, если дом деревенский. И потолок будто ниже стал, и окна не так светлы... Но дом прежний. Он только постарел. Дом не меньше, это человек вырос, раздался в плечах, узнал, что есть мир и за порогом родительского дома и за околицей родного села. Так вот нечто подобное происходит сейчас у нас в деревне. Вся логика ее развития в последнее время свидетельствует, что колхозы и совхозы настолько экономически выросли, окрепли, что им явно тесны «стены» старого села.

На Черкасщине, особенно богатой сельскими новостройками, есть своего рода нулевая отметка — хата того самого дьяка в бывшей Кирилловке (ныне село Шевченково), у которого постигал азы и буки маленький Тарасик. Хата эта под стеклом. Она слишком мала, чтобы стать самостоятельным музеем или хотя бы филиалом такового. Ее, слепенькую, покосившуюся, вросшую со временем в землю, просто накрыли стеклянным кубом. И теперь она будет вечно, потрясающе убедительно свидетельствовать: «Так строились деды и прадеды». Ну, а сейчас что же, и хат уже нет? К сожалению, старенькие дома у нас в деревне еще сохранились, но не в этом примета времени, а в том, что уже есть и такие села, как Моринцы в Звенигородском районе на Черкасщине. Здесь отличный центр, построен по специально разработанному генплану. Просторная площадь, асфальт, улица двухэтажных домов для специалистов, Дом культуры, кафе, ресторан, гостиница, аптека, цветники, универмаг...

Мысль моя проста: строит достаток. В Черкасской области села перестраиваются умно и с завидной энергией прежде всего благодаря окрепшей артельной экономике. Есть и еще один стимул: здоровое чувство местного патриотизма, порожденного счастливым стечением обстоятельств исторического плана. В области тысяча памятников! К каждому надо провести дорогу, возле каждого цветник разбить, а по пути построить остановки для автобусов, открыть кафе, обновить селения... Тут что ни район, ни село, то прямые исторические связи с именами великих, с событиями, определявшими в свое время судьбы Отечества. Пушкин, Шевченко, Гоголь, Чайковский, декабристы, а еще раньше гетман Хмельницкий и его богатыри, а много позже богатыри Корсунь-Шевченковской битвы — далеко не полный перечень имен и событий, отмеченных на карте Черкасской области.

Но дело не только в глубоком уважении к именам и событиям. Главное — в другом: внимание к нуждам черкасских сел. А вместе с ним — весомая помощь колхозам со сто-

роны государства! Без такой помощи города перестраивать село нелегко. Это необходимо сказать сразу, чтобы уяснить проблемы сельского строительства. А их немало. И нельзя тут не согласиться с Александром Никитовичем Андреевым, первым секретарем Черкасского обкома партии, который при встрече с нами подчеркнул, что именно строительство, его характер, темпы, качество определяют дальнейшую судьбу нашего села.

— Стирание граней между городом и деревней,— сказал А. Н. Андреев,— понятие не отвлеченное. Из категории теоретического положения оно перешло в категорию практической заботы тысяч тружеников полей и ферм. Важно понять следующее: от того, как будут жить, в каких условиях будут работать сегодня и завтра механизаторы, животноводы, свекловоды, специалисты сельского хозяйства, зависит судьба дальнейших планов развития народного хозяйства.

Облик села — точка столкновения различных мнений. В деревнях наших много построек дореволюционных годов рождения, а ведь еще бушевало и военное пожарище. Между тем деньги в деревнях накапливаются и требуют движения. Так вот линия областного комитета партии как начала организующего — строить как можно быстрее и лучше. Строительно-монтажные работы в колхозах области за четыре года пятилетки выполнены на сто семьдесят миллионов рублей. Объем для сел огромный. Речь идет о создании в каждом селе нового — и по форме и по содержанию — социально-культурного и торгового центра. Речь идет и о всемерном поощрении индивидуального жилищного строительства. Речь, наконец, идет о создании на селе службы быта, о резком повышении уровня обслуживания сельских жителей — это уж совсем новинка.

Строить, строить... Но как? Вопрос наипервейший. Известно, что почти в каждой области, по крайней мере на Украине, несколько лет назад начали создавать образцовые села — такие, какими их видят доброжелатели нынешней деревни. Они спроектированы и возводятся горожанами. Колхозники тут участвуют лишь деньгами. Что касается их мнения... Все помнят, наверное, дискуссии на страницах различных газет. Так вот, они были бедны высказываниями тех, кому жить в селах будущего, а вернее, судя по проектам, в поселках городского типа. Намечено для перестройки одно такое село и в Черкасской области. Это Валява. Я там побывал, но пока ни строительной площадки, ни кранов не увидел. Валява ждет своей очереди. Как она будет выглядеть — покажет время. Но в области почти девятьсот сел. И ни одно из девятисот нельзя лишить счастья обновления. Как быть? На Черкасщине поступают мудро. Здесь облик села будущего проявляется не в одном ради эксперимента выделенном месте, а во многих районах сразу. Никто не связывает «указивками» рук, как тут выражаются, дядькам: стройся, мол, только так, а не иначе. Народная традиция, своя в каждом селе, вкус, соревновательное чувство «не ударить в грязь лицом перед людьми добрыми» — вот что определяет ныне характер того бурного сельского индивидуального строительства, что наблюдаешь на землях не только Черкасщины. И то тут, то там обнаруживаются знаменитые дядьки с поистине золотыми руками. Известно, что одна из комнат в Воронцовском дворце в Крыму — дело рук мастеров из села Мощны. Кого и чему учить в Мощнах? И дядьки здесь строятся, не ожидая «золотой рыбки».

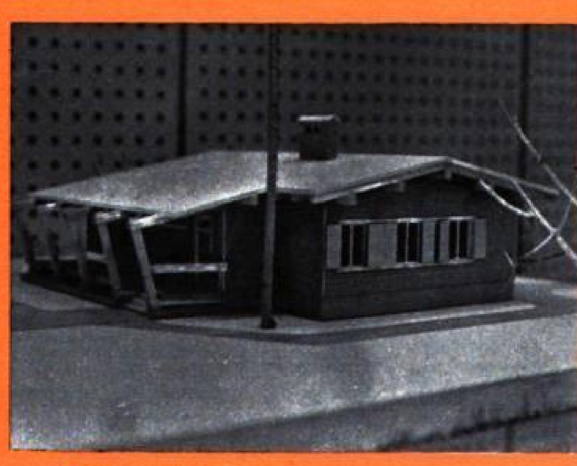
А что же колхозы, как выглядят обновленные социально-культурные центры сел? Теперь на Черкасщине есть чем похвалиться. В селе Теньки, Чигиринского района, отличная центральная улица, большая площадь и прекрасные тротуары на прилежащих улицах. Асфальт, плитка... В самом Чигирине — двухэтажный универмаг. В райгородке Смеле — четырехэтажная гостиница. В селе Вергуны такой Дом культуры, о котором иначе и не скажешь, как «люкс»! На выезде из Корсунь-Шевченковского — оригинальный ресторан «Ветряк». Он сразу же стал достопримечательностью области. И в селе Русская Поляна тоже есть ресторан. Уютное, очень необходимое в нынешнем селе заведение. Кстати, интерьер здесь выполнили по заказу колхоза студенты из Львова.

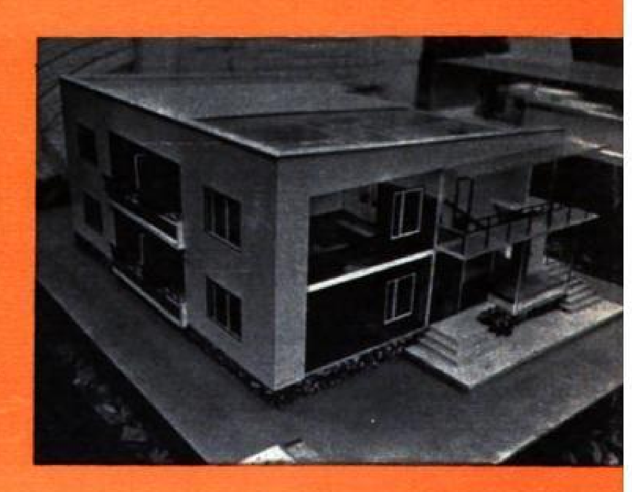
Вот так постепенно прорастает среди старых хат и молодых садов село завтрашней Черкасщины. Новые школы, магазины, кафе, небольшие сельские рестораны, новые дома культуры, а также комбинаты бытового обслуживания, которых еще три года назад село вовсе не знало,— вот что определяет лицо такой сельскохозяйственной (да простят меня химики Черкасс!) области. Нужны цифры? Пожалуйста! В обкоме партии назвали: в области (в селах!) после XXIII съезда КПСС построено 118 школ, бытовых комбинатов только за 1968—1969 годы — 36 да в нынешнем году еще 49; детских садов и яслей — более 100, бань — 138, домов

Такие дома предлагает строить в селах Центральный научно-исследовательский институт экспериментального проектирования.

Огни колхоза «Дніпро».

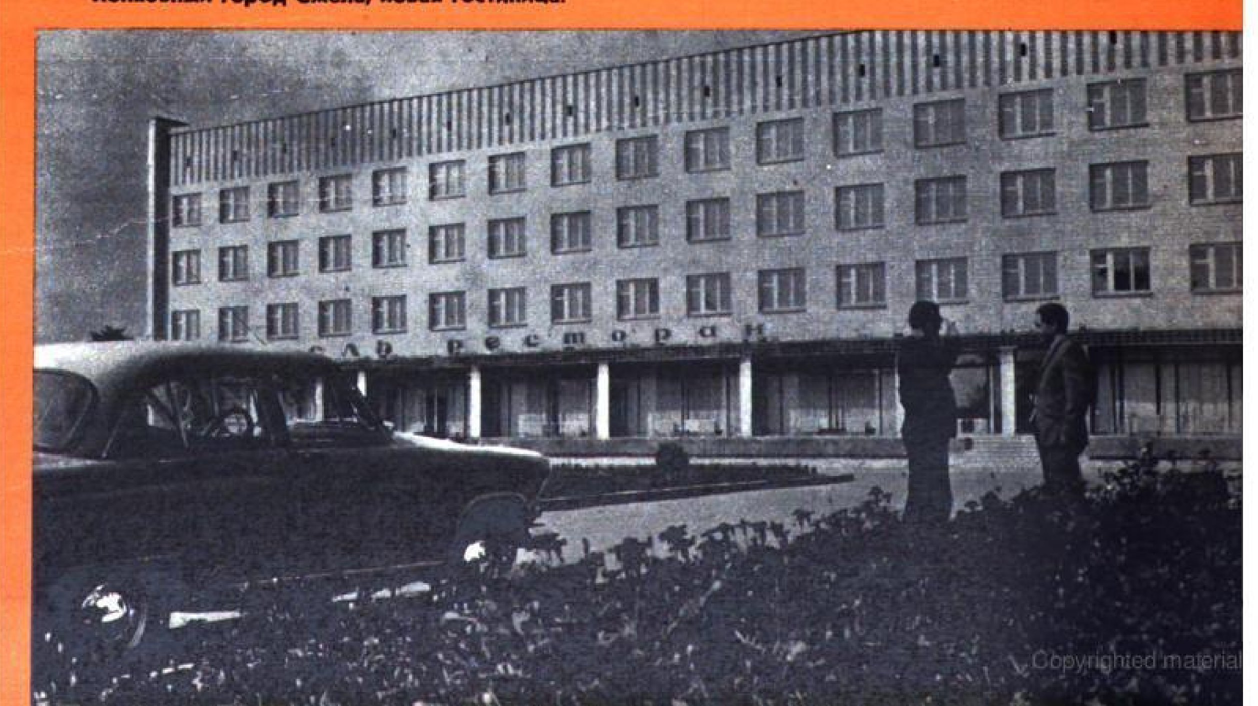
Новый универмаг в Чигирине.





Есть и такие проекты...

Колхозный город Смела, новая гостиница.



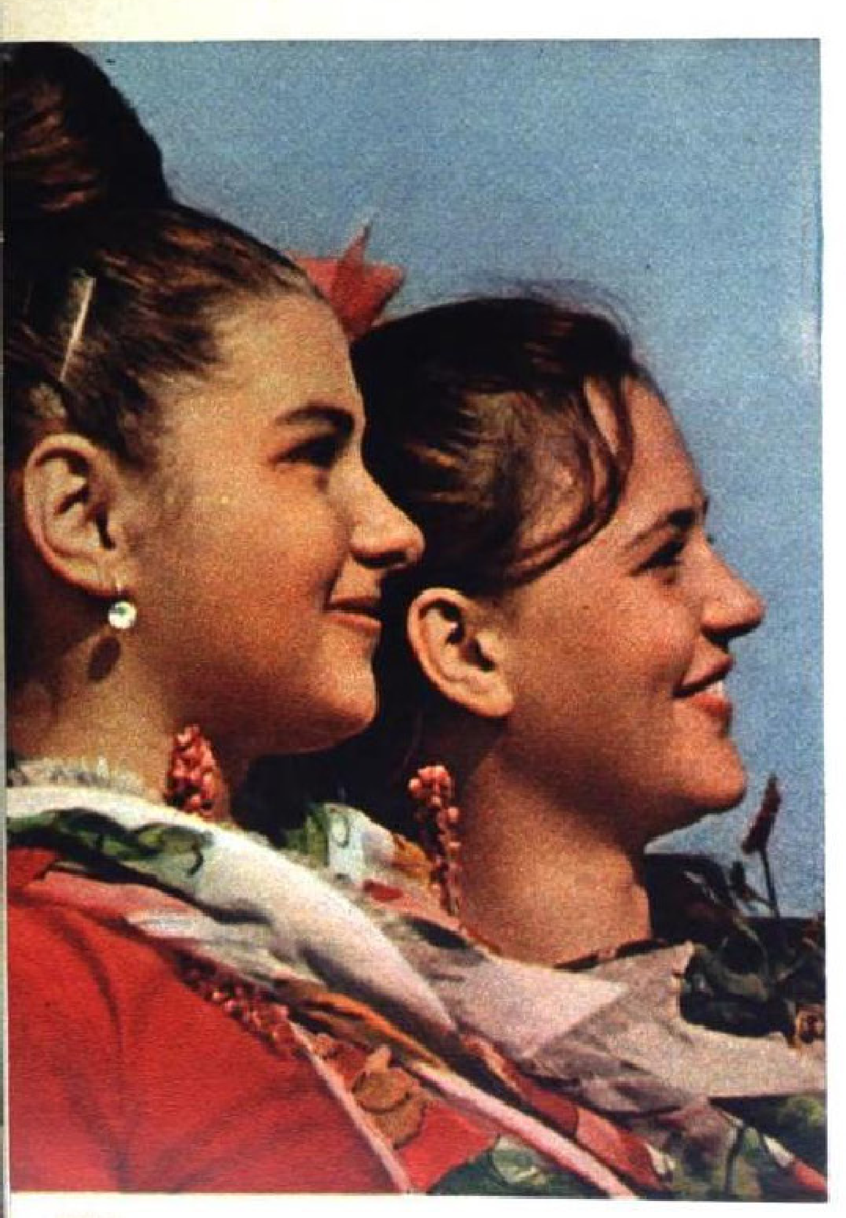
Много молодежи в селе Вергуны.

Центр села Моринцы.

Планетарий Сахновской средней школы

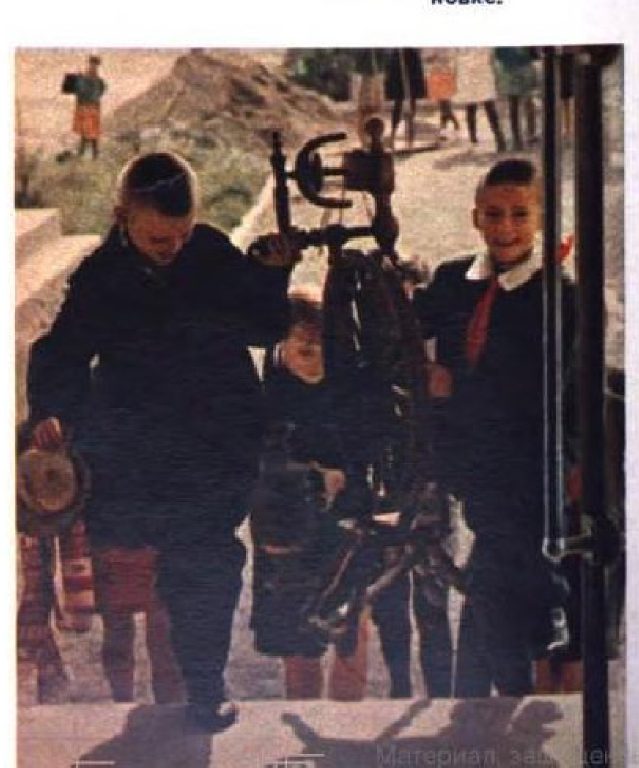
Фойе Дома культуры
колхоза «Память Ленина».

Ресторан «Дубрава» в селе Русская Поляна.



Татьяна Приходько и Ольга Башлык — девушки из колхозного села Рацево.

Старая деревенская утварь стала экспонатами школьного музея в Сахновке.



культуры — 160. А магазинов — 560! Я уж не говорю о цветниках на улицах, о прекрасных, выполненных с большим вкусом и выдумкой автобусных остановках. Десятки сел получили возможность шагнуть в направлении города, возможность уверенно и весело занести одну ногу через грань, отделяющую их от Черкасс.

— Если не будем сейчас строить на века, по науке, так, чтобы душа пела, то вряд ли помянут нас потомки незлым, тихим словом,— говорил не знающий компромиссов Василий Саввич Бабяк, председатель колхоза из села Хлыстуновка, Городищенского района.

А строить «по науке и так, чтобы душа пела», трудно. Но великая сила — принцип кооперации, по которому живет ныне артель. Он предполагает полную свободу проявить инициативу. Ее и проявляют.

На одном из республиканских совещаний колхозных передовиков попросили толкового, оборотистого голову колхоза поделиться опытом строителя: знали, что он замахнулся на образцовое село, что мошна артельная туга. И тот без лишних слов начал с трибуны перечислять:

— Киев, улица Большая Житомирская... Симферополь, улица Севастопольская... Одесса, улица Лумумбы... Киев, улица Урицкого...

В зале зааплодировали, засмеялись. Кто испытал на себе муки строящегося села, тот понял, что удачливый голова (а он называл еще и номера домов и названия проектных учреждений) делится географией своих хождений за проектами, за стройматериалами. Тот же В. С. Бабяк, по свидетельству людей знающих, хозяин крепкий да к тому же и художник-самоучка с тонким пониманием прекрасного, так вот он наладил прямые связи с архитекторами Черкасс. А как быть другим председателям?

О Василии Саввиче, о его характере и планах мне поведал старейший архитектор области, уважаемый здесь человек Федор Леонтьевич Майстренко. Он работает в Черкасском филиале института «Укрколхозпроект». Федор Леонтьевич согласен с Бабяком в том, что потомки не простят стандартной, необдуманной застройки села. Вот почему Хлыстуновка без индивидуального проекта, быть может, и не останется. При всей любви к старине, к самобытности украинского села Федор Леонтьевич, автор проекта экзотического ресторана «Ветряк», стоит на позициях современных форм в сельском строительстве. Для него это вопрос решенный.

— В застройке села следует идти от социального положения человека и от его быта,— начал большой разговор Ф. Л. Майстренко.

А быт в деревне, и в частности на Черкасщине, меняется. Там и тут проявляются городские начала. Но только начала! С «городским» соседствуют и еще долгие годы будут соседствовать специфические черты сельского уклада жизни. Ну как же жить в деревне и не иметь кадушки с разносолами, не иметь свежих — только из-под несушки — яиц или парного молока! Да мало ли прелестей и удобства в том, что семья имеет личный скот, сад и огород. Тяжело? Полноте, своя ноша не тянет, а труд надо облегчать в колхозе — на ферме, в поле, в мастерской. Известно, чем обернулась идея ликвидации личных коров или «зажим» с кормами для личного скота: колхозники, облегчив себе жизнь, устремились в магазины. А если все это так, то не рано ли на месте села возводить многоэтажные кварталы или поселки городского типа? Кое-кто склонен фантазировать в этом направлении. Далее. Людей в селе с каждым годом меньше. А в недалеком будущем? Когда изменится технология производства, когда будет завершена индустриализация и специализация хозяйства, вряд ли целесообразно всех работников сселять в два-три панельных дома с малогабаритными — зато городскими! — квартирами... Не говоря уж о качестве многоэтажного строительства силами «Межколхозстроя».

И вот еще какие соображения. Да, хата безнадежно устарела. Но в принципе-то интерьер села прекрасен! Вольготно, живописно расположились дома между садами и ставочками. Долго я искал открытые глазу улицы-новостройки в колхозах Черкасщины. Не нашел. И это радует. Не только хаты, но и новенькие дома, целые улицы закрыты от посторонних глаз деревьями — вишнями, яблонями, сиренью. Не столько от глаз, конечно, сколько от уличной пыли, от грохота машин, которых с каждым годом больше. И это — счастье села, что оно может спрятать дома от пыли, гари и шума, от любопытных глаз! Счастье, которого не знают горожане. Так стоит ли даже образцовому селу навязывать «городскую» планировку?..

— Теории планировки села нет,— констатирует другой черкасский архитектор, заведующий отделом проектного института, Николай Иванович Кораблин.

Каким должен быть центр, в общем-то ясно. На Черкасщине благих примеров много. Не на бумаге — на земле! Ну, а как все-таки быть с проблемой этажности? С проблемами объемных и цветовых решений? Новых материалов? С проблемой подземных магистралей — вода, газ, электричество, наконец, канализация? Многоэтажность, безусловно, помогает решить эти вопросы. Но — повторюсь — нельзя не учитывать веками складывавшихся форм крестьянского бытия. Что ни говори, а те дома, которые строят колхозники для себя,— просторны, у них высокие потолки. В них много комнат, и дети не спят, как бывало, на печи со стариками или в одной комнате с родителями. А само село, воспетое великим кобзарем! Как же не сохранить дорогое украинскому сердцу прошлое в декоративном убранстве, в мозаике или керамике, в умелом — нарочном! — размещении предметов быта в интерьерах кафе, в фойе домов культуры. Ф. Л. Майстренко настаивает и на сохранении местами плетня и перелаза как трогательных деталей в принципе нового села. И то, что на Черкасщине многоэтажных застроек не жалуют, мне понятно и близко. Разумеется, рестораны, универмаги, гостиница в Смеле не в счет. Тревожит стандарт жилых кварталов. Подлинно украинское село настолько самобытно, что грех изменять принципам, по которым оно в силу сложившихся традиций развивалось до сих пор. Здесь много вековых деревьев, много склонов, балок и холмов, а улицы, например, в Шевченкове, напоминают серпантин или зеленые туннели, как в тех же Моринцах. Короче, окружающий мир, природа, рельеф настолько своеобычны, такие веселые, что нельзя их игнорировать, грех «спрямлять». К чести черкасцев, они и не «спрямляют». Новостройки здесь не выходят на пашню. Накопленное людьми — я имею в виду опыт индивидуальной застройки — сберегается. При переустройстве сохраняется экзотика села, даже кое-где дряхлые ветряки (вдоль степных дорог в Звенигородском районе). Не знаю, где как, а тут сам рельеф против многоэтажности. А вот, например, склоны в селе Мельники, Чигиринского района, используются охотно и удачно: новые улицы поднимаются ярусами!

Таким образом, социально-культурный и торговый центр села строится компактно, а индивидуальная застройка носит характер импровизации, которая так естественно учитывает характер застройщика, пожелания в удобствах тех, кому жить в новых домах. И это логично.

Конечно, элемент стихийности во всем этом есть. А все оттого, что, как заметили специалисты Черкасского филиала «Укрколхозпроекта», архитекторы лишены возможности заняться проектами индивидуальных домов. Да и социально-культурные центры проектируют люди, не всегда понимающие образ жизни селян. Чем же заняты областные архитекторы? Они заняты только привязкой объектов. С филиала какой спрос, а Киев на все села проектов не наготовит. И вот ходят председатели по тем адресам, что перечислял однажды с трибуны совещания пробивной коллега. У них одна просьба: дайте проект!

— У нас есть силы, чтобы самим начать проектирование сел. Есть и мысли, и своя позиция, и связи с некоторыми колхозами. Но таких тем, разработок в план филиала не включают,— подводит итог страстному разговору Николай Иванович Кораблин. Он уверен, что те жилые дома, серию которых предложил Киевский горпроект, село отвергнет: «Клетушки, жилплощадь в них городская, и нуль учета особенностей сельской жизни... Это однообразнейшие проекты ради проектов... А другого ничего нет». Но на Черкасщине так говорят: «Дядька не хочет больше жить в саманном доме».

И еще об одном условии обновления уклада деревенской жизни: электролиния и регулярное сообщение села с городом. Не что иное, как асфальт, хорошие дороги в первую очередь стирают на наших глазах грань между городом и деревней. Я в данном — но только в данном! — случае оставляю в стороне проблему уровня производства. С него, с асфальта, с дорог начали и во многих районах Черкасщины. Тут решается одновременно множество проблем: близкий рынок сбыта, доступные в дождь и в метель базы снабжения, реальная возможность воспользоваться благами «городского» быта.

Нет нужды — это и практически невозможно — Большому театру объезжать села огромной страны! Но сегодня стремительные дороги связывают с Черкассами уже шесть районов области! А в такие дома культуры, какие уже есть и в Вергунах, и в Нетеребке, и в Тарасовке с залами на пятьсот человек, не стыдно пригласить артистов любого ранга. И кооператоры Черкасщины говорили мне: «Конечно, важно, чем торговать, но для нас теперь не менее важно, где торговать». Вот почему в области построен не десяток, а пятьсот шестьдесят магазинов, да каких!..

Дороги решают, кстати, и проблему медицинского обслуживания. Надо ли в каждом селе строить современную больницу? В Зеленкове построили, затраты огромны, а врачей нет. И оборудовать десяток спецкабинетов пока еще трудно. Имея же дорогу, можно любого больного в экстренном случае за час-полтора доставить в Черкассы, а в районную больницу — и за несколько минут...

Но дорога — это еще не вся проблема «граней». Любой селянин свои возросшие (прямо скажем, до уровня общесоюзного) потребности должен удовлетворять по месту жительства. А ведь как получается? Часто еще не в Большой театр, говоря образно, и не в Лужники стремится иной колхозник или колхозница, отправляясь в город, а за... апельсинами, за модным раскроем платья, за прической, за кастрюлей или книжной новинкой. И дело не в капризе, который тоже надо уметь удовлетворить...

И еще. Радует, что на Черкасщине строят не только дома культуры, но и магазины и бытовые комбинаты со швейными, с сапожными, с мастерскими электроприборов, а часто и с парикмахерскими.

И тут самое место рассказать о черкасской новинке — о сельских коммунхозах. Они здесь организованы во всех селах. Что это такое, мне объяснили Владимир Васильевич Забудский, директор Черкасского филиала республиканского проектно-изыскательского института «Укрколхозпроект», и Василий Семенович Шапран. Василий Семенович возглавил один из первых коммунхозов в селе Русская Поляна. Создать бригады коммунального обслуживания колхозников заставила сама жизнь.

Не секрет, что мужчин с годами в деревне все меньше: в области только в 1969 году из села ушли, уехали 20 тысяч человек, в основном парни, мужчины. А главное, ребята из подрастающего поколения не имеют тех навыков чисто деревенского хозяйствования, которое всегда отличало мужика. Кто покроет дом шифером, переложит дымящую печь, вставит стекло? Но современный быт связан еще и с электричеством и с газом. Там, где водопровод и газ, жизнь осложнилась, но вместе с тем именно благодаря этим осложнениям она и облегчилась.

Кто должен следить за всем этим сельским коммунальным хозяйством? Современное село только еще обзаводится людьми «городских» профессий — электромонтерами, газовыми техниками, слесарями-водопроводчиками. Не говоря уж о том, что утратило собственных печников, стекольщиков, плотников и столяров. Куда пойти хозяйке дома? А если нужны дрова, уголь, солома? Тогда иди к председателю. В правлении любого колхоза с рассвета битком набито, и всяк со своей нуждой. Иной председатель и рад помочь (и помогает), да у него своих забот полон рот...

На Черкасщине пришли к мысли: нужна специальная бригада коммунальных услуг. Коммунхоз! У председателей — гора с плеч, а у колхозников считай что впервые появилась надежная служба коммунальных услуг. Шапран показал все свое хозяйство. Тут и обменный пункт газовых баллонов, и столярка, и мастерская со станками.

— Раньше как было? Существовали рыночные фонды. Весь товар шел в магазины райпотребсоюза, да не весь, честно говоря, попадал на прилавок. А если хозяйка и купит стекло, то не может найти стекольщика... Теперь рыночные фонды передали нам, сельским коммунальникам. Мы на хозрасчете. Товар имеет небольшую наценку — за услуги. В коммунхозе свои каменщики, слесари, шоферы, газовики. Люди наши же, сельские. Откуда? Работали они в городе, а теперь вернулись в колхоз. В этом еще плюс. Конечно, во многом нуждаемся, пока снабжают нас недостаточно. Не планируют на нас. Но помогают, как говорится, инициатива, личные связи...

Жители Черкасщины, с улыбкой рассказывал первый секретарь обкома Александр Никитович Андреев, окрестили небывалые бригады «кумхозами». Тут и юмор и большой смысл — новшество пришлось по душе. Словно кум дорогой о куме, заботятся отныне коммунхозы о жителях села. Лиха беда начало!

Прошло не так уж много времени — всего-то пятилетка! — но на Черкасщине, можно смело утверждать, явно проявились контуры нового внешнего облика села. Андреев даже озабочен столь бурно проявленным интересом

колхозов к новым домам культуры и ресторанам, к магазинам... Без них нельзя, но крен в сторону культурно-бытового строительства явный. О, как я понимаю селян, истосковавшихся по новостройкам именно культурно-социального плана! Однако жизнь сурова, а реальность такова, что коренной перестройки требует производственная база в колхозах. Планы на молоко и мясо (да и потребности) растут с каждым годом. На повестке дня — специализация. А это значит, что нужны современные мастерские и животноводческие комплексы. А это значит — и тут нужда в современных проектах, в строительных материалах. Александр Никитович заметил, что переустройством села занимаются и Министерство сельского строительства, и Министерство сельского хозяйства, и потребсоюз, и «Межколхозстрой», и сами колхозники. Он имел в виду так называемый хозяйственный способ. Все стремятся помочь, но в этом и рассредоточение сил, распыление средств.

И, наконец, о лимитах на материалы. Их же явно не хватает, и тогда иные оборотистые руководители артелей сами достают необходимые строительные материалы. Но раз достают, значит, они где-то есть?.. Всесилие лимитов привело к тому, что нуждающийся в двугорбом верблюде заказывает... трехгорбого! Все равно, мол, заявку сократят. Одному не хватает, у другого склады ломятся. А почему так происходит? Да потому, что в нашем плановом хозяйстве частенько планы не обеспечиваются материальными средствами; под иной план нет ни шифера, ни труб, ни стекла, ни сантехники, ни... Зачем же утверждать его, такой план? Оттого и строят подрядчики один объект в селе по четыре, по пять и даже больше лет. А ведь в пору составления и утверждения очередных годовых, пятилетних планов надо бы сразу иметь в виду их материальное обеспечение. Чтобы позже не бить челом, не искать за морем «телушку за полушку».

В районных комитетах партии в Чигирине, в Черкассах, в Звенигородке, в Смеле, в Городище мне говорили: селу нужен сильный подрядчик. Есть такое объединение, как «Межколхозстрой». Созданная на паях, это, пожалуй, самая действенная строительная организация на селе. Из всех новых школ в области две трети построены ею. Она же поставила и большинство бытовых комбинатов. Но и доля колхозов тут велика. А все потому, что не успевает «Межколхозстрой». Итак, нужен подрядчик. Сильный, грамотный и технически вооруженный. В Ротмистровке крепкий колхоз «Украина». Председатель Георгий Иванович Стемащук справедливо сетовал:

— Строить почти что некому. Давно спроектирован центр села — улица двухэтажных зданий. А на периферии предполагаются коттеджи с мансардами. Дороговаты те дома для колхозников, с излишествами, но проект куплен, денег не жалко. Беда в другом: строить некому, не найти по нынешним временам подрядчика. А деньги есть.

Стройматериалы — главная проблема, но сие, как говорится, зависит уже не от села, а от города. То же самое можно сказать и о проектной документации и о технической вооруженности подрядчиков. Да, без города новому селу не быть.

...Ребятишки бегут в планетарий! В свой планетарий — есть такой в селе Сахновке... В Каменке, в музее Пушкина и Чайковского, собрались школьники из Михайловки, из Телепина, из Каменки, и вот звучит рояль самого Петра Ильича. Играет дитя землепашцев Света Рубан. Под соснами межколхозного санатория «Світанок» на скамеечке сидят колхозницы из разных районов и толкуют: «Дети сказали, чтоб без здоровья не возвращалась... И кряжи чтобы полечила и зубы поменяла на новые»... Застыл развеселый «Ветряк» у самого края кукурузной степи... Такой она запомнилась, Черкасщина. И каждый раз, когда синел ранний вечер, зажигались огни в Теньках, в Рацеве, в Вергунах, в колхозе «Дніпро» — в каждом из девятисот сел Черкасщины. Горят высокие светильники над осенними сельскими улицами. Широкие дороги, словно реки, сбегаются из сел к городу. А вернее — из города бегут в села. Пришло время сказать: мир старенькой хате, родительской избе, в которой родилось поколение первооткрывателей, космонавтов, разведчиков грядущего. Пришло время новых сел, новых домов.

Василий КОРНЕЕВ

ОТ

В «Штерне», крупнейшем буржуазном журнале, издающемся в Западной Германии огромным тиражом, не так давно была напечатана статья Герта Кистенмахера под заголовком «Нужны ли нам крестьяне!». Вопрос этот кажется странным только на первый взгляд. В западных капиталистических странах не случайно в последние годы все чаще крестьян называют «лишними людьми», и не случайно выдвигаются различные прожекты, как сократить их число. По мнению автора статьи, опубликованной в «Штерне», крестьяне требуют слишком много денежных дотаций для поддержания своих хозяйств. Ну, а если крестьяне разоряются, то тем лучше для... крупных землевладельцев. (Вот им-то и стоит давать ссуды, рекомендует автор.)

В недрах «Общего рынка» родился план, который предлагает сокращение в странах «шестерки» до 1980 года числа лиц, занятых в сельском хозяйстве, вдвое. А коли так, то нужно... помочь разорению крестьян. И под лозунгом «повышения рентабельности» ныне идет процесс насильственного вытеснения из экономической жизни мелких и средних хозяйств. Тот же журнал «Штерн» сообщает, например, что доход западногерманского крестьянина упал до такого низкого уровня, что, несмотря на 70-часовой изнуряющий труд, в неделю он зарабатывает на одну треть меньше, чем любой чернорабочий в промышленности.

По данным министерства сельского хозяйства, в ближайшие десять лет из 2,35 миллиона крестьян ФРГ один миллион должен уйти из сферы сельскохозяйственного производства. В то же время крупные землевладельцы продолжают богатеть, прибирая к рукам земли разорившихся. У некоего Аренберга, например, имеется 30 тысяч гектаров, у Зайн-Ватгенштайна — 26 тысяч, а барон фон Гутенберг, рыцарь «холодной войны» и один из аграрных законодателей бундестага, друг реваншиста Штрауса, владеет вместе с женой 40 тысячами гектаров. Подобная поляризация наблюдается и в других капиталистических странах.

Так называемое свободное предпринимательство оборачивается трагедией для тех, кто не выдерживает беспощадной борьбы за существование. Особенно наглядно это видно на примере США. В последнее время здесь ежегодно уходит из сельского хозяйства около ста тысяч фермеров. По официальным данным, задолженность фермеров достигает 50 миллиардов долларов. (Это почти в пять раз больше суммы их задолженности в 1950 году!)

Бедственное положение мелких фермеров вызвано рядом причин. Одна из них — продолжающаяся инфляция и связанный с ней рост цен. Сотни тысяч людей, рожденных на земле и своими руками создающих богатства ее, становятся отверженными. Новые же «фермеры», имеющие капитал в несколько миллионов долларов, нажитый на добыче нефти и вооружениях, а также финансовые воротилы с Уолл-стрита прибирают все больше к своим рукам лучшие сельскохозяйственные земли Америки. Они держат в своих руках производство сельскохозяйственных машин, переработку фермерских продуктов, они же и диктуют земледельцам цены.

Но, пожалуй, самый нищий крестьянский континент на земле — Латинская Америка. Земледельцы подвергаются здесь двойному гнету: с одной стороны, на них давят местные латифундисты, с другой — северо-американские монополии, безраздельно хозяйничающие во многих латиноамериканских странах. Помещики в странах Латинской Америки составляют 10 процентов населения, но владеют они 90 процентами всех обрабатываемых площадей. И помещик номер один — американский империализм. До последнего времени в Перу, например, американские монополии контролировали 20 процентов производства хлопка и 40 процентов производства сахара. По сообщению американского журнала «Форчун», известная техасская фирма «Кинг ранг», принадлежащая семье Клебергов, недавно приобрела в Бразилии свыше 120 тысяч гектаров земли. А группа миллиардера Рокфеллера только в одном из бразильских штатов владеет 530 тысячами гектаров земли.

Нищета и безземелье вызывают крестьянские волнения. Доведенные до отчаяния, они захватывают помещичьи земли, отстаивая свое право на существование. Крестьянские волнения ныне охватывают не только Латинскую Америку. В последние годы они прокатились и во многих странах капиталистического Запада. В своей борьбе за землю трудовое крестьянство остается главным союзником рабочего класса. И в этом залог успеха крестьянского движения. Как отмечалось в документах Международного Совещания коммунистических и рабочих партий, принятых в Москве в июне 1969 года, «укрепление союза рабочих и крестьян — одно из основных условий успеха борьбы против монополий и их власти».

«Бастуем!» — кричат плакаты в руках этих сельскохозяйственных рабочих США.

В таких лачугах живут испанские крестьяне близ курорта Коста Брава.

Фото из альбома «Баста», изданного в США, и журнала «Пари-матч».

ВЕРЖЕННЫЕ

Латинская Америка. Крестьяне-индейцы за работой...

Григол ЧИКОВАНИ

Рисунок П. ПИНКИСЕВИЧА.

РЯДОВОЙ

Из «Одишских рассказов»

К полудню все замирало. Обессилев, останавливался на бегу ветерок, обомлев от зноя, притихала листва на деревьях и виноградных лозах, никла к земле опаленная трава. В то памятное лето 1857 года в Одиши стояла необыкновенная жара. Но не она опустошила многолюдные, оживленные прежде селения в горах и долинах Одиши — весь народ ушел под знамена Уту Микавы. Весь подъяремный крепостной люд снялся с места, весь — от мала до велика. Не слышно было человеческого голоса на опустевших деревенских улицах, не видно очажного дыма над заброшенными домами, и лишь изредка в мертвой неподвижной тишине слышалось мычание забытой, давно не доенной коровы. В Одиши тогда опустели не только крестьянские хижины, но и господские хоромы. Пламя крестьянского восстания полыхало уже по всему Мингрельскому княжеству от края до края. Еще недавно казалось, что нет предела терпению крестьянскому, но вот оно иссякло. Сначала замученные, ограбленные своими господами крестьяне обратились к правительнице Одиши, владетельной княгине Екатерине Дадиани. Они надеялись, что она примет к сердцу обиды и страдания своих обездоленных подданных, что она богом данной ей властью восстановит справедливость, обуздает князей и дворян. Но когда узнали, что Екатерина и слушать их не хочет, когда она презрительно отвернулась от них, крестьяне поклялись отомстить ненавистным угнетателям. Народ восстал и против власти помещиков, против несправедливой власти владетельной княгини.

Екатерина вынуждена была бежать из Зугдиди в свое квашхорское поместье, многие перепуганные насмерть князья и дворяне укрылись от возмездия в Абхазии, Сванетии и Гурии. Владетельная княгиня вскоре убедилась, что ее мдиванбеги[1] и моурави[2] не могут справиться с восставшим народом, и обратилась к кутаисскому губернатору, генералу Николаю Колюбякину с просьбой оказать ей немедленную военную помощь.

Уту Микава вовремя узнал о том, что генерал Колюбякин во главе большого отряда вышел из Кутаиси. По зову Микавы восставшие собрались со всего Одиши на огромном поле, невдалеке от села Шхепи. «Здесь мы встретим царское войско»,— решил Уту.

Повстанцы занялись устройством лагеря. Из леса, который поднимался к самой вершине горы Урту, притащили хворост и соорудили хижины, а кое-где поставили залатанные полотняные палатки. Но большинство людей расположилось прямо под открытым небом — каждая семья у своей арбы.

Шумно было в те дни и ночи в повстанческом лагере, у подножия горы Урту.

Выставив на подступах к лагерю конные дозоры, Уту Микава созвал на совет сотников и десятников повстанческого войска. Кто-то приволок для Уту чурбан и поставил его в тени платана, остальные расположились на земле. У сотников и десятников были нарукавные красные повязки, и только Микава прикрепил красную повязку к шапке.

Микава сидел, слегка сгорбив обтянутые архалуком плечи. Лицо у вождя повстанцев было смуглое и спокойное: крепкий подбородок, орлиный нос, густые, спутанные брови и длинные жесткие ресницы, из-под которых глядели на людей умные, проницательные глаза,— все эти черты говорили о незаурядном характере Микавы, о его непреклонной воле, о его способности внушить почтительное доверие друзьям и страх недругам.

— Генерал Колюбякин сейчас находится со своим войском в Квашхори,— сказал Уту низким, глуховатым голосом, ничем не выдавая своего внутреннего волнения.— Но я думаю, что у княгини он не загостится и скоро двинется к нам. Мы не знаем, с каким намерением идет генерал, и потому при встрече с ним должны проявить выдержку. Пусть никто не смеет лезть в драку, пока я не подам знак. Но коль уж начнется бой, тогда встанем все как один, насмерть встанем. Еще возможно, конечно, что княгиня пожелала примириться с нами. И если Колюбякин придет к нам с миром, мы расскажем ему о нашей черной судьбе и попросим помощи. А народ Одиши вправе обратиться за ней к русскому войску. Ведь еще так недавно мы вместе воевали против Омар-паши. Не верится, что генерал Колюбякин так быстро забыл об этом.

Джурумия Джикия, молодой человек лет двадцати, нахмурился и покачал головой.

— Ошибаешься, Уту, у господ память короткая,— сказал Джурумия.— И княгиня уже не помнит, как мы разгромили турок, и генерал давно об этом забыл.

Джурумия не хотелось прерывать речь Уту. Он работал прежде подручным у кузнеца Микавы и привык слушаться его.

— Нет, Уту, я не верю, что царский генерал идет к нам с миром. Он идет карать нас и будет карать без пощады. Где это ты видел, чтобы помещик щадил крепостного? За какой же помощью ты хочешь к нему обратиться, Уту? Смотри, не ошибись!

— Напрасно ты горячишься, Джурумия,— остановил Микава.— Я говорю только о выдержке, только о спокойствии и выдержке. И потому повторяю: пусть никто не посмеет пальцем шевельнуть, пока мы не убедимся, с чем пришел к нам Колюбякин. Ну, а если он пришел к нам как враг, мы встретим его по-вражески.

В этих словах Уту не было ни угрозы, ни хвастовства — просто кузнец хорошо знал силы родного народа, знал, на что способны эти люди в бою.

— Ошибается генерал, если думает, что мы дрогнем перед его силой. Омар-паша так думал — и просчитался.

Сказав это, Микава оглядел своих ближайших соратников. «Ну, что скажете, братья?» — хотел он спросить, но, увидев их суровые лица, встретив их полные решимости взгляды, понял, что ни о чем спрашивать не надо, и потому коротко приказал:

— А теперь разойдитесь. Передайте людям все, что я здесь сказал, и будьте готовы ко всему.

Микава предполагал, что Колюбякин все еще находится в Квашхори. Но тот уже перешел реку Техури и, не давая отдыха своему отряду, ускоренным маршем вел его на встречу с повстанческим войском.

В пути к отряду Колюбякина присоединялись родовитые князья: Чиладзе, Липартиани, Пагава, Бедия, Чиковани, Анджапаридзе, Хеция, Чичуа... Они пышно и торжественно приветствовали генерала, но тот отвечал им весьма холодно. Князьям это не очень понравилось: неясно было, что на уме у Колюбякина. Один из князей даже пробормотал что-то о дурном предзнаменовании. Но на что еще могли надеяться одишские — только на царское войско. И, обиженные холодным приемом, князья поплелись вслед за колюбякинским отрядом.

Внизу, на огромном поле, раскинулся повстанческий лагерь. Колюбякин удивился: он был убежден, что встретит небольшую кучку смутьянов, неорганизованный сброд, с которым ему удастся справиться быстро. Но на поле в версте от холма стояло в боевых порядках войско и, как показалось генералу, раз в десять превосходящее численностью его отряд.

Уту Микава так умело построил свои боевые порядки, что издали должно было казаться, будто войска у него вдвое больше, чем в самом деле. Впереди Микава расположил хорошо вооруженных всадников, по всему обширному полю стояли вооруженные чем попало — дубинками, косами, топорами — люди, главным образом старики, женщины и подростки. Генерал принял их за воинов.

— Нет, голубчик, это не толпа, как уверяла нас княгиня, а настоящая армия,— сказал генерал, повернувшись к Ивану Ряшенцеву. В отряде, да не только в отряде, многие люди знали, почему генерал Колюбякин так благоволит к рядовому Ряшенцеву.

В семье Ряшенцева и в Московском университете, где он учился, все думали, что Иван обязательно станет ученым, что на научном поприще его ждут блестящие успехи. Но, окончив университет, Иван неожиданно для всех поступил на военную службу. Товарищи Ивана из числа передовой университетской молодежи решили, что это он уступил желанию отца, известного своими консервативными взглядами. На самом же деле Иван сам, без отцовского понуждения сделал этот выбор, поскольку считал, что лишь на военной службе сможет принести наибольшую пользу стонущему под игом самовластия отечеству. Юношу вдохновлял высокий пример декабристов — ведь почти все они были офицерами. В полку товарищи полюбили прапорщика Ряшенцева, да и начальство возлагало на него немалые надежды: молодой офицер умен и образован, к тому же прекрасно воспитан и дружелюбен. Но, должно быть, кто-то и в этом усматривал зло и постарался всячески очернить прапорщика-вольнодумца. И когда не подозревающий о нависшей над ним угрозе Иван Ряшенцев попытался распространить среди офицеров полка подпольный герценовский «Колокол», он был арестован, разжалован в солдаты и направлен на Кавказ в один из линейных батальонов.

Отец Ивана Ряшенцева и генерал Колюбякин были давними друзьями. Генерал добился перевода Ивана в Кутаиси, а здесь приблизил к себе.

Колюбякин делал все от него зависящее,

[1] Военачальники.
[2] Управляющие.

РЯШЕНЦЕВ

чтобы получить возможность ходатайствовать перед царем о возвращении Ряшенцеву офицерского звания: он давал ему сложные и опасные поручения, уверенный, что такой умный и смелый воин, как Ряшенцев, обязательно отличится. Так оно и было: за смелость и солдатскую находчивость Ряшенцев уже удостоился нескольких наград. Колюбякин надеялся, что и в этой «мингрельской экспедиции» Ряшенцеву тоже представится возможность отличиться.

Услышав обращенные к нему слова генерала, Ряшенцев еще раз окинул взглядом повстанческий лагерь и подтвердил:

— Да, настоящая армия. А сколько конницы! Говорят, что одишцы чуть ли не в младенчестве садятся в седло и что они весьма искусно ведут бой в конном строю.

— Они и в пешем строю сражаются неплохо,— сказал генерал.— Омар-паша недавно испытал это на собственной шкуре.

Вскоре два войска сблизились. Впереди царского стоял окруженный многочисленной свитой генерал Колюбякин, впереди повстанческого — Уту Микава и его ближайшие соратники.

Первым не выдержал молчания генерал. Привстав на стременах, Колюбякин, нахмурив брови, приказал:

— Шапки долой!

Переводчик-грузин обязан был перевести эти генеральские слова в том же повелительном и бесцеремонном тоне, но голос его дрогнул, и страдальчески искривились губы.

Повстанцы и не шелохнулись, все они смотрели на Уту, а тот, казалось, даже и не слышал этих слов генерала.

Колюбякин еще больше рассердился и еще более грозно повторил приказ. Но Микава все так же неподвижно сидел на буланом коне. Кузнец не смотрел на генерала, а смотрел на его войско. У вождя повстанцев был уже немалый военный опыт, но на этот раз он обманулся. «Очень уж их много,— подумал Микава.— И оружие у них лучше нашего. Беда, если не одолеем их,— вдруг заколебался Микава.— И я понапрасну возьму на душу грех, погубив столько женщин и детей. Нет, лучше подождать. Кто знает, что у генерала на сердце. А то, что он кричит,— на то он и генерал, чтобы кричать и приказывать. Правда, мы и сами могли догадаться, у нас ведь обычай таков: приходит гость — обнажи голову, приходит враг — обнажи меч. Но кто он, этот человек: гость или враг?» Микава медленно поднял руку и снял шапку. Не оборачиваясь, он почувствовал, как за его спиной тысячи людей еще более медленно, еще более нехотя повторили его движение.

— Как вы смеете сидеть передо мной на конях? Сейчас же спешиться! Ну!

Этого уж Микава не ожидал. Позади него прокатился глухой ропот. Сердце кузнеца обдало жаром. Нет, медлить нельзя.

Микава знал, что народ ждет его знака. Стоит ему обнажить оружие, и в тот же миг все — мужчины и женщины — ринутся на царское войско. «Где твоя выдержка, кузнец? Решается судьба твоего народа. Подожди еще немного, совсем, совсем немного»,— приказал себе Микава и неловко спрыгнул с коня. И тотчас же за его спиной стала спешиваться вся многосотенная повстанческая конница. Люди недоуменно переглядывались, не понимая, что замыслил Микава, а многие, сгорая со стыда за себя и своего вожака, низко опустили головы.

Джурумия и около двадцати его друзей не сошли с коней и не сняли шапок. Хату, сестра Джурумия, как всегда, была рядом с ним. На первый взгляд эта невысокого роста девушка казалась слабой и изнеженной, но на самом деле она была проворной и выносливой. Джурумия и Хату были счастливы, что народ Одиши поднялся наконец против своих мучителей, они непоколебимо верили в победу народа, и даже мысль о примирении с врагом была им ненавистна. Брат и сестра были убеждены, что у народа Одиши есть только один путь — путь борьбы. И как мог снять шапку перед врагом Уту Микава?!

Это Джурумия назвал имя Уту, когда повстанцы выбирали предводителя. Юноша тогда безгранично верил Уту и готов был идти за ним в огонь и воду. Но сейчас Джурумия впервые усомнился: «Почему он слушается генерала? Почему склонил перед ним всегда такую гордую, непокорную голову? Что он делает, что делает?! Ведь он же связал нас этим по рукам и ногам. Неужели?! Что это, если не измена?»

Мелькнула безумная мысль: «Сейчас я убью его, сейчас всажу пулю в предателя». Рука сама потянулась к пистолету, но Джурумия остановила мысль, что этим выстрелом он уже ничего не поправит.

Джурумия был в отчаянии: если погибнет восстание, погибнет народ. Он и так уже был на краю гибели, народ Одиши.

Джурумия видел, как мучители-господа продают на чужбину крепостных, как разлучают матерей с детьми, как меняют девушек на лошадей и собак. Он видел молодых мужчин, закованных в кандалы, стариков, умирающих в колодках, охваченные огнем крестьянские хижины, видел односельчан, которых господа засекли до полусмерти, видел людей, которым господские палачи выкололи глаза... И народ восстал.

Генерал Колюбякин откашлялся.

— Я пришел сюда по просьбе ее сиятельства, владетельной княгини Дадиани,—сказал Колюбякин, слегка приподнявшись на стременах.— Я пришел сюда с войском, потому что вы совершенно распустились, вышли из повиновения, восстали против своих законных господ. Вы отказались от выплаты оброка, не вносите налогов, нападаете на своих помещиков, разоряете их усадьбы, вы восстали против законов и установлений и хотите, чтобы владетельная княгиня правила княжеством по-вашему... Но этому никогда не бывать.— Генерал еще выше привстал на стременах, чуть подался вперед и проговорил, отчеканивая каждое слово:

— Я пришел, чтобы надеть на вас железную узду вместо той, что вы сбросили. Железную узду,— повторил генерал.

Переводчик едва подавил вздох, но перевел сказанное генералом слово в слово.

Крестьяне выслушали Колюбякина молча. И вдруг где-то за спиной повстанцев заплакал младенец, и сразу, словно соревнуясь с ним, то тут, то там заплакали не ведающие, что здесь происходит, несмышленыши.

Генерал брезгливо поморщился и побагровел от злости. Он был человеком несдержанным. Ряшенцев, зная эту черту генеральского характера, все же удивился, что Колюбякина так озлобил детский плач.

— Почему вы молчите? — в бешенстве закричал генерал.— Скажите, что вам надобно!

Из задних рядов вышел старик. В одной руке он держал башлык, в другой — старинное кремневое ружье. Передние расступились, и старик предстал перед генералом. Джурумия и Хату переглянулись — это был их дед. Коча Джикия.

Коча начал свою речь, не глядя на генерала,— он считал унизительным для себя смотреть на этого чужого, крикливого человека снизу вверх.

— Ты сказал, господин, я, мол, пришел, чтобы надеть на вас железную узду. Жаль, что ты произнес эти слова, господин. Жаль. Мы ведь тебя ждали, как ноева голубя, мы думали, что железную узду ты наденешь на наших обидчиков.

— Как ты смеешь, старик! — прервал его генерал.

— А так смею... Потому, что святую правду говорю, потому и смею. Это не мы распустились, как ты изволил сказать, это господа наши распустились до того, что дальше терпеть не стало возможности. Мы не отказывались от оброка, и налоги нашей государыне-княгине мы не отказались платить. Но когда с человека живьем сдирают кожу, хочешь не хочешь взвоешь. Вот мы и взвыли, господин генерал. Потому что даже великому крестьянскому терпению есть предел. Нам не от кого было ждать спасения, и мы восстали. Некоторым из нас все же казалось, что правда и справедливость находятся по ту сторону Цхенис-Цхали, и они даже собирались идти за ней туда. Но вот ты сам сюда пришел к нам из-за реки Цхенис-Цхали. И что же? Разве ты правду и справедливость принес нам? Нет. Ты пришел не для того, чтобы заступиться за нас, а для того, чтобы заступиться за наших мучителей. Значит, весь мир принадлежит им, значит, в сорочке родились эти безбожники.

Ряшенцев с интересом слушал Кочу Джикия. До чего же смелый человек! Смелый и убежденный в своей правоте.

— Ты не думай, генерал, что это из страха перед тобой, перед твоими войсками мы сняли шапки и спешились,— сказал Коча.

К немалому удивлению Ряшенцева, крикливый генерал умолк, и могло показаться, будто он не без внимания слушает Кочу Джикия. У переводчика отлегло на сердце, и он старался придать словам перевода малейшие оттенки, присущие речи старика.

— Так знай, генерал, огонь невозможно завернуть в кукурузную солому. И ты зря пытаешься это сделать. Я тебе опять скажу: не по твоему приказу мы сняли шапки, а по собственной воле... По обычаю, из уважения мы сделали это. Ну, а тебе, генерал, разве не интересно знать, чем дышит наш народ? — спросил Коча и, посмотрев на генерала, понял: тому неинтересно, тому безразличны жизнь, страдания и надежда народа Одиши.

— Однажды один помещик сказал крестьянину: «Человек, я тебя купил». «Это твое дело»,— отозвался крестьянин. «Надеюсь, ты от меня не убежишь?» — спросил помещик. «А это уж мое дело»,— ответил крепостной. Так вот, генерал, вернемся ли мы к своим господам или нет — это наше дело. Но знай одно: по-прежнему уже ничего не будет. Мы потому восстали против княгини и господ, чтобы положить конец нашим страданиям.

Слушая старика, Ряшенцев пытался проникнуть в сущность того, что здесь происходит. Отправляясь в эту «экспедицию», он не знал даже, что в Одиши произошло народное восстание. Солдатам не говорили о целях похода, но и офицеры знали немного. В том обществе, в котором благодаря покровительству Колюбякина вращался Ряшенцев, события в Одиши изображались как бунт кучки смутьянов и разбойников.

Было над чем задуматься рядовому Ряшенцеву.

Джурумия и Хату, слушая Кочу, испытывали гордость за своего деда. Вот какой он у нас! Он даже богу не побоится сказать горькую правду.

— Чего вы просите, какую такую правду ищете по ту сторону Цхенис-Цхали? — спросил Кочу генерал.

— Это тебе скажет наш предводитель Уту Микава, — ответил Коча. — А я тебе вот что еще скажу, генерал: видишь человека на белом коне? Это мой господин, Бондо Бедия. Ты только погляди, как он кичится, этот волкодав. А почему, думаешь, он сейчас такой? Да потому, что убежден, будто ты пришел сюда, чтобы растоптать наши надежды и скрутить нас в бараний рог, только, может, он напрасно радуется, генерал?

Но генерал не ответил.

— Да что Бедия... И у других господ тоже глаза разгорелись. Они уже торжествуют победу над своими рабами. Эх, значит, правду говорят, что все вороны на свете черные. Только черные. А чернее всех этот богоотступник, наш господин Бедия. Он нам всю жизнь отравил. У него в душе бес сидит. И все толкает его на подлости. Когда он ограбил нас до нитки, когда ему нечего уже было у нас взять, он стал похищать у нас девушек. Недавно он у меня внучку Хату похитил и хотел продать туркам. Тем самым туркам, сражаясь с которыми погибли ее отец Чагу и два брата. Ты только подумай, генерал: человек называет себя христианином и продает христианских девушек нехристям!

Колюбякин уже не слушал Кочу Джикия, и на Бедия, о котором говорил старик, он даже не посмотрел. Генерал думал: пора кончать. И Бедия думал о том же. Страшен был этот человек. Ведь недаром же народ прозвал Бедия «Рылом» за его выдвинутый, как у зверя, вперед подбородок.

Бедия бросил на своего непокорного крепостного свирепый взгляд, но Коча, не обратив на это внимания, продолжал:

— К счастью, у внучки моей Хату остался еще брат Джурумия. Трижды был ранен Джурумия в боях с Омар-пашой, но бог сохранил этому моему внуку жизнь для добрых дел... Джурумия догнал Бедия на полпути и отбил у него свою сестру. Вот они стоят перед тобой, генерал...

Что еще хотел сказать Коча, осталось неизвестным, потому что генерал вдруг закричал:

— А вы почему не сняли шапки, почему не спешились?!

Глаза Джурумия сверкнули холодно, как сталь, он даже не взглянул на генерала, потому что слова деда пробудили в нем воспоминания, от которых стыла кровь... Вот мать с разрубленной головой, цепляясь за платье Хату, на коленях ползет за Бедия, а он, Джурумия, связанный, валяется на земле и кусает в бессильной ярости губы.

— Шапки долой! — снова потребовал генерал.

Джурумия, пришпорив коня, в один миг оказался перед Колюбякиным. И все вокруг услышали его молодой, звонкий голос:

— Не дождешься, генерал, чтобы я перед тобой снял шапку.

Генерал ни слова не знал по-грузински, но взгляд Джурумия сказал ему все. И генерал невольно откинулся назад. А Джурумия повернул коня и, сделав знак сестре и друзьям, чтобы они следовали за ним, поскакал к лесу.

— Ряшенцев, догнать и схватить! — приказал генерал.

В губернаторской свите зашептались. Чиновники и офицеры поняли, что Колюбякин дает сейчас Ряшенцеву, может быть, неповторимый шанс вернуть себе офицерское звание.

И народ Одиши, затаив дыхание, смотрел в сторону леса — еще немного, еще совсем немного, и он укроет в своих зарослях Джурумия и его товарищей — и молил бога, чтобы он помог смельчакам уйти от преследователей. А когда преследуемые и преследователи скрылись из глаз, Уту первый надел шапку и сел на коня. И все одишские мужчины вслед за вожаком своим надели шапки и башлыки, и всякий, кто имел коня, сел в седло.

...Кони одишских всадников превосходили в скорости строевых солдатских коней, и Ряшенцев в первое же мгновение понял, что погоня ничего не даст. Конечно, он мог послать вдогонку Джурумия пулю, она побыстрее любого коня. Но Ряшенцев не станет стрелять в Джурумия. Он должен догнать этого человека и привести к Колюбякину.

Бондо Бедия незаметно ускользнул из группы князей, нагнал у опушки леса Ряшенцева и поскакал рядом с ним.

— Не гони ты так, русо, — сказал Бедия, — все равно на ваших конях вы их не догоните. Руками ветер не поймаешь. Но я помогу тебе по одному связать всех разбойников. Я их заставлю локтями соль толочь.

— А почему по одному? — спросил Ряшенцев.

Бедия, как мог, объяснил Ряшенцеву, что в лесу беглецы, конечно, рассыплются и для того, чтобы затруднить преследование, и потому, что по лесному бездорожью большому отряду продвигаться трудно.

— А мы их по одному переловим, русо, это я тебе обещаю, я, Бондо Бедия.

Ряшенцев недовольно оглядел непрошеного помощника. Ну и образина!

...В густом лесу ни дорог, ни тропинок, и казалось, что ни пешему, ни конному здесь не пройти, не проехать. Но для Джурумия и его товарищей такие заросли не преграда. Они были приучены ходить по лесам и горам.

Когда отряд Джурумия углубился в лесную чащу, он сделал короткую остановку. Люди спешились, и Джурумия, указав каждому направление, назначил местом сбора отряда развалины крепости на вершине горы Урту.

Ряшенцев по совету Бедия тоже рассредоточил свой отряд. Солдаты, прорубая себе клинками дорогу, с трудом пробивались сквозь заросли кустарника, проклиная и свою горькую, подневольную судьбу и тех, кого вынуждены были преследовать. Только одного Бедия радовала эта погоня за людьми. Он шел через заросли напролом, как дикий зверь, и Ряшенцев едва поспевал за ним.

Ряшенцеву омерзителен был этот жаждущий крови князь, но без его помощи здесь, пожалуй, ничего не сделаешь. В сумерки они вышли на небольшую поляну и неожиданно для себя увидели Джурумия и его сестру. Те остановились, чтобы подтянуть подпруги. Хату уже сидела в седле, а Джурумия, отпустив своего коня, что-то говорил сестре, поглаживая мокрую шею ее гнедого. Ряшенцев хотел крикнуть: «Сдавайтесь!», но Бедия, опередив его, выхватил пистолет и выстрелил. Раненный в поясницу Джурумия сделал было шаг к своему коню, но тот, испугавшись выстрела, бросился в сторону. Поняв, что его уже не догнать, Джурумия вскочил на гнедого, который, почуяв беду, мгновенно сорвался с места.

— Ничего, теперь далеко не уйдет, — злорадно усмехнулся Бедия.

— Почему вы стреляли, князь? — разозлился Ряшенцев. — Мне приказано живым взять этого человека.

— Живым его не взять, — резко ответил Бедия.

Привлеченные выстрелом, на поляну вышли солдаты. Все они еле держались на ногах, и Ряшенцев, несмотря на возражения Бедия, принял решение прекратить на ночь погоню. Выставив часовых, Ряшенцев велел солдатам спать и сам тоже, расстегнув на груди мундир, лег на траву.

Сон мгновенно одолел уставших солдат, но Бедия лишь притворился, что спит. Жажда мести не давала ему покоя.

Дурная слава ходила о князе Бондо Бедия в Одиши. Простой народ ненавидел его, как чуму, да и помещики не очень-то жаловали его.

...Решив, что Ряшенцев уже спит, Бедия поднялся. Скорее всего Джурумия и его сообщники укрылись за стенами старой крепости на горе Урту. Несомненно, Джурумия, сын Чагу, знает дорогу к крепости. Бедия тоже однажды побывал там вместе с Коча и Чагу. И дорогу он не забыл. Бедия ничего никогда не забывает...

Он изнемог, пока в темноте добрался до крепости, но не позволил себе и минутной передышки — ему было не до отдыха.

...Ряшенцев лежал на спине с широко открытыми глазами. Он думал о юноше и девушке, в которых как бы воплотилась вся гордость восставшего народа Одиши. А старик, который не побоялся сказать всесильному губернатору всю горькую правду! А те тысячи мужчин и женщин, которые стояли на поле у подножия горы Урту! Какую отвагу и готовность сражаться за правду выражали их лица! Они сражаются за правду, а он, считающий себя правдолюбом, гоняется за лучшими из них, чтобы заставить отказаться от того, за что они борются, за что готовы умереть. Почему он здесь? Что ему нужно от этих людей? Почему он, Иван Ряшенцев, должен преследовать одишцев, в чем они виноваты? Виноваты те князья, которые их распинали, которые кожу с них сдирали, как сказал тот смелый старик.

«Какие они все выродки, эти князья! Но разве наши русские помещики лучше? Разве мы не такие же безжалостные? Разве крепостничество не позорит нас перед всем просвещенным миром? Но выходит, что нам мало собственного позора. И мы с готовностью лезем в чужое позорное дело, поддерживаем крепостников далекого края в их борьбе против народа. И я, Ряшенцев, туда же... Я вместе с этим выродком Бедия преследую восставших крепостных. И что хуже всего — веду на это грязное дело солдат. А ведь они такие же крепостные, как и те, которых мы преследуем. В одно ярмо они загнаны, одной цепью скованы — подневольные, замордованные, замученные барами люди. Мне бы вместе со своими братьями-солдатами стать в ряд с восставшим народом Одиши, а не помогать рабовладельцу Бедия. Этому злодею мало, что он ранил юношу, он во что бы то ни стало хочет догнать и убить его. Убить только за то, что он заступился за свою сестру. И Бедия скорее всего догонит и убьет его. С моей помощью догонит, с моей помощью убьет. А мне за это вернут офицерское звание. Господи, какой стыд! Неужели я так быстро забыл, за что меня разжаловали?»

...Близился рассвет. Лес на какое-то время притих, так всегда бывает на грани ночи и утра, затем вдруг послышалось пение соловья.

Ряшенцев на короткий миг забылся в чутком полусне, но тут послышались шаги Бедия, и Ряшенцев вскочил на ноги.

— Я нашел разбойников, — хрипло проговорил Бедия.

По расцарапанному его лицу струилась кровь. Изодранная одежда висела клочьями. Но ни жалости, ни участия у Ряшенцева он не вызвал, только отвращение. Бедия тяжело и прерывисто дышал, губы его были покрыты пеной.

— Я шел всю ночь. Я девять раз умирал и девять раз воскрес, потому что бог за меня, и я не умру, пока не выжму из Джурумия последнюю каплю крови. Ты только поторопись, русо, и все они будут наши.

Охваченный нетерпением, Бедия разбудил солдат и пошел впереди отряда к развалинам древней крепости. Уже вечерело, когда солдаты добрались до нее. Они разделились на несколько групп и окружили развалины.

Друг Джурумия, десятник его отряда Магали Алания, спустился с заросшей плющом стены вниз. Там, у подножия полуразрушенной башни, лежал на разостланной бурке Джурумия. Другая, скатанная, бурка была у него под головой. Мертвенно-бледное лицо Джурумия было покрыто каплями холодного пота, повязка на ране набухла от крови.

Обхватив руками колени, Хату сидела возле брата.

— Джурумия, — громко сказал Магали. — Ты слышишь, Джурумия? Солдаты нас окружили. Они говорят, что не хотят кровопролития, они говорят, чтобы мы сдались.

Магали все сказал своему другу, все самое страшное, без утайки сказал, а вот что солдат привел сюда Бедия, сказать не мог.

Джурумия печально улыбнулся.

— Магали,— едва слышно сказал он утратившими подвижность губами.— Я вот-вот умру. Пуля Бедия убила меня. Пуля Бедия... Но эта боль уйдет со мной в могилу. А вы... Я хочу, чтобы вы жили. И чтобы, когда придет час, вы отомстили. Еще я хочу, чтобы ты знал, Магали: я все же не верю в измену Уту... Не хочу верить...

Некоторое время Джурумия молчал, и в спокойной предвечерней тишине слышалось его хриплое дыхание. Затем он тихо позвал Магали. И когда друг склонился над ним, прошептал:

— Сдавайтесь, Магали.

Магали видел, как тяжко дались Джурумия эти ужасные слова: сказав их, он закрыл глаза и отвернулся.

Магали стиснул зубы, чтобы не расплакаться, и поспешил к товарищам.

...Первым ворвался в крепость Бедия. Вслед за ним вошли Иван Ряшенцев и трое солдат.

Обхватив руками колени, Хату все так же неподвижно сидела у изголовья умирающего.

Подойдя к Джурумия, Бедия властно потребовал:

— Вставай!

— Князь, разве вы не видите, человек ранен,— сказал Ряшенцев.

— Это не человек — это мой беглый крепостной. Вставай, говорю!

— Я повторяю, князь: человек ранен. Не забывайте, что здесь я старший.

— Я нахожусь в своих владениях, русо. И здесь только бог старше меня.

У Ряшенцева вспыхнуло лицо:

— И вы еще говорите о боге, князь! Прошу вас, оставьте умирающего в покое.

— Я сам вижу, что он подыхает,— усмехнулся Бедия.— Но прежде, чем он отправится в ад, я с него шкуру сдеру.

— Я вам приказываю — отойдите в сторону!

— Это ты мне приказываешь, рядовой солдат, князю?

— Да, я, рядовой солдат,— сказал Ряшенцев.— Солдат!

В это мгновение Джурумия открыл глаза, и Ряшенцев, который только на миг заглянул в них, понял: этого человека не сломят никакие пытки.

Бедия изо всей силы ударил раненого ногой, и тут Джурумия впервые застонал, но не от боли — телесные боли уже не мучили его, а потому, что не было сил схватить Бедия за горло и задушить его, как бешеного волка. И в тот же миг, словно разбуженная стоном умирающего, вскочила Хату и дважды ударила Бедия по лицу. Бедия обнажил кинжал. Ряшенцев схватил его за руку.

— Свяжите его!— приказал он солдатам.

Они стояли до этого в стороне, казалось бы, ко всему безучастные, но по тому, с какой готовностью они кинулись выполнять приказ Ряшенцева, видно было, на чьей стороне сердца этих людей. Втроем они в минуту разоружили Бедия, связали ему руки и, хотя тот упирался и кричал, пинками погнали его к воротам.

Джурумия уже не дышал.

Не проронив ни слова, Хату снова села у изголовья.

Ряшенцев долго смотрел на неподвижную, словно изваяние, Хату и думал о том, что эта босоногая, веснушчатая деревенская девочка в поношенном платье преподала ему высокий урок истинного мужества.

Ряшенцев снял шапку, склонил голову перед павшим храбрецом и его скорбящей сестрой и вышел за ворота древней крепости. А там, на поляне, сидели, окруженные солдатами, пленные повстанцы.

— Верните им оружие и всех отпустите!— велел солдатам Ряшенцев.— А этого негодяя мы поведем с собой.

Рядовой, и теперь уже навсегда рядовой, Ряшенцев знал, на что он идет, отдавая такой приказ. Знал Ряшенцев и то, что нет и не может быть у него иной возможности сохранить в чистоте свою солдатскую честь и отстоять свое человеческое достоинство.

Перевел с грузинского
Э. Фейгин.

УХАБЫ НА ПУТИ „УНИВЕРСАМОВ“

БЫТ, ТОРГОВЛЯ, ЭКОНОМИКА

Универсальный магазин самообслуживания — это уже не новинка. Несколько «Универсамов» открылись в Ленинграде, Таллине, Вильнюсе, Клайпеде и других городах. О новой форме торговли уже писал «Огонек». Преимущества магазинов без продавцов признаны всеми, и в первую очередь покупателями. Однако этот прогрессивный метод торговли развивается пока еще медленно. Почему?

Корреспондент «Огонька» МИХАИЛ ХОДАКОВ взял на эту тему три интервью.

ЛЕД ТРОНУЛСЯ...

Министр торговли СССР А. И. Струев.

Вопрос. Александр Иванович, в чем преимущества магазинов самообслуживания?

Ответ. Они очевидны: быстрота покупки, свобода выбора товаров, возможность сразу в одном магазине приобрести целый набор продуктов и, наконец,— и это, пожалуй, самое главное — отсутствие очередей.

Мы провели хронометрирование и убедились, что в крупном магазине самообслуживания с хорошей постановкой дела покупатель тратит в два-три раза меньше времени, чем в обычном магазине с таким же ассортиментом товаров. Значительны и выгоды экономические: товарооборот намного возрастает, а расходы на зарплату продавцов снижаются.

Вопрос. Как складываются отношения покупателей с продавцами в магазинах самообслуживания?

Ответ. Практически они сводятся к нулю: покупатель обслуживает себя сам. И только выбрав товары, встречается с кассиром и контролером. Иными словами, в магазинах самообслуживания уже нет почвы для досадных конфликтов между покупателями и продавцом, которые в магазинах старого типа нередко вызываются низкой квалификацией некоторых работников прилавка, недостатками в воспитании кадров в ряде торговых предприятий и, наконец, повышенной нагрузкой продавца, особенно в часы «пик».

Вопрос. Какие формы принимает сейчас самообслуживание в торговле?

Ответ. В сущности, широкая программа перевода торговли на самообслуживание стала осуществляться лишь два года назад. До этого пришлось решить немало технических и организационных проблем. К началу 1970 года в стране насчитывалось уже около 50 тысяч магазинов самообслуживания — это десятая часть всей нашей торговой сети.

Мы держим курс на развитие так называемых «Универсамов» — крупных магазинов с универсальным набором продовольственных товаров и отделами таких товаров повседневного спроса, как галантерея, парфюмерия, хозяйственные и писчебумажные товары.

Из числа таких «Универсамов» я бы выделил «Заневский» и «Кировский» в Ленинграде, «АВС» в Таллине, «Жирмунай» в Вильнюсе, столичный гастроном «Ленинград» и другие. Но это только начало. В Москве, Ленинграде, Горьком, Куйбышеве, Сочи и других городах ведется строительство крупных, совершенных «Универсамов» — каждый площадью в четыре тысячи квадратных метров. Два из них уже открыты в Ленинграде.

Вопрос. Будет ли развиваться эта форма и в торговле промышленными товарами?

Ответ. Да, конечно. Это вторая половина нашей программы развития сети магазинов самообслуживания. Сейчас в стране уже действуют около восьми тысяч таких предприятий, среди них ленинградский универмаг «Нарвский», Центральный универмаг в Виннице, «Белый лебедь» в Донецке, «Паюрис» в Клайпеде и другие.

Вопрос. Александр Иванович, вы назвали цифру: десятая часть всех магазинов страны перешла на новый, прогрессивный метод торговли. Значит, 90 процентов магазинов все еще торгует по-старому. Что же мешает более быстрому и широкому внедрению самообслуживания?

Ответ. Главный тормоз — отсутствие фасованных товаров. Только одну треть продовольственных товаров мы получаем в расфасованном виде, и, чтобы как-то выйти из положения, приходится заниматься расфасовкой самим, на торговых базах и даже прямо в магазинах. Не хватает и специального оборудования, особенно холодильного, наши заявки на него промышленность удовлетворяет всего на 25—30 процентов. Недостает также и надежных кассовых аппаратов, автоматически суммирующих стоимость всех покупок.

Вопрос. Как сами работники торговли относятся к новой форме работы?

Ответ. Признаться, неодинаково. Одни сразу правильно поняли все преимущества этого метода, другие же все еще никак не могут преодолеть своеобразный «психологический барьер»: доверить покупателям более свободный доступ к товарам. Но с этими трудностями внутреннего порядка мы, конечно, справимся.

Одним словом, лед тронулся, и теперь можно смело сказать, что самообслуживание стало генеральной линией развития розничной торговли.

КОММЕНТАРИИ К ОБЪЯВЛЕНИЮ

Начальник Главного управления торговли Мосгорисполкома Н. П. Трегубов.

Вопрос. Николай Петрович, на дверях московских магазинов часто можно видеть объявления: «Требуются продавцы». Много ли их не хватает?

Ответ. Много. По меньшей мере пять тысяч. Ежегодно различные курсы, техникумы, школы торгового ученичества выпускают сотни новых работников прилавка. И все равно их не хватает. Из-за этого очереди в магазинах, из-за этого нередко приходится закрывать в магазине тот или иной отдел.

Вопрос. Скажите, если большинство магазинов перейдет на самообслуживание, проблема нехватки продавцов, очевидно, решится?

Ответ. В значительной мере.

Вопрос. Сколько сейчас в Москве магазинов самообслуживания?

Ответ. Около восьмисот пятидесяти. Назову лишь несколько лучших: гастроном «Перовский» и «Ленинград», продовольственный магазин № 1 на Сиреневом бульваре, магазины фирмы «Детский мир» в Волгоградском районе, Мособувьторга — на Новокузнецкой улице, «Одежда» — на Велозаводской улице...

Вопрос. Сколько таких магазинов откроется в новом пятилетии?

Ответ. Тысяча шестьсот продовольственных и промтоварных. В их числе крупные «Универсамы» — в Бабушкине, Химках-Ховрине, Северном Богородском, Люблине, Тушине. Начнется строительство крупных универмагов на Комсомольской и Колхозной площадях.

Вопрос. Покупатели и продавцы, как известно, частенько жалуются на тесноту и неудобства в магазинах. Какие тут ожидаются перемены?

Ответ. Это наболевший вопрос. К сожалению, магазины самообслуживания даже в новостройках мало приспособлены под торговлю по-новому: подсобные помещения малы, торговые залы узки и раздроблены, здесь множество колонн. Все дело в том, что строятся они по устаревшим проектам, утвержденным шесть-семь лет назад. Правда, теперь типовые проекты магазинов самообслуживания для строительства в 1971—1975 годах пересматриваются с учетом современных требований.

Вопрос. Как обстоит дело с оборудованием магазинов самообслуживания?

Ответ. Продавцы еще пользуются циферблатными весами и таким «механизмом», как собственные руки, когда нужно нарезать колбасу и сыр. Необходимы электронные весы-машины для нарезки гастрономических товаров, машины для упаковки под вакуумом скоропортящихся товаров в пленку, не говоря уже о суммирующих кассовых аппаратах.

Вопрос. Министр торговли говорил, что главным тормозом в развитии сети магазинов самообслуживания является отсутствие расфасованных товаров. Ваше мнение?

Ответ. Согласен с ним. Ну куда это годится, если, скажем, только десять — двенадцать процентов растительного масла мы получаем в расфасованном виде, макаронных изделий —32, а муки —20 процентов. Даже крупу, сахарный песок приходится расфасовывать самим. И тогда магазин без продавца превращается в магазин с расфасовщиками. Не удивительно поэтому, что все еще часто встречаются объявления: «Нужен продавец».

О ФОЛЬГЕ И МЕРТВОМ КАПИТАЛЕ

В 1966 году было опубликовано постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по увеличению производства продовольственных товаров в расфасованном виде». Предусматривалось довести удельный вес расфасованных товаров в розничной торговле до 50 процентов. Однако, как об этом сообщил министр торговли товарищ А. И. Струев, пока еще только одна треть продовольственных товаров поступает в магазины в расфасованном виде.

«Почему? Что мешает?» — с этими вопросами корреспондент «Огонька» обратился к первому заместителю министра пищевой промышленности СССР Ф. С. Коломийцу.

Судя по ответу Ф. С. Коломийца, пищевая промышленность получает не полностью запланированные ей материалы — бумагу, картон, фольгу, полимеры. А без этого нельзя решить проблему расфасовки.

Более того, из-за нехватки сырья, в первую очередь фольги, простаивают упаковочные машины, в том числе и машины, закупленные за границей.

Ф. С. Коломиец претензии торговых организаций к пищевой индустрии считает обоснованными и справедливыми. Но, в свою очередь, предъявляет претензии поставщикам тех материалов, без которых упаковочные машины остаются мертвым капиталом.

* * *

Итак, новая, прогрессивная форма торговли вызывает всеобщее одобрение. Тем более важно как можно быстрее убрать преграды с ее пути. И тут возникает ряд вопросов. Первый и, пожалуй, один из самых главных: почему так медленно выполняется постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по увеличению производства продовольственных товаров в расфасованном виде»? Почему еще так низок удельный вес расфасованных товаров в розничной торговле?

Слово за отделом товарооборота Госплана СССР, за Министерством химической промышленности СССР.

Думается, что не следует недооценивать и значение пресловутого «психологического барьера», мешающего переходу на самообслуживание. Что надо сделать для преодоления этого барьера?

Слово за работниками торговли, за покупателями — как лучше организовать работу в уже существующих магазинах самообслуживания?

Н. Пономарев. НА ПОЛЯХ.

Государственная Третьяковская галерея.

Н. Пономарев. ВЕЧЕРНЯЯ ПЕСНЯ.

Государственная Третьяковская галерея.

ШАХТЕРЫ ХОН-ГАЯ.

ПЛАМЕННЫЙ ХАМЗА

Хамза Хаким-заде Ниязи — это целая эпоха в истории узбекской культуры. Он был и первым узбекским советским учителем, и первым узбекским советским поэтом, и первым узбекским советским драматургом, актером, режиссером, композитором, и, конечно, одним из первых выдающихся узбекских советских общественных деятелей.

Когда звучит короткое и резкое, как удар кресала о кремень, имя «Хамза», кажется, что во все стороны сыплются искры — «Хаким-заде Ниязи»... И вот уже алое, языкастое пламя вскидывается ввысь, неистово выжигая черноту многовековой ночи, освещая первые следы поэта по целине, следы, которые на глазах превращаются в тропу, затем в дорогу, затем в широкий магистральный тракт, по которому идут и идут его последователи, ученики — узбекские советские писатели.

Начинал он с учительства, создал первые учебники на узбекском языке, активно участвовал в сборе средств на содержание учеников из бедных семей. И не только знания получали ученики Хамзы, они становились его духовными наследниками, борцами против мракобесия, религиозных предрассудков, изживших себя обычаев.

Надо сказать, что, еще учась в медресе, Хамза много времени отдавал чтению газет, журналов, живо интересовался книгами, знакомство с которыми не только не поощрялось, но и запрещалось. Это был один из путей, по которому к Хамзе доходили передовые, революционные веяния времени. Они шли из Центральной России, волнуя сердце, раскрывая перед взором светлые горизонты свободной, зажиточной, счастливой жизни родного народа. Когда в феврале 1917 года рухнул царизм, многие сочли это началом новой эры. Первое время был среди них и Хамза, приветствовавший буржуазно - демократическую революцию в издаваемом им журнале «Кенгаш» («Совет»). Но вскоре он понял, что ждать серьезных перемен от Временного правительства не следует, и выступил с разоблачениями истинных намерений тех же местных богачей и буржуа, прикрывающихся громкой революционной фразой и декоративным алым бантом на байском халате или офицерском беспогонном френче.

Мобилизующий накал его поэзии нарастал от стиха к стиху. Хамза звал под знамена пролетарской революции каждого, кому дорого светлое будущее родной страны.

Не пролив красной крови
своей,
Как нести Красный стяг
труда?
Если ты души молодой
Безраздельно борьбе
не отдашь,
Будущий Туркестан
Не станет твоим никогда.

И тот исторический, по-настоящему освободительный удар, которого ждали все народы России, которому они безраздельно отдали свои молодые души, грянул через несколько месяцев, в октябре 1917 года. В эти знаменательные дни Хамза Хаким-заде Ниязи был в авангардных рядах революционеров.

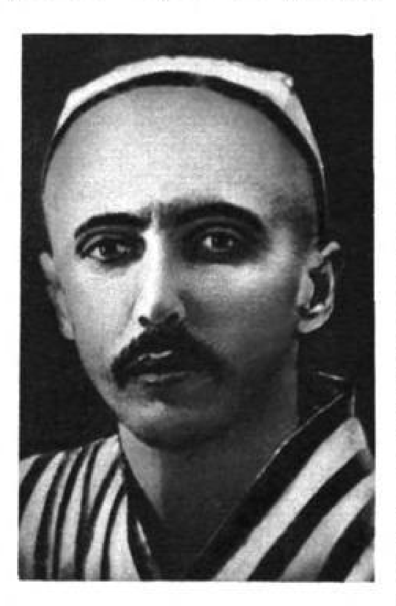
В стихотворении «Да здравствуют Советы!» и многих других, написанных в 1917—1918 годах, поэт призывал народ к максимальной активности. Вот характерные строки:

Не унывай, сбылась мечта,
Советы пробудили нас.
Кровь не напрасно пролита:
Свободным стал рабочий
класс.
Да здравствует Советов
власть,
Советы нас вперед ведут!
Мечта сбылась, мечта
сбылась,
Пусть в мире торжествует
труд!

Сам Хамза подавал примеры этого торжествующего, вдохновенного труда в строительстве новой жизни, новой культуры. Он пишет стихи и помогает в работе комсомолу, создает пьесы, ставит их на сцене и ведет постоянную пропагандистскую борьбу с религиозным дурманом. Хамза сочиняет музыку, пишет новые песни и одновременно организует курсы по ликвидации неграмотности, проявляет инициативу в строительстве оросительного канала.

В 1918 году Хамза организует в Фергане драматическую труппу, пишет и ставит пьесу «Бай и батрак», образы которой — Гафур и Джамиля — стали классическими образами узбекской советской драматургии. В течение двух лет он пишет и осуществляет постановку нескольких пьес: «Наказание клеветников», «Кто прав?», «Ради удовольствия», «Удочка», «Трагедия мобилизованных», «Ферганская трагедия». В этих произведениях Хамза выносит на суд общественности самые злободневные, самые жгучие вопросы современности, демонстрируя правоту и богатырскую силу народа, его сплоченность вокруг власти Советов, показывая обреченность старого мира.

Инсценировки, агитационные программы, большие спектакли, поставленные Хамзой, доходили до сердца тысяч и тысяч зрителей, становились достоянием народа. Их видели дехкане Ферганской долины,



рабочие Ташкента, красноармейцы Ферганского и Закаспийского фронтов. Агитпоезд «Красный Восток», с которым ездила драматическая труппа Хамзы, исколесил Туркестан вдоль и поперек, неся в массы большевистское слово правды.

В 1926 году была создана одна из лучших его пьес, «Прежние кази, или проделки Майсары», в которой он с величайшей силой разоблачает мусульманское духовенство, создает яркий, блещущий народной мудростью образ тетушки Майсары. В этой пьесе особенно сильны мотивы народных сказок и народного юмора.

Пьесы Хамзы неизменно входят в современный репертуар наших театров и пользуются большой популярностью. Их любят и в Узбекистане и далеко за его пределами. Лучшие пьесы узбекского драматурга, и прежде всего знаменитая драма «Бай и батрак», стали украшением художественного фонда страны. В «Бае и батраке» набатно прозвучала правда революции, правда трудолюбивого народа, правда миллионов, предъявивших свой исторический счет эксплуататорам.

Огромен вклад Хамзы Хаким-заде Ниязи в развитие узбекской музыки. Все началось с глубокого изучения великого музыкального наследия народа. Вдохновенные, полные революционной страсти стихи Хамзы обычно облекались в форму народной песни, что сообщало им большую доходчивость.

Октябрьская революция дала поистине орлиные крылья замечательному таланту Хамзы. Именно в революционные годы прозвучали его знаменитые стихотворения-песни: «Эй, рабочий!», «Проснись», «Эй, эй, стреляем!»,— которые вошли в сборник, поэтично названный «Атр-гуль», что значит «Душистая роза». Именно в те годы Хамза начал сочинять собственные мелодии на слова своих стихов, положив начало узбекской советской песне. Распространению новых песен значительно способствовала театрально-концертная деятельность Хамзы. Вместе с организованными им артистическими коллективами он нередко инсценировал свои стихи и песни.

За выдающиеся заслуги в развитии узбекской советской культуры и особенно литературы в 1926 году Хамза Хаким-заде Ниязи был удостоен почетного звания «Народный писатель Узбекистана».

Последующие годы жизни Хамзы ознаменованы бурной творческой и общественно-политической деятельностью. В 1927—1928 годах написаны стихи «Узбекской женщине», «Слава женщинам», «Сегодня 8 марта», «Предателям «худжума», «На смерть Турсунай», пьеса «Тайны паранджи». В эти же годы Хамза открывает библиотеку и школу для взрослых в кишлаке Авваль, Ферганского района, а в Шахимардане организует артель из бывших батраков, ставит памятник Владимиру Ильичу Ленину. По инициативе Хамзы здесь 8 марта 1929 года впервые проводится собрание женщин, и вот практический результат: двадцать три женщины сбросили паранджу в этот день!

Все это вызывало бешеную ненависть классовых врагов, приверженцев старого уклада жизни — религиозных мракобесов и буржуазных националистов. 18 марта 1929 года Хамза был ими зверски убит. Но никому не потушить пламени его сердца! Сердце Хамзы попрежнему ярко пылает в каждом стихе, в каждой мизансцене, в каждой музыкальной фразе его бессмертных творений, и 80-летие поэта-революционера — всего лишь веха на его бесконечном пути в века.

Вячеслав **КОСТЫРЯ**

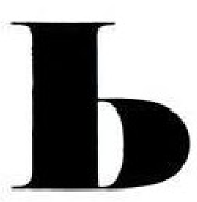
КОЛЫБЕЛ

ПОЭМА Владимир ГОРДЕЙЧЕВ

Вставала мать часа в четыре
от петушиных голосов.
Впотьмах подтягивала гири
скрипучих ходиков-часов.
На ощупь лампу зажигала
еще в полглаза, в пол-ума
и править домом начинала,
как заведенная, сама.
Семилинейная, светлее
в ее заботах свет лучи,
где «Курской правдою» оклеен
посудный угол близ печи.
И ты, родная, по привычке
до первых проблесков зари
в печи огонь от новой спички
домашним солнцем сотвори.
Пока в углу картошку чистишь,
душой еще в недавних снах,
о чем на свете ни помыслишь —
и все опять же о сынах.
Как знать, добром ли выйдет путь им,
когда по прихоти благой
один из них — в литинституте
и в музучилище — другой?
Вне окоема черных пашен,
вне круга знаемых работ
и завлекателен и страшен
тебе сыновний выбор тот.
Но нынче нет большой причины
об их загадывать судьбе:
на лето целое, мужчины,
они приехали к тебе.
Стараясь двигаться нерезко,
ты над кроватью в некий миг
отодвигаешь занавеску,
чтобы взглянуть на спящих их.
В родном дому, покой дарящем,
превыше всех на свете крыш
над нами ты миротворящим
зеленым деревом стоишь.
И мы у снов своих во власти.
Влекут нас в дальние моря,
тяжелоруких,
у запястий
наколотые якоря.
Нас не гнетет и не тревожит
та мысль из яви в ранний час,
что мы у матери, быть может,
гостим последний в жизни раз...
Гармония! Твои уроки
нам в ученичестве даны
лишь ликованием до срока
без ясно видимой цены.
Парим, под облаком курлычем,
то ощущенье потеряв,
что наш восторг дисгармоничен
по отношенью к матерям.
Нам рукомойник руки полнит
со сна студеною водой.
А мать, как глянет, так и вспомнит:
исправить надо бы,— худой.
Сарай, где с крыши так ли мило
свистеть во всю ребячью прыть.
А мать все смотрит на стропила,
вздыхая: надо перекрыть.
Там сад. Тропинкою из сада
сейчас же на реку беги.
А мать вздохнет: еще бы надо
взрыхлить приствольные круги.
Мы бесхозяйственны. И это
на тот резон наводит мать,
что ей придется после лета
двух квартирантов подыскать.
А мы, поскольку мало трогал
нас домоводческий мотив,
обалдевали от восторга,

с порога в облако ступив.
От голубого окоема
поросший редким лозняком
зеленый вал, прихлынув к дому,
вбегал в него половиком.
За ним ботва в проулок лезла,
пел патефон, не видно где,
и пацанва ломилась резво
в недальний сад энкавэдэ.
Взмывал в подоблачную просинь
воздушный змей. И часом тем,
ладони в стороны разбросив,
я сам, мне кажется, летел.
Я замирал в сладчайшей муке
и до круженья в голове
гляделся в синь, раскинув руки,
на свежескошенной траве,
откуда в солнечную небыль,
как чудо звонкое земли,
со всех сторон взлетали в небо
стрекозы, пчелы и шмели.
В зенит воскинутый крылато,
я слушал птичью щебетню
и верил чувству, что когда-то
я тоже песню сочиню.
Не зря же с заводей и суши
такая музыка текла,
что овевала наши души
крылами света и тепла...
Мотиву солнечному внемля,
мы долго нежиться могли б,
но возвращала нас на землю
мать, выпевая: «Цып-цып-цып!»
Не меньший пласт земных историй
нам открывал родимый двор
немецкой каской, из которой
клевали куры комбикорм.
Мишенью — бомбам полутонным,
в воронках с глыбами внавал,
кусок земли за нашим домом,
чем ты Берлину досаждал?
Неужто был настолько страшен
кому-то наш тишайший дол,
что до воды задворки наши
бодал тринитротолуол?
Неужто страшным то и было,
что, алым пламенем горя,
отсюда именно светила
земле рассветная заря,
и был поэтому обмыслен
поход в ту землю, в ту зарю,
где жизнь текла по красным числам,
по красному календарю?

Мы здесь когда-то «мессершмиттов»
волну сносили за волной,
от взрывов бомбовых укрыты
лишь материнскою спиной.
Припав к ладони материнской,
я кожей чуял на лице,
как по нему с нажимом рыскал
вражды оптический прицел.
Но, как осколки ни свистели,
как враг ни рвал и ни метал,
а вышло: рубленые стены
куда сильнее, чем металл.
Вот почему настолько розов
на небо нынешнее взгляд,
сквозь детства высохшие слезы
прекрасней юность во сто крат.
Здесь только мать, бывает, тужит,
когда, удерживая стон,
у стен сберкассы обнаружит
из алюминия жетон.
Как не тужить, когда повсюду
кто взят морозом, кто — свинцом,
на месте этом стыли груды
солдат, совсем еще юнцов?
Горючей памятью палима,
мать видит женщин той земли,
где был рожден носивший имя
Вильгельма, Германа... Вдали
чем был он в тягость там, в Европе,
что он искал в чужих снегах,
у нас схороненный в окопе,
от сада в четырех шагах?..
В дернине общего погоста
от Сталинграда до Карпат
один немыслимого роста
с войны покоится солдат.
Лежит всесветною пропажей,
безвестной миру оттого,
что бирка с номером не скажет
о прежнем имени его.
Над ним полотнища рассвета
полощут в небе без числа,
на голизну его скелета
планета плотью наросла.
Ему давно открыло время
столь скудный смысл его пути,
что поздний вздох его прозренья
способен землю потрясти.
Над человеческими снами
мать с той надеждою стоит,
что новый день с ее сынами
погибели не сотворит.
Родного сердца зная склонность,
мы внемлем ей у этих стен:
особой меры просветленность
нам сообщается и тем.
Нам так отрадно ранней ранью
двора осмысливать уют
и доводить себя до знанья,
что нас самих осознают.
Объемный звон из каждой вещи,
кому-то плоскостной как раз,
стал многозначащей и вещей
природной песнею для нас.
И эта брошенная каска,
что колоколит у стены,
в ней материнская опаска:
— Ах, снова б не было войны!..
Душе с войной не примириться,
вот почему близка и нам
веленьем боли материнской
молитва на ночь: за Вьетнам.
Все это в нас живет не впусте,
с такой ли далью сводит близь,
коль, скажем, мать нас в клуб отпустит



с напутствием: — Не подерись!..
В том слове силу обретая
охранной грамоты любви,
к нам сходит заповедь святая
всех женщин мира: — Не убий!..
Ах, плачи — наши и не наши —
из далей, тронутых бедой!..
Меж тем, недавние мамаши,
спешат молодки за водой.
Мать поглядит на хлопотуний,
и нас тот взгляд ее уест,—
что липли, мол, девчата к клуне,
а ни невесток, ни невест.
Жалею я, что незнакома
осталась клуне-куреню
москвичка та, чьи в адрес дома
я письма грустные храню.
И ей остался неизвестным
в краю наследственном моем
не бывший сдавленным и тесным
за нашим домом окоем.
Полей врачующая милость,
настой полыни во дворе,—
все это так бы пригодилось
в ее сегодняшней хандре.
Но был ей явно неугоден
и не читался между строк
с моей ли родины из родин
к письму приложенный цветок.
Напрасно ей из курской дали
я слал засохшее былье,—
на дачном юге выгорали
зонты цветастые ее.
Близ вечных гор, где пальмы в перьях,
ее вниманье занимал
мой столь шикующий соперник,
что тем и взял: феноменал.
Она в дарах его терялась,
подавлена, оглушена,
хоть было время: примерялась
к простому доннику она.
Но нас — не правда ли, Григорьич? —
не горе ело поедом
и даже попросту не горечь:
учил иному отчий дом.
Мой дом,
кому обязан стольким,
что он и сам обязан мне,—
с углом, пропаханным осколком,
с подпалинами на стене,—
дом,
кем жива моя держава,
смертельный несшая урон,
когда у нас она держала
одну из главных оборон,—
дом словно б молвил:
«Слушай, парень,
потери нес не ты один.
Вполне целехонек сквозь пламя
еще никто не проходил.
Одним тебя на этот случай
я б мог утешить наперед:
тем сердце певчее певучей,
чем больше пороха вберет.
При деревянности природной,
представь, и я его не чужд:
и, необученный, но годный
я тоже музыке учусь.
В предметах мудрости не чают,
но знает каждый блудный сын,
как бревна дома излучают
гармонию из сердцевин.
Былые скорби и печали
в торцах венцов своих тая,
пресветлые, что здесь звучали,
и песни к сердцу принял я.

Пусть опалит любое пламя
твою бестрепетность,— не жаль:
воскреснет песней в переплаве
твоя сердечная печаль.
Из горестности в просветленность
и в этот раз откроет дверь
твоя не первая влюбленность
и не последняя, поверь...»
Не знаю, что звучало брату
в его раздумьях о себе,
а я уже тянулся свято
к той самой двери и скобе,
откуда слышался, как чудо,
восторгом душу захватив,
еще не явленный покуда,
но обозначенный мотив.
В нем внятен был вечерний воздух,
и запах свежести с полей,
и небосвод в огромных звездах,
и шорох листьев тополей.
И, как рыдание от счастья,
в нем мнился столь родимый тон,
что верил я, и не отчасти:
меня за все утешит он...
В лад этой вере человечьей,
как плеском ливня, все село
живейшим слогом просторечья
пестрело, ухало, цвело.
Ошеломляюще и ново,
как птицы сказочной перо,
светилось утреннее слово,
поставленное на ребро.
О нас самих не по секрету
слова в проулке слышал я:
— Вот сыновья блеснут — и нету,
они и впрямь что молонья!..
Услышать было так ли мило
в наплыве самых добрых чувств,
что я (соседка насмешила)
в Москве на Пушкина учусь.
Как добросовестный разносчик,
смешинки в короб уложив,
я плоть их пробовал на ощупь,
на вкус, на цвет и на разрыв.
Забыв о яхонтах-рубинах,
глядел я в смутные досель
глубины высверков родимых
в словах «обапол» и «синель».
Мне их звучанья были внове.
Впервые на моем веку
я внятно слышал в каждом слове
тональность «Слова о полку».
Вникал я в «пажити» и «снеги»
молвы, определяя в ней
непреходящие побеги
былинной доблести корней.
В глубинах каждого присловья
я различал родной аккорд.
Как древний княжич — родословной,
наследным корнем был я горд.
Я знал, что мне опорой станет
тот изначальный жизни пласт,
что, став судьбою, не обманет
и до скончанья не предаст...
Сомкнув натруженные руки,
на нас поглядывала мать:
не странно ль, мол, мечты и звуки
всей жизни делом полагать?
Всех перебрав своих соседок,
она не знала дома, где б
сыны готовились вот эдак
впредь зарабатывать на хлеб.
Нам тоже думать было странно:
откуда в нас такая стать
из воспаренья, из тумана
наш хлеб насущный добывать.

КОЛЫБЕЛЬ

И это там, где человека
то держит властное одно,
земное, сущее от века,
призванье: колос и зерно.
Нам путь в искусство уготован
лишь тем и был, что, нас любя,
взвалила мать за нас по дому
работы жернов на себя.
Парений наших невесомость
и отвлеченность наших лир
еще поставит наша совесть
больною темою в клавир...
Когда-то, в первую разлуку,
меня дарил такой же день
стеклянной капелькою звука
синички-птички: «тень» да «тень».
И нес я ношею отдельной,—
не зная, мелок ли, глубок,—
тот деревенский, самодельный
дощатый короб-коробок.
С вокзала, в кепке внахлобучку,
в столичный вуз при свете дня
я внес судьбу свою за ручку
из сыромятного ремня,
чтоб там в досужих говорильнях
и размышлениях всерьез
увидеть: ценностей фамильных
с собой я, в общем, не унес.
А что унес — такая малость:
бесхитростно-немудрена,
всего-то в сердце и вмещалась
звучащей капелькой она.
Но мне и малого такого
по смерть богатства не избыть:
уменья чтить живое слово,
таланта — Родину любить...
Моя любимая Отчизна!
Ты не посетуй на меня,
что я сказать дерзаю: вызнал
тебя, играя у плетня.
Плетнями взгляд свой не обузив
на все четыре стороны,
здесь вижу я: в домашний узел
и судьбы мира вплетены.
Нас в жизнь выводит мать родная,
мы знаем: может только мать,
всесветной розни сострадая,
всю землю сердцем обнимать.
Мы — в матерей. Нам в розни тяжко.
И нет, не нам принадлежит
высокомерное «армяшка»
или презрительное «жид».
В стране березового ситца
иное свойство нам под стать:
надменностью не заноситься,
чужих домов не умалять.
Как это пышно б ни звучало,
но дом, где мы имели честь
усвоить добрые начала,
душа гармонии и есть.
Он быть душою тем уж призван
для всех народов и земель,
что в нем одном истоков жизни
и колыбель и цитадель.
И если веяньем зловещим
вражда расколет дом родной,
проляжет главная из трещин
сквозь весь порядок мировой...
Все так. Однако от убийцы,
что так ли падок на разбой,
бывает, надобно отбиться,—
и мы солдаты в час любой.
Мы жизнь положим за Россию,
чтоб впредь не знать ей те дома,
где мать, узнав про гибель сына,
поет, сведенная с ума.
Но сыновей еще не вдосталь
войне. И век бы нам не знать
страшнее гибели — сиротства,
когда не сын убит, а мать.
Вот это страшным и бывает,
ведь, как там кто ни суесловь,
со дна могилы поднимает
лишь только матери любовь.
Когда же вдруг с землей расстаться
сама себе велит она
и станет не за что бояться,—
один сражусь с тобой, война!
Один! А явится кончина,
я с тем обрадуюсь судьбе,
что нет ни дочери, ни сына:
не дам им плакать по себе...
Я между тем для перекладин
ищу жердину или брус:
мать просит лестницу наладить,
я ладить лестницу берусь.
В сарае, в рухляди старинной,
легко нашел я, что искал:
две деревянные станины,—
еще прабабкин ткацкий стан.
По современному уставу
я взвил секиру над старьем,
но рубанул я не по стану,
коль вскрикнул он под топором.
По запоздалому наитью,
палач невольный, понял я,
что пресеклась живою нитью
на мне крестьянская семья.
Мать отвернулась, чуть не плача,
с морщинкой скорбною во лбу:
уж больно бойко я означил
ступеньку в новую судьбу,
где нам отныне выходило
с той пашни полнить закрома,
что обрабатывает сила
воображенья и ума...
Мать в дом зовет. Порог минуя,
со света щурясь, вижу я
стол, за который вкруговую
садится завтракать семья.
А мать опять в углу батрачит
у той печи, где целый день
в настенном отблеске маячит
ее — под притолоку — тень.
В лицо теплом дыша, как кратер,
той тенью выразит очаг,
что дом не матица, а матерь
бессменно держит на плечах.
Воспрянь же, мать, по-молодому
и правь свиданья торжество,
невольница большого дома
и самодержица его!..
Поев из праздничных тарелок
на белой скатерти с шитьем,
в рубахах глаженых и белых
из дома к сверстникам идем.
И в этом выходе, убыстрив
все ритмы, время настает
переключить рычаг регистра
на десять с лишним лет вперед.
...Уходим. Свидимся не скоро.
Уже для нас открыта дверь
квартиры дома городского,—
скорблю: без матери теперь.
К балкону полночью сырою
прильнув, прошепчут тополя,
что слиты с матерью родною
мать Родина и мать Земля.
Но мне увидится с балкона,
как вдалеке, на зов судьбы,
двойной копной сухого звона
несем мы прежние чубы.
Там мать стоит, вослед нам глядя,
шепча беззвучно: «В добрый час!..» —
на том же месте, при ограде,
где и встречала вживе нас.
Ее ль забудет наша память?
Ведь только матери дано
все нам отдать, себе оставить
лишь горе горькое одно.
Тому, кто в циники не вышел,
кто в сыновьях твоих, о Русь,
нет слова честного превыше,
чем это: «Матерью клянусь!..»
От дома двигаясь все дальше,
мы убедимся: только он
сквозь годы будет нас без фальши
настраивать, как камертон.
Дыханьем вишенья медовым
душа овеется сполна,
когда теплом родного дома
найдет нас лирики волна.
Мы снова целостны. Мы — дети
в цельнейшем этом из миров
среди единственных на свете
черемуховых островов...
Да будут верными сынами
и наши внуки в добрый час,
покуда память наша с нами
и наша памятливость — в нас!

Воронеж, 1970.

Между тем Брассар объехал весь район и убедился, что патрульные машины и люди находятся в заранее намеченных местах. Закончив проверку, он связался по радио с префектурой и, мысленно представив себе лица людей, собравшихся там, в маленькой комнате, доложил:

— Пока никаких результатов, господин комиссар.

— Где Магрит?

Брассар хорошо изучил голос своего начальника и сразу понял, что тот волнуется.

— Где-то здесь. Вы не давали указаний насчет него.

— Кто с ним?

— Никого.

— Ну, хорошо. Продолжайте... Хотя минуточку. Где вы?

— Перед главным входом фабрики.

— Подождите меня. Я сейчас выезжаю.

Брассар улыбнулся. Он знал, что шеф не выдерживает долгого бездействия.

Но к приезду Женэ ничего нового не произошло. Кольцо оцепления продолжало сжиматься. Полицейские проверяли дома на улице королевы Бланш, и, несмотря на дождь, около них уже собирались зеваки. В дверях продуктового магазина показался владелец, из-за его спины выглядывала жена.

Женэ снова и снова обводил глазами авеню. Именно такие минуты ожидания всегда были для него непереносимы, мучили мысли о допущенных промахах и ошибках. Вот и сейчас... Если Альберт заметил, что Базине обратил на него внимание, если он немедленно скрылся отсюда, не получится ли так, что загонщики сомкнут кольцо вокруг уже пустого логова?..

Женэ поспешил отогнать эту мысль. Он внушал себе, что Альберт, несомненно, скрывается где-то здесь, среди темных, подернутых туманом улиц. Увидев, что к нему быстро приближается машина, комиссар почти уверовал, что сейчас из нее, как кролика из шляпы, вытащат Альберта. Оказалось, однако, что это один из полицейских прибыл доложить об окончании обхода домов у подножия холма.

— Вы видели Магрита? — спросил Женэ, снова забираясь в автомобиль.

— Нет.

Женэ бросил взгляд на усевшегося рядом Брассара.

— Давайте вдоль улицы Крулбард,— приказал он водителю.

Машина почти с места набрала скорость и направилась в объезд фабрики. Уже примерно на полпути, при спуске со склона, Брассар выпрямился на сиденье.

— Как будто кто-то крикнул.

Почти сразу же крик послышался вторично, на этот раз вполне отчетливо. Шофер резко увеличил скорость и помчался к подножию холма.

Чуть ниже дороги, вдоль опушки парка группа людей преследовала какого-то человека. Водитель обогнал убегавшего и резко затормозил, преграждая путь беглецу. Брассар выскочил из машины и набросился на неизвестного. От толчка оба упали на мостовую. Брассар тут же поднялся и внимательно вгляделся в тяжело дышавшего человека; тот тоже не спускал с него округлившихся от страха глаз.

— Будь я проклят! — с отвращением воскликнул Брассар, пнул лежавшего и повернулся к Женэ.— Вы знаете, кто это? Наш старый знакомый «Барон Бине»!

Человек сел, протянул руку за свалившейся шляпой, надел ее набекрень и с нагловатой ухмылкой обвел взглядом своих преследователей.

— Ну и ну!— воскликнул он.— Никак, господин комиссар собственной персоной! Да в придачу чуть не все парижские шпики! Весьма и весьма польщен. Вот уж не считал себя достойным такого внимания!

— Встать! — заорал Брассар.

— Пожалуйста, пожалуйста! — «Барон Бине», один из самых ловких парижских карманников и давний знакомый всех столичных полицейских, не спеша поднялся с мостовой. При свете уличного фонаря перед участниками сцены предстал крикливо одетый, низкорослый, худой человечек с резкими чертами хитрого лица.

— Что ты тут делал? — сухо поинтересовался Женэ, ничем не выдавая своего разочарования.

«Барон Бине» подмигнул, достал из бокового кармана пиджака платок и брезгливо вытер запачканные руки.

— Навещал подружку. Уверяю вас, мой ви-

Продолжение. См. «Огонек» №№ 43—50.

Д. С. СТРЭИНДЖ

ПОВЕСТЬ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

ЬБЕРТ ОБРЕТАЕТ ЛИЦО

зит сюда не носил делового характера. Да и какие у меня могут быть дела в такой дыре?! Нет, нет! Я просто проводил время с приятельницей, когда к ней ворвались ваши холуи.

Один из детективов сквозь зубы, но довольно громко буркнул, что эти «холуи» дорого обойдутся мерзавцу.

— Не знаю, кого они ловили,— продолжал «Барон»,— но, будучи от природы человеком стыдливым, я решил улетучиться через окно. Только успел выбраться, как они меня заметили и погнались. Сами понимаете, я не стал останавливаться и уточнять, в чем, собственно, дело.

— Да, наш старый знакомый...— задумчиво протянул Жена.— Ты знаешь этот район? Бывал здесь раньше?

— А как же,— усмехнулся Бине.— Как говорится, тут мой отчий кров. Я родился вон в том доме.

— Скажите, пожалуйста!

— Мемориальную доску в мою честь на нем пока еще, правда, не установили, но...

— Но ты можешь ее заслужить сегодня вечером,— сухо прервал Жена.

«Барон» хитро посмотрел на комиссара и на его молчаливых спутников.

— Значит, это не делегация, выделенная для торжественной встречи «Барона Бине»? Какая жалость! Вы разочаровали меня, господа фараоны, но все равно я к вашим услугам. Разумеется, в пределах разумного.

К сожалению, тут же выяснилось, что большой пользы он, видимо, принести не может. У подружки «Барон» гостил уже вторые сутки и за все время ни разу не выходил из дома. Ему неизвестны сплетни о появлении тут какого-нибудь нового человека или о каких-нибудь необычайных происшествиях. Тем не менее поведение «Барона» сразу изменилось, как только ему предъявили плакат с портретом Альберта. Он долго его рассматривал, потом взглянул на Жена.

— Почему вы сразу не сказали, кто вас интересует? — с возмущением спросил он.

— Ты его видел?

— К сожалению, нет... Но двести тысяч франков!

— Не строй особых надежд на все вознаграждение, но часть его ты получишь, если поможешь нам. Сможешь помочь?

— Видите ли... Гм... А что от меня требуется?

— Вчера вечером его заметили около фабрики. Видимо, он скрывается где-то здесь. Нам нужно знать, где именно.

Бине сощурился, на губах у него заиграла плутовская ухмылка.

— Ну, а если я выскажу предположение?

— Довольно валять дурака! — крикнул Брассар и схватил «Барона» за руку.— Если ты что-то знаешь...

— Не уверен. Но вот одну занятную историю слышал...— Он втянул шею и взглянул на Жена из-за Брассара.— Я знаю, вы всегда держите свое слово, господин комиссар. Вы не подведете меня?

— Отпустите его,— приказал Жена.

Брассар перестал держать Бине, и тот с оскорбленным видом поправил пиджак.

— Рассказывай.

— Понимаете, как-то во время войны мне пришлось сидеть в тюрьме. Меня поместили в одну камеру с политическим. Вскоре бедняга умер, по-моему, от воспаления легких, но незадолго до смерти рассказал, что он попался в лапы бошей из-за кашля.

— Ну и что?

— Терпение, терпение, господа! Дело происходило зимой, и он скрывался от немцев в холодном, сыром месте, где, по его словам, со стен стекала вода. Ну, раз человек скрывается, тут уж выбирать нечего... Как он трогательно рассказывал, господа! Так вот, он и говорит, что однажды лежал в темноте и прислушивался, как проклятые немцы ходят у него над головой. Еще несколько минут, и они бы ушли, но он не мог сдержать кашля. Вы же понимаете...

Жена жестом удержал Брассара, с угрожающим видом шагнувшего было к Бине.

— Где же он скрывался?

«Барон» прямо-таки наслаждался нетерпением слушателей.

— Я подумал, что коль скоро ваш Альберт тоже политик, он мог слышать эту историю. Если, как вы говорите, он работал на гестапо...

— Довольно предисловий!

— Хорошо. Так вот, мой умирающий сосед по камере сообщил, что недалеко от фабрики когда-то протекала река, ее вода использовалась для красильни или чего-то там еще. Странно, я тут родился и жил, но ничего подобного не знал. Правда, тот человек пояснил, что лет сто назад реку отвели в тоннель. Сейчас на этом месте, позади гобеленовой фабрики, стоит склад. Я, конечно, заинтересовался и попросил его рассказать поподробнее. И знаете, в тоннель все еще можно спуститься. По словам политического, вход туда прикрыт железной крышкой, как в канализационный колодец; от колодца идет высокий тоннель — его своды и арки вроде бы служат фундаментом склада. Он сказал, что, если бы не холод и сырость, там можно прожить сколько угодно. От всей этой мерзости бедняга и умер.

— Ты знаешь это место? — спросил Жена.

— Да, побывал там позже... Сами понимаете, из любопытства.

Жена движением руки приказал Бине сесть в машину.

Анри прислушался к голосу ребенка, умолявшего своего непутевого Бонбона вернуться. Голос приближался, затем донеслись торопливые детские шаги. Анри бесшумно, чтобы не вспугнуть кота, перешел улицу, осторожно поднял руку и слегка поскреб стену. Кот отнесся к его уловке со скучающей снисходительностью, давая понять, что он слишком стар и опытен, чтобы обращать внимание на подобную чепуху. Тем не менее он стал потягиваться, всем своим видом показывая, что не станет возражать, если его приласкают. Анри крепко ухватил Бонбона за шиворот и посадил на плечо; почти тут же из переулка выбежал мальчик лет девяти.

— Это твоя животинка? — обратился к нему Анри.

В полумраке он увидел, как выражение озабоченности на маленьком личике сменилось радостной улыбкой.

— Да, мосье. Он у меня такой плохой, вечно убегает. Иди сюда, Бонбон! Я приготовил тебе вкусный ужин.

Он протянул руки, но Анри не спешил отдавать кота, хотя острые когти впились ему в плечо. Поглаживая Бонбона, он с улыбкой взглянул на мальчика.

— Красивый он у тебя. Я нашел его в пустом складе.

— О, понимаю! Ему там нравится. Однажды его закрыли в этом складе на всю ночь, и я разыскал его только на следующий день.

— Ты тоже любишь там играть?

— Да, мосье,— улыбнулся мальчик. Ему, видимо, понравился симпатичный прохожий, приласкавший его любимца.

Анри осмотрелся.

— Тут, конечно, интересно играть. В сыщиков-разбойников, в прятки...

— Вы знаете, мосье, мы играем в участников Сопротивления, как, например, капитан Морис. Он погиб здесь в схватке с немцами. Вы видели бронзовую доску на углу?

Анри не видел ее, но такие доски висели в Париже во многих местах. Такой-то и такой-то, пожертвовавшие жизнью в боях против оккупантов, и дата. Печальные памятники мужественным людям, погибшим при освобождении любимого города... Разве не естественно, что дети Парижа играют именно в такую игру?

Мальчик нетерпеливо посмотрел на Анри.

— Вы тоже участвовали в Сопротивлении?

— Да... А как вы играете?

— Мы прячемся, а кто-нибудь из ребят изображает агента гестапо, и он нас разыскивает.

— Понимаю. Где же вы прячетесь?

— Здесь много укромных местечек.

— Например, тот пустой склад, где прятался Бонбон?

— Ну, там очень легко найти.

— А может, на крышах? Я очень любил забираться на крыши, когда был мальчиком.

— Конечно.

— Или в каком-нибудь подвале. Здесь много хороших подвалов?

Анри показалось, что в глазах мальчика появилось испуганное выражение.

— Я должен идти, мосье.

— Нет, нет! Расскажи мне о подвалах. В подвале можно спрятаться надолго. Я сам когда-то так делал.

— Да, верно.— Мальчик опустил голову и ногой принялся раскапывать ямку между камнями мостовой.

— Ну, ну, давай же.— Анри присел на корточки и притянул к себе ребенка.— Так что же с этим подвалом?

Мальчик со страхом взглянул на него и отвел глаза в сторону.

— В нем живет привидение.

— Да ну?! Там что-нибудь происходит?

— Говорят, во время войны в нем скрывался человек. Он потом умер.

— И сейчас подвал посещает его дух, да? — мягко спросил Анри. Мальчик кивнул.— Почему ты так думаешь?

— Он... кашляет,— прошептал мальчуган.

— Кашляет?! Ты уверен?

— Да, мосье. Прошу вас, отдайте, пожалуйста, кота. Мне пора домой.

— Ты сам слышал кашель?

И опять неохотный кивок.

— Когда?

— Сегодня утром.— Мальчик еще теснее прижался к Анри и с беспокойством посмотрел через его плечо.— Мы с Леоном советовались, как обмануть этого задавалу Жака. Он говорит, что нам не поднять крышку, потому что она сделана из железа и очень тяжелая. Но я узнал, что в подвал можно попасть и через другой ход.

— И тебе это удалось?

— Удалось. Только не вчера. Вчера шел дождь. Позавчера утром.

— И ты слышал, как кашляло привидение?

— Нет, мосье. Я туда пробрался, но там никого не было.

— Где же это место?

— Сбоку от склада, где сломана стена,— тихо скороговоркой пробормотал мальчик.

— А сегодня утром, говоришь, ты слышал кашель?

— Слышал.

Анри встал, и мальчик боязливо приник к нему.

— Я хочу домой, мосье!

— Что? Такой большой и боишься! В Сопротивлении никто не боялся... Это под землей? Подвал?

— Да. Вроде тоннеля, туда можно спуститься по лестнице. Там слышен шум воды в реке.

— Подземная река? Может, сточная труба?

— Говорят, река.

— Знаешь что? Ты покажешь мне это место, а я отдам тебе Бонбона и пятьдесят франков в придачу.

— Но там же дух, мосье!

— Им я займусь сам.

— И он не сделает мне плохо?

— Обещаю.

Мальчик посмотрел на Анри; видимо, улыбка молодого человека придала ему уверенность. Он взял его за руку.

— Хорошо, я покажу. Только нужно идти тихо.

Робко и в то же время с трогательной гордостью ребенка, показывающего другу самое ценное свое сокровище, мальчик повел Анри по улице, затем между двумя сараями. Через пустырь, прямо перед собой, Анри различил контуры одинокого каменного здания без окон; оно смутно рисовалось на фоне легкого зарева, мерцавшего позади него, там, откуда доносилось шуршание бегущих по мокрой мостовой машин. Очевидно, за корпусами погруженной во мрак фабрики проходила большая улица. А здесь было тихо, слышалось лишь прерывистое, возбужденное дыхание ребенка. Стараясь не производить ни малейшего шума, он вел за собой Анри.

Вскоре мальчик остановился и молча ткнул пальцем вниз. Анри нагнулся и нащупал холодную поверхность круглой железной крышки, вроде тех, какими закрывают канализационные колодцы.

— А где другой вход?

Мальчик нашел его руку и повел дальше, шепотом предостерегая там, где можно было споткнуться. Так они прошли вдоль склада и свернули за угол; Анри ощутил под ногами разбросанные кирпичи.

— Вот здесь,— снова послышался шепот,— за этой решеткой.

Анри достал монету и передал ее мальчику.

— Спасибо,— прошептал тот.

— Ты хороший парень. А теперь беги домой. Вот твой кот.— Однако у Бонбона, очевидно, появились свои соображения на сей счет. Он так крепко вцепился в Анри, что тому пришлось повозиться, прежде чем он сумел оторвать кота и передать мальчику. В этот момент откуда-то из-под ног у них раздался кашель. От неожиданности Анри едва не подпрыгнул, а ребенок, вскрикнув, сорвался с места и умчался в темноту, не выпуская из рук кота, мяуканье которого вместе с топотом маленьких ног еще доносилось некоторое время, пока не затихло вдали.

Анри стоял не двигаясь. Что делать дальше? Если человек внизу и решил, что мальчик был один, разве он не подумает, что ребенок может привести сюда еще кого-нибудь? Он, вероятно, вооружен и, встревоженный и напуганный, будет ждать. А может, просто скроется из своего убежища?..

Самое правильное, размышлял Анри, было бы следить за обоими выходами, пока не появится возможность позвать кого-нибудь на помощь. Рано или поздно полиция заглянет и на эту улицу, а пока...

Да, но, если из подвала имеется два выхода, почему их не может оказаться больше? Несомненно, так оно и есть. Если мальчик говорил правду и внизу действительно протекает речка, должны быть какие-то подземные каналы и люки к ним. Нет, ждать нельзя...

Анри ногой откинул крышку люка, отскочил в сторону и осветил фонарем отверстие.

— Выходи! — крикнул он.— Поднять руки!

Из темного отверстия не донеслось ни звука, но слух Анри уловил слабый, тут же прекратившийся шум. Заметив, что колодец не так уж глубок, Анри выключил фонарик и прыгнул. Он рассчитывал ослепить неизвестного ярким лучом света и укрыться за каким-нибудь выступом.

Ударившись о холодные камни дна, Анри опустился на четвереньки, метнулся в сторону и растянулся плашмя. В то же мгновение над головой у него просвистела пуля; он понял, что находится в узком помещении со сводчатым потолком, похожем на коридор. Стрелявший лежал футах в пятнадцати от него. Снова прогремел выстрел. Пуля оцарапала Анри руку, и он быстро перебрался на другую сторону. Выстрел оглушил его, но все же он услышал голоса и крики. Возможно, их услышал и неизвестный — третьего выстрела не последовало. Анри встал на четвереньки и пополз вперед.

Да, сомнений не оставалось: где-то почти рядом звучали голоса людей, окликавших друг друга, потом послышался скрежет металла о камень. Судя по звукам, снимали крышку сточного колодца. Прошло еще несколько секунд, и почти над самой головой Анри, значительно ближе, чем он думал, на фоне бледного ночного неба открылось круглое отверстие, тут же заслоненное чьей-то склонившейся над колодцем фигурой. Скорее почувствовав, чем уловив какое-то движение, Анри увидел, как притаившийся поблизости человек поднял руку, как блеснул ствол пистолета; крикнув что-то бессвязное, он бросился к неизвестному. Снова оглушительно прогрохотал выстрел...

— Здесь должен быть еще ход. Ищите! — приказал Женэ.

Полицейские рассыпались. Брассар пронзительно свистнул, и к нему начали сбегаться другие детективы. Площадь перед складами наполнилась людьми, лучи многочисленных фонариков то перекрещивались, то разбегались, то снова сливались в одно яркое пятно. Вскоре Брассар крикнул, что обнаружил пролом в стене.

Женэ бросил взгляд в отверстие у своих ног. Это был круглый люк с уходившей в темноту железной лестницей. Снизу доносился шум борьбы, прерывистое дыхание, возгласы Брассара и детективов, пробиравшихся под складом к месту схватки. Женэ быстро спустился в колодец и включил фонарик. В неярком свете он увидел, как Анри вскочил и пинком отшвырнул револьвер от тянувшейся к нему руки, как кто-то лежавший на полу отпрянул и закрыл лицо ладонями. Тяжело дыша, Анри повернулся к своему другу. Некоторое время они молчали. Молчал и подоспевший с людьми Брассар. Тишину нарушал лишь шум воды в трубе и звук падающих с потолка капель. Анри нагнулся и с силой отдернул руки, которыми прикрывался неизвестный. На них смотрели глаза бледного, испачканного грязью Альберта; его запекшиеся губы кровоточили, взлохмаченные, когда-то волнистые и напомаженные волосы в беспорядке падали на лоб.

Анри взглянул на него и почувствовал в горле комок жгучей ненависти. Шатаясь, он отвернулся, схватился за перекладины железной лестницы и уронил на них голову.

Он не слышал, как Женэ что-то сказал Брассару, но ощутил на плече руку комиссара.

— Пойдем, старина. Тебе нужно выпить глоток чего-нибудь.

— Да, конечно...

Холодный, сырой воздух улицы показался необыкновенно свежим и приятным.

Анри не замечал пристальных взглядов окружающих. Он видел только тот день, когда в таком же тумане с моросящим дождем наблюдал за арестованным Робером и слышал, как хрустнул костыль, когда брат упал.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Альберт был доставлен в префектуру. Неизвестно как, но весть об этом распространилась с поразительной быстротой. Несмотря на раннее утро, на улице перед префектурой собралась толпа, ее угрожающий ропот долетал через открытые окна в кабинет Женэ. Полицейские тщетно разгоняли любопытных — они тут же собирались вновь. Альберт, несомненно, должен был чувствовать, как вздымается к нему ненависть людей. Во время почти непрерывного допроса, прислушиваясь к грозному гулу человеческих голосов и все ниже, словно под непомерной тяжестью, склоняя голову, Альберт наконец не выдержал и крикнул:

— Разгоните толпу! Или у вас некому заняться этими подонками?!

Альберт уже мало походил на прежнего красавчика. Его некогда русые волосы приобрели — от грязи или от пыли — какой-то мышиный оттенок, пухлое злое лицо обезображивали синяки. Только голубые глаза, хотя в них и затаились животный страх и злоба, и длинные черные ресницы оставались по-прежнему красивы, как у женщины.

Вначале Альберт держался вызывающе, утверждал, что происходит из одной древней французской семьи, которая до войны проживала в родовом особняке в Сен-Антуанском предместье, а позднее перебралась на юг страны, под Канны. Он продолжал настаивать на своем даже после того, как полиция установила, что он действительно проживал в «родовом особняке», но... в качестве лакея. Когда ему сообщили об этом, Альберт тут же заявил, что он незаконнорожденный отпрыск этой фамилии, которому якобы не удалось доказать своих прав. Некогда порядочные люди не только признавали своих детей, даже внебрачных, но и помогали им обосноваться в жизни. Теперь не то, теперь все пошло иначе, поскольку к власти пришли... И тут следовал кивок в сторону открытого окна.

Нет, он не бежал вместе с семьей на юг перед приходом немцев. Почему он должен бояться немцев? Они так много сделали для восстановления во Франции законности и порядка. Нет, нет, он никогда не работал на немцев. Ко времени вступления оккупантов в Париж он уже болел, болел и потом, позже, а жил на сбережения своих родителей, тогда уже покойных.

Альберт не отрицал, что во время войны проживал в квартире Деланелей, но с пеной у рта утверждал, что никогда не пользовался их телефоном для сбора информации. Полиция явно получила неправильный номер. Возможно, речь шла о каком-то похожем номере, но только не о его.

Да, верно, в то время он жил под вымышленным именем, если только его можно назвать вымышленным. Эйтвиль — фамилия семьи, отпрыском которой он являлся. Он имел все основания носить эту фамилию, и просто смешно, что его хотят превратить в какого-то лакея. И его внешность и его способности начисто опровергают подобное нелепое утверждение.

Вряд ли была необходимость устраивать ему очную ставку с соседями Деланелей, но все же пошли и на это. Мадам Рике и ее сын сразу опознали Альберта, и на недалекую женщину его вид (он держался перед ней как принц-изгнанник) произвел такое впечатление, что она присела перед ним в глубоком реверансе.

— Что они сделали с вами, мосье! — Она в ужасе всплеснула руками.

Альберт обвел злобным взглядом бесстрастные лица присутствующих, задержался на стоявшем у окна Анри Магрите, на Женэ, на Брассаре — тот, позевывая, сидел у двери,— на суровом, с резкими чертами лице Флери из военного трибунала, приехавшего поздравить Женэ и посмотреть на Альберта.

Вместо ответа на испуганный возглас мадам Рике арестованный лишь пожал плечами, дескать: «Ничего не поделаешь. Кто не знает, какие скоты эти полицейские!»

— Скажите им лучше,— властно сказал Альберт,— что я всегда вел себя как порядочный и благовоспитанный человек.

— Да, да, правильно! Вы всегда были так добры и заботливы! Вы могли и поднести тяжелую корзину женщине и сделать приятное ребенку...

Рике умолкла, ее смутили мрачные взгляды окружающих и выражение злобы и удовлетворения в голубых глазах арестованного.

После ухода Рике Женэ устроил Альберту очные ставки с другими арестованными. Все категорически утверждали, что никогда его не видели, но те, кто разговаривал с ним по телефону, более или менее твердо опознали его голос. Особенно категорически настаивал на этом владелец ювелирного магазина Сарьян.

Альберт передернул плечами и с насмешкой взглянул на Женэ, как бы говоря: «Ну, если это лучшие ваши свидетели...»

Только в конце допроса Альберт несколько утратил свою самоуверенность. Это случилось, когда в кабинет ввели мадам Пуссин. Возможно, он не знал об аресте супругов, хотя это казалось маловероятным. Во всяком случае, увидев мадам Пуссин, он заволновался и сумел взять себя в руки лишь после того, как она сказала:

— Да, я его встречала в «Клубе Монмартр».

— А раньше? — спокойно спросил Женэ.

— Нигде и никогда.

— Разве он не бывал у вас несколько лет назад в доме на площади Вогезов?

— Нет.

— Подумайте, подумайте!

Она улыбнулась так же презрительно, как и Альберт перед этим.

— Я не знакома с ним, но раз-другой видела его в клубе, вот и все.

Женэ жестом приказал увести ее.

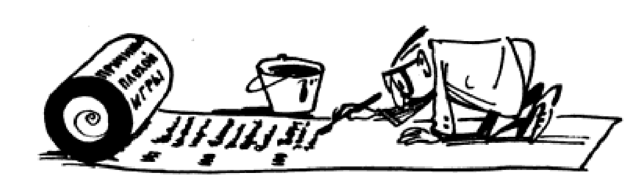
Некоторое время он сидел молча, барабаня пальцами по столу. По его распоряжению Пуссин находился под охраной в соседней комнате, лишенный возможности не только переговорить с женой, но даже обменяться с ней взглядами. Даст ли какой-нибудь результат очная ставка владельца клуба с этим типом, который сидит перед ним и грязным носовым платком вытирает вспотевший лоб?

Внезапно на лице Женэ появилась слабая улыбка.

— На сегодня все. Уведите его! — приказал он. Потом кивком подозвал Брассара и шепотом отдал какое-то распоряжение.

Окончание следует.

НУЛИ БЕЗВОЛИЯ



Лев ФИЛАТОВ

Сезон затянулся как никогда, с марта по декабрь. За это время мы стали свидетелями множества самых разных событий и превращений. Менялось и настроение. Июнь — глубокое разочарование игрой нашей сборной в Мексике. Сентябрь — очередная волна скепсиса и пессимизма после обескураживающего, на первый взгляд необъяснимого поражения «Спартака» от заурядного «Базеля» в розыгрыше Кубка европейских чемпионов, совпавшего со сдачей позиций в первенстве страны прежними лидерами — тем же «Спартаком» и киевским «Динамо». Октябрь — ноябрь — все несколько приободрились, приосанились, увлеченные интересным соперничеством ЦСКА и московского «Динамо» в эндшпиле чемпионата, победами переформированной сборной над командами Югославии и Кипра.

Вообще зима, когда к нашим услугам заполненная таблица чемпионата,— время хоть и удобное для всякого рода подсчетов, но и обманчивое. В итоговой таблице скрыта опасность оптического обмана. Она своей упорядоченностью, стройностью невольно создает впечатление, что все в порядке, команды заняли полагающиеся им второй круг прошли лучше, чем первый, команды, нашедшие в себе силы бороться до конца, без ссылок на усталость, психологическую депрессию и т. д. Объяснение элементарное: все они были напуганы близостью обрыва, всем им не хотелось расставаться с высшей лигой. Именно эти команды сделали концовку чемпионата острой, преподнесли несколько неожиданностей. У нас почему-то принято считать, что большой обмен между высшей и первой группой искажает турнир, вносит в него нервозность. Но представим, что в этом году вылетала бы одна команда. Неудачник определился бы довольно быстро («Спартак» из Орджоникидзе), и нетрудно предположить, что все остальные перечисленные команды позволили бы себе раньше срока уйти на каникулы.

Какие же клубы вторую половину чемпионата провели слабее? Это «Динамо» Киева и Тбилиси, московское «Торпедо», «Нефтчи», «Арарат», ростовский СКА. Им ничего не грозило и ничего особенно не хотелось. Все они прожили год на льготном, щадящем волевом режиме и скорее всего бесполезно. (А надо заметить, что в этой шестерке три первых клуба традиционно причисляются к «великим», а три остальных — к «способным, интересным, многообещающим».)

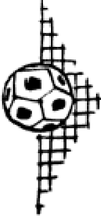
Выходит, к истинным волевым достижениям мы вправе отнести лишь расчетливый шаг московского «Динамо» на протяжении всего чемпионата, бросок на финише ЦСКА и, пожалуй, еще напористость «Зари», вторгшейся несколько неожиданно на пятое место. Прямо скажем, маловато положительных примеров!

Между тем именно ослабление волевого начала становится одной из наиболее тревожных тенденций в нашем футболе.

У меня нет ни малейшего сомнения в том, что на чемпионате мира наша сборная объективно, по сумме чисто футбольных достоинств и возможностей, была выше команд Мексики, Сальвадора и Уругвая. Однако в матче с первой она была полностью удовлетворена нулевой ничьей, вторую одолела еле-еле, играя несобранно и медленно, ну а третьей уступила главным образом из-за недостатка смелости. Так же очевидно, что наш чемпион должен был выглядеть на голову выше чемпиона Швейцарии, не прояви он инфантильности, не рассчитывай он на свое «общепревосходство». Кстати, примерно в это же время в Лужниках «Спартак», находясь под впечатлением, что победы ему обеспечены, сделал ничьи с «Араратом» и «Нефтчи», что и вывело его из числа претендентов на золотые медали. Я вспомнил об этом, чтобы яснее была связь поведения наших команд во внутреннем чемпионате с тем, как они выглядят порой в международных матчах. Может быть, и способна иногда команда «собраться» на ответственную встречу, но это все же скорее счастливое исключение. Правило же состоит в том, что хорошая игра в предстоящем матче обеспечивается столь же хорошей игрой в матчах предыдущих. Такая гарантия наиболее надежна.

Мне кажется, никогда у нас раньше так не изощрялись в поисках благовидных предлогов, объясняющих неудачи. Сейчас на каждый случай готово коммюнике из многих пунктов. Чего тут только нет! Смена поколений, травмы, фатальное невезение, судейские ошибки, состояние поля, дождь, солнце, ветер, усталость тридцатилетних и неустойчивость юных, моральное бремя лидерства, такой-то игрок не выполнил задания, расписание игр немилостиво, самолет задержался, гостиница не та, традиционно трудный противник... Нет, едва ли я перечислил и половину популярных версий. Между тем, если говорить серьезно, существует лишь одна уважительная причина: противник был сильнее. Но именно она упоминается редко. Все же остальные — в большом ходу, их достают, как из мешка бочоночки лото. Пусть даже какие-то из этих и других не названных обстоятельств и играют подчас недобрую роль, но бесконечные ссылки на них, как мне кажется, прежде всего действуют разлагающе на футболистов: те привыкают к тому, что после поражения тренер и другие ответственные лица найдут, как его объяснить и оправдать. Мы гневаемся, когда так называемые меценаты выручают пьянчужку либо хулигана. Но не следует ли задуматься над пагубным влиянием всех этих версий, которые, чем дальше, становятся все более «научно» сформулированными, а на деле, если разобраться, маскируют простые вещи? Такие, как недостаточная квалификация игроков, их безответственное отношение к своим обязанностям, бесхарактерность, нераспорядительность тренеров.

Все, например, не прочь изучить природу того поразительного факта, что тбилисское «Динамо» из 16 матчей, проведенных за пределами родного города, не выиграло ни одного. А изучать нечего. Тбилисские футболисты успели привыкнуть к тому, что за проигрыш «в гостях» с них особенно не взыщут: ну как же, у них ведь «комплекс» слабой игры на выезде! Чтобы это косвенно подтвердить, они исправно играют дома, на глазах у своих болельщиков и спортивного начальства. И получается, что команда, по своим данным способная задавать тон в нашем футболе, претендующая на то, чтобы ее именовали классной, на самом деле тратит в чемпионате половину сил. Убежден, что такое поведение лишает команду права ходить в классных, оно говорит о ее легкомысленном подходе к игре, к своему спортивному долгу.



Судя по таблице, полагается поздравить «Спартак» с призовым местом. Будущий историограф, несомненно, внесет бронзовые медали спартаковцев 1970 года в ак-

полочки и можно, как это издавна принято, руководствуясь ранжиром, приступить к раздаче как комплиментов, так и упреков, перемешанных с пожеланиями на будущее. Это ведется из года в год, ритуал узаконен. Да и как, скажите, не похвалить призеров?! Невежливо!

Итоговая таблица всегда имеет один и тот же облик и непроницаемо молчит. Если мы у нее спросим, а как же играли команды, то она ответит, кто был сильнее, удачливее, но оценивать игру не ее дело. Попробуйте взглянуть на таблицы, скажем, 1948 или 1949 годов: они такие же, как и нынешняя, та же самая тройка призеров. И ничего больше не известно. Так же люди взглянут на таблицу этого года спустя двадцать лет, и она у них не вызовет эмоций, разве только археологическое любопытство. Но нам с вами и рано и странно бесстрастно взирать на итоги этого года.

Позволю себе начать с конца таблицы. «Черноморец», «Зенит», «Шахтер», «Динамо» (Минск), «Пахтакор», «Спартак» (Орджоникидзе) — вот команды, которые

тив клуба. Но он не будет знать того, что известно нам с вами. А нам ну прямо-таки неловко расшаркиваться перед экс-чемпионом, словно бы в насмешку. Прямо скажем, «Спартак» нынче опростоволосился. Сохранив прошлогодний состав, он растерял счастливо найденную игру и единство. Нет, спартаковцы не все забыли, их яркие победы летом над земляками динамовцами и армейцами дали понять, что команда попрежнему способна на многое. Но дух борьбы угас, и тут уж ни суперсовременная тактика, ни техническая щеголеватость выручить не могут. Наверняка спартаковцы рады были бы обыграть «Базель», но, потеряв себя в матчах чемпионата, не сумели обрести свою игру и в международной встрече.

Существует приз, учрежденный газетой «Советская Россия», под названием «За волю к победе». Учитываются выигрыши у противника, который в ходе матча вел в счете. Замысел хорош. А вот зафиксирован всего 21 такой случай. Напомню, что матчей было 274. Даже на глаз видно, как редко командам удается переламывать судьбу, выходить из трудного положения.

Лучший бомбардир — тбилисец Гиви Нодия. Он, несомненно, наделен даром «голеадора», форварда, умеющего забивать голы. В свои 22 года он забил в матчах чемпионатов 55 мячей и обещает стать одним из самых молодых членов клуба Григория Федотова (100 голов). Однако со своим нынешним рекордом — 17 голов — он не будет включен в списки ведущих бомбардиров Европы, ибо там учитываются лишь те, кто забил не менее 20 голов. В прошлом сезоне таких игроков в Европе нашлось 35. Думаю, что вины самого Нодия тут нет. Если бы тбилисское «Динамо» играло на победу не в половине матчей, а во всех, то наш лучший бомбардир скорее всего перевыполнил бы европейский «исходный норматив».

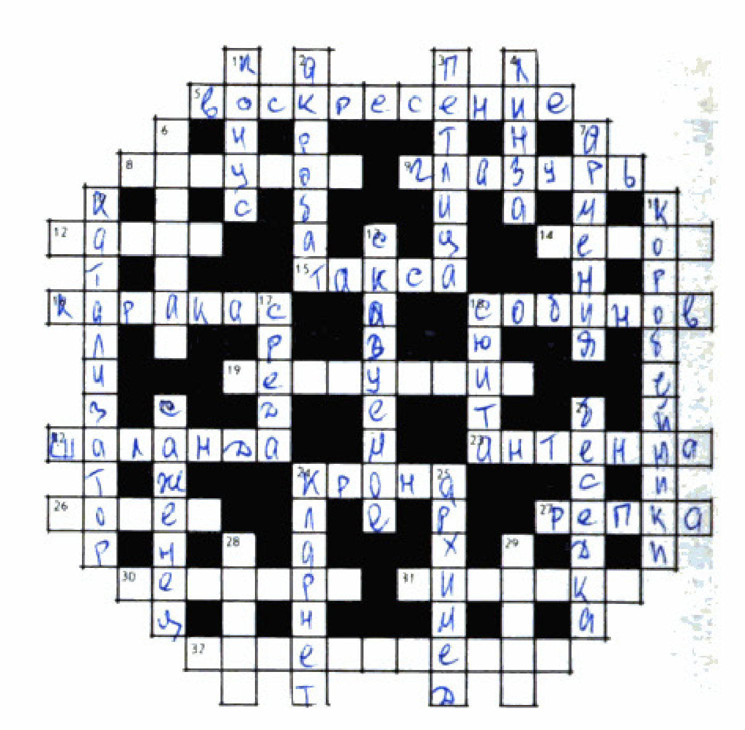
ЦСКА и московскому «Динамо», первому и второму призерам, суждена в этом чемпионате роль своеобразной палочки-выручалочки. Их пример, их опыт должен дать понять, что есть у нас клубы, на которые следует равняться остальным, клубы сильные и прогрессирующие. Нет, я не собираюсь ставить под сомнение их достижения, свои медали они заслужили честно, оба были сильнее, чем в прошлом году. Но меня смущает одно напрашивающееся сравнение. В прошлом году, как и сейчас, оторвались от остальных две команды — «Спартак» и киевское «Динамо». Однако лидеры предыдущего чемпионата показали более высокий уровень борьбы и набрали гораздо больше очков. Значит, если допустить, что одна из них провела бы и этот сезон с той же силой, то чемпион был бы у нас сегодня другой. Понимаю условность, даже фантастичность такого предположения, знаю, что каждый очередной турнир имеет свои особенности, и все же не могу отделаться от ощущения, что нынешние победители где-то чего-то недобрали, обязаны были пройти дистанцию еще убедительнее.

Говорю об этом вот почему. На мой взгляд, осенние именинные тосты, пусть даже и вполне заслуженные, должны произноситься трезво. Застолье склонно к преувеличениям, оно благодушно и щедро рассыпает самые громкие слова. А каково тем, к кому они обращены, кто готов по простоте душевной принять их за чистую монету? Три года хвалили киевских динамовцев, объявляли их и флагманом и эталоном, и в шумном заздравном хоре тонули голоса инакомыслящих, тех, кто, отдавая чемпионам должное, в то же время считал, что игру можно строить и по иным принципам, что опыт киевлян не абсолютен. Их надо было выслушать ради пользы общего дела. Но где там, не до них, брюзжащих завистников! Потом испил до дна сладкую чашу «Спартак» и, вполне возможно, поверил в свою исключительность. Поверил и отступил.

Пусть чемпионам будет воздано по заслугам, грешно было бы их не поздравить. Но от истины отступать нельзя. Положение в нашем футболе достаточно серьезное, не время строить иллюзии.

Я назвал бы и ЦСКА и «Динамо» командами скорее многообещающими, чем сделавшими все, чтобы иметь право спокойно перевести дух. Их нынешний успех в большей мере аванс, чем полный расчет. Нельзя не вспомнить, что оба лидера в ходе своего соперничества имели чувствительные срывы, как бы оказывали друг другу взаимные любезности. Были матчи, когда обе команды заметно робели перед своими соперниками, что выдавало не до конца сложившийся характер. К шапке Мономаха они еще не привыкли. Так что вряд ли есть основания торопиться объявлять их закаленными, стойкими, решившими все проблемы, готовыми на любые испытания командами. Названия они носят громкие, славные, но старую репутацию армейского и динамовского футбола им еще предстоит подтверждать и отстаивать.

После мексиканского чемпионата много было сказано о самых различных аспектах нашего футбольного хозяйства. Спору нет, предстоит решать уйму вопросов организационных, методических, строительных и бытовых. Но футбольная жизнь не имеет пауз, ведь уже где-то чертят календарь первенства 1971 года, уже известны даты встреч чемпионата Европы. И надо играть. Играть лучше, чем в уходящем году. Вот поэтому я сделал темой этих своих заметок вопрос о воле и о безволии. Минувший сезон дает основания всерьез задуматься над этой стороной игры. Слишком уж много было матчей, разыгранных бесстрастно, равнодушно. Не говоря о том, что обманываются в своих ожиданиях зрители, но и футболисты морально дисквалифицируются. И, быть может, пора перестать горестно и сочувственно вздыхать над «потерявшими форму» игроками и начать строго спрашивать с них самих и с тренеров, руководящих их занятиями? Уж слишком снисходительны мы к игрокам и командам, не рискуем называть вещи своими именами, молчаливо верим в «таинство» футбольного дела. А оно в принципе точно такое же, как и любое занятие любого человека, сидящего на трибунах. И люди начинают это понимать, их все более задевает низкое качество игры, которое они то и дело наблюдают на футбольных полях.



КРОССВОРД

По горизонтали: 5. Роман Л. Н. Толстого. 8. Народный поэт Дагестана. 9. Стеклообразный слой на керамике. 12. Действующее лицо оперы Н. А. Римского-Корсакова «Ночь перед рождеством». 14. Единица измерения электрического сопротивления. 15. Порода собак. 16. Столица Венесуэлы. 18. Русский певец. 19. Прозрачный термопластичный материал. 22. Плоскодонное судно. 23. Часть радиоустановки. 24. Денежная единица ЧССР. 26. Французский живописец. 27. Русская народная сказка. 30. Металл. 31. Картина И. С. Остроухова. 32. Наиболее яркая звезда в созвездии Ориона.

По вертикали: 1. Геометрическое тело. 2. Артист цирка. 3. Цветная нашивка на воротнике форменной одежды. 4. Оптическое стекло. 6. Порт на берегу Охотского моря. 7. Союзная республика. 10. Вещество, ускоряющее химическую реакцию. 11. Поэма Н. А. Некрасова. 13. Главный член предложения. 17. День недели. 18. Музыкальное произведение. 20. Дерево, выращенное в питомнике. 21. Постройка в саду. 24. Духовой инструмент. 25. Древнегреческий механик и математик. 28. Пушной зверек. 29. Шахматная фигура.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 50

По горизонтали: 5. Атласов. 7. Кувшин. 8. Карьер. 9. Гадулка. 12. Канзас. 14. Калька. 16. Балатон. 20. Сортавала. 21. Картофель. 22. Крапива. 24. Сапфир. 26. Павлов. 30. Лужайка. 31. Ригель. 32. Райнис. 33. «Холопка».

По вертикали: 1. Штанга. 2. «Кавказ». 3. Мазурка. 4. «Рудин». 6. Верфь. 10. Направник. 11. Патронташ. 13. Авдотка. 15. Крыльцо. 16. Бланк. 17. Лиана. 18. Тикси. 19. Нарва. 23. Пифагор. 25. Парик. 27. Лилия. 28. Ольхон. 29. Фарада.

На первой странице обложки: Красноярская ГЭС — самая мощная в мире гидроэлектростанция.

Фото А. Гостева.
Снимок сделан в конце ноября 1970 года с самолета, пилотируемого Н. Г. Розовым.

На последней странице обложки: Белоярская атомная электростанция имени И. В. Курчатова. **Внизу** — пульт управления станцией.

Фото Д. Ухтомского.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, Н. М. СЕРГОВАНЦЕВ, И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

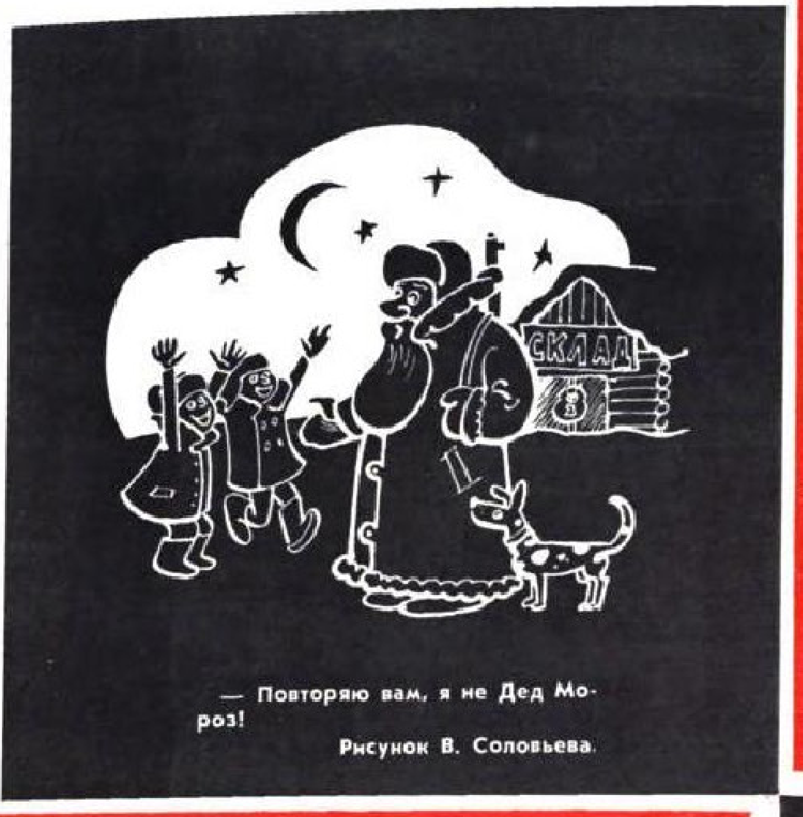
Адрес редакции: Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление Е. М. КАЗАКОВА.

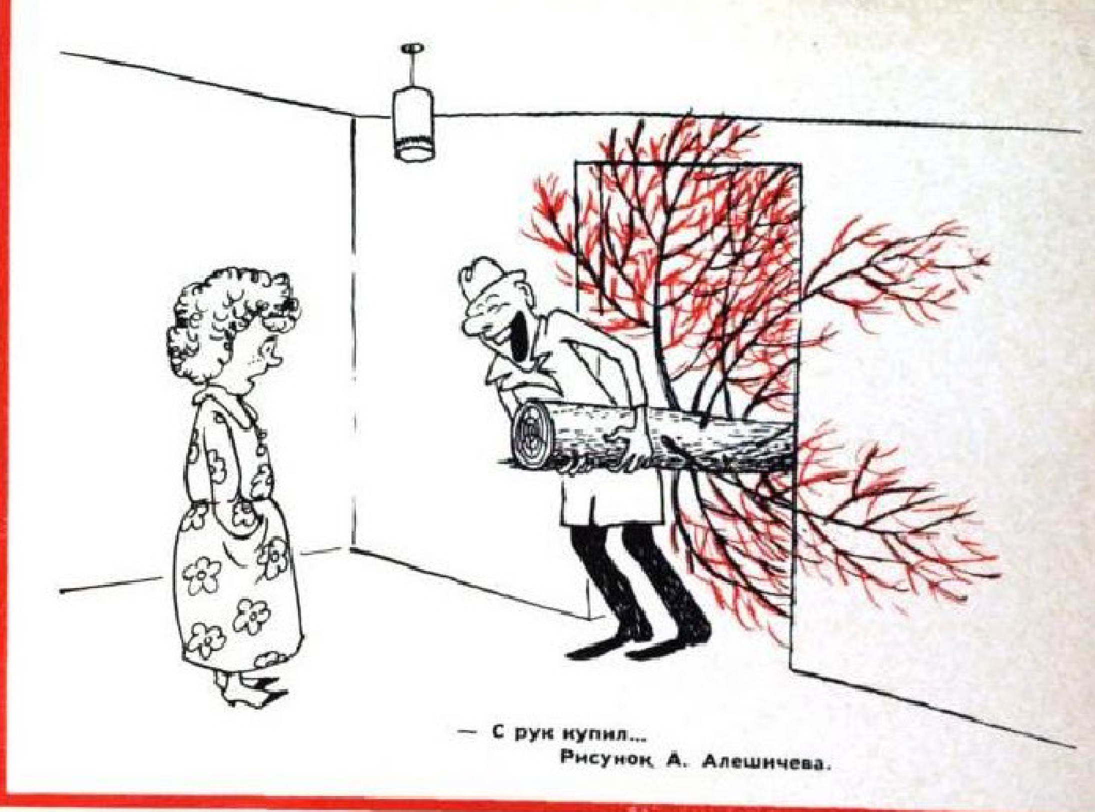
Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Искусств — 250-46-98; Литературы — 250-56-88; Очерка — 250-15-33; Критики и библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 253-37-52; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 1/XII-70 г. А 00513. Подп. к печ. 15/XII-70 г. Формат бумаги 70 × 108¹/₈. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 2473. Тираж 2 100 000 экз. Заказ № 3470.

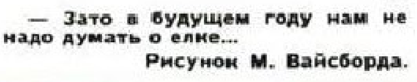
Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.



— Повторяю вам, я не Дед Мороз!
Рисунок В. Соловьева.



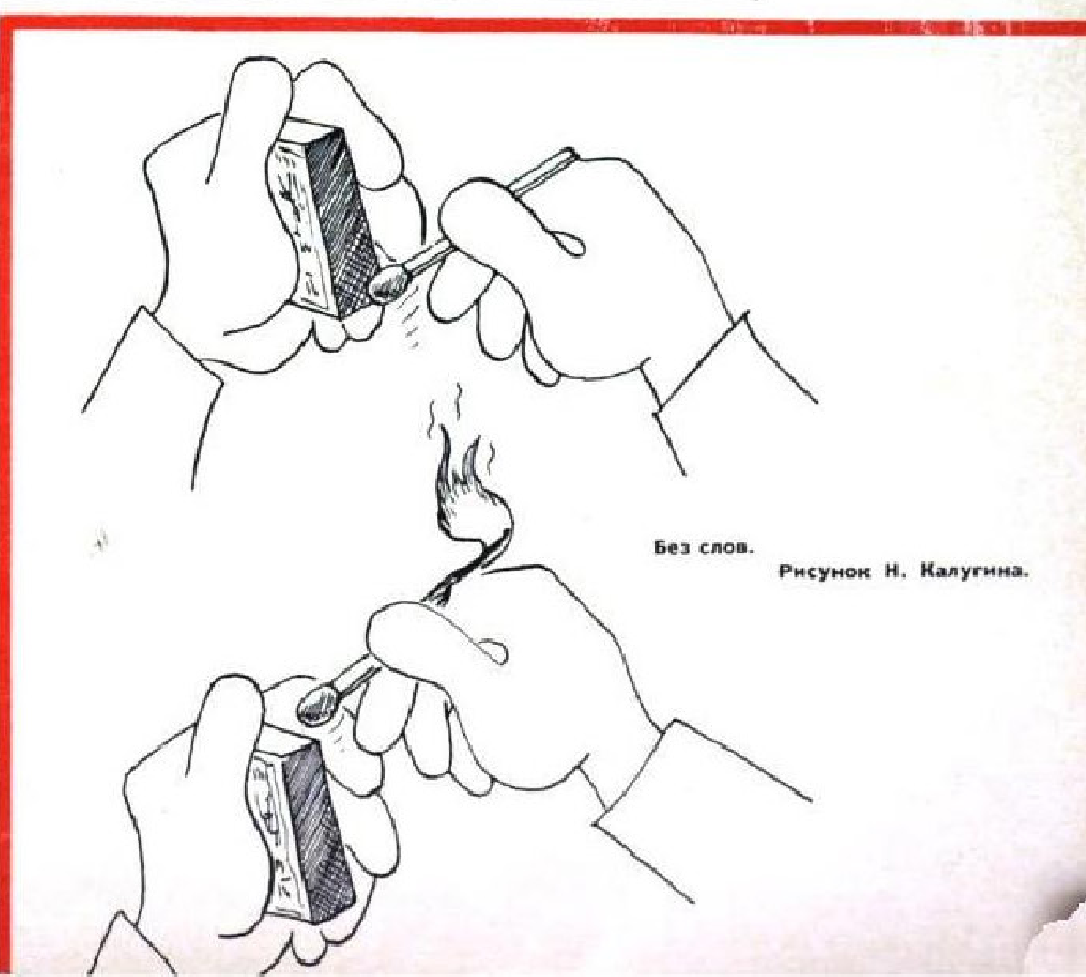
— С рук купил...
Рисунок А. Алешичева.



— Зато в будущем году нам не надо думать о елке...
Рисунок М. Вайсборда.

ЗЛЫЕ ЯЗЫКИ:
— Сразу видно — пьяница.
Рисунок В. Соловьева.

— Я хотел только поздравить вас с Новым годом!
Рисунок В. Соловьева.



Без слов.
Рисунок Н. Калугина.

Цена номера 30 коп.

Индекс 70663.